

Ксения Власова

Жените нас, ректор!

Пролог

Брак, если уж говорить правду, зло, но зло необходимое.

Сократ.

— Ариана Роук, вы... уверены в своем решении?

Кажется, ректор хотел поставить вопрос немного иначе. Например, спросить, не сошла ли я с ума.

Я бы обрадовалась, будь оно так. В душевном здравии участвовать в этом балагане с каждым днем становилось все сложнее.

— Абсолютно.

Недоверчивое, покрытое глубокими морщинами лицо ректора вытянулось, а за стеклами очков в золотистой оправе мелькнуло изумление. Худые узловатые пальцы, державшие изящную кружку из тончайшего фарфора, дрогнули, едва не расплескав ее содержимое: судя по запаху — свежесваренный кофе.

Ну вот, венчались бы как все нормальные люди — в церкви, и на церемонии витал бы аромат роз и расплавленного воска, а не кофе. Впрочем, если бы учредили премию «самый нормальный человек года», я бы даже не попала в список претендентов, что уж говорить об остальном...

Я окинула быстрым взглядом кабинет ректора. Книг здесь, на удивление, оказалось немного, зато одна из парчовых стен с изображением затейливого вензеля была увешана портретами венценосных особ снизу доверху. Прищурившись, я разглядела на некоторых из них подписи и, кажется, короткие пожелания, из тех, что знаменитости обычно пишут на книгах или фотографиях. На моих губах появилась улыбка: слишком ярко я представила, как ректор Ной Абрамс, собираясь на светский раут, заворачивает в бумагу огромную картину, а затем тащит ее во дворец и при случае (в перерыве между партиями в вист) непринужденно подсовывает ее для автографа. Кажется, я поняла, откуда у нашей магической академии столько влиятельных меценатов.

— Мне казалось, что спрашивать невесту о согласии следует немного позже, — сдержанно заметил Джонатан.

Я покосилась на него. Одетый, как обычно, во все черное, он возвышался надо мной справа и выглядел на редкость скучающим. Кажется, в его списке дел свадьба стояла где-то между чисткой зубов и сдачей письменной работы по артефактике.

Словно подслушав мои мысли, жених вытащил из кармана брюк круглые часы на металлической цепочке и равнодушно щелкнул крышкой, оголяя циферблат с черными стрелками, — вышло более чем многозначительно. Ректор, вспомнив, что перед ним глава Тайной Канцелярии, спешащий на работу, занервничал.

— Конечно, простите, рин Эйверли!

Я поморщилась. Приставка «рин» в очередной раз напомнила мне, какая пропасть лежит между мной и человеком, с которым я решила связать жизнь. Правда, ненадолго (всего лишь до развода), и это немного успокаивало.

Ректор торопливо одернул старомодный камзол темно-синего цвета и пригладил седые волосы, окаймлявшие проплешину на макушке, словно реденький лес — сверкающее на солнце озеро. По морщинистому лбу скатилась пара капель пота, и я в очередной раз подумала, что Джонатан определенно умеет вести переговоры.

Надеюсь, он научился этому в дипломатическом корпусе (или где-то в похожем месте), а не руководя процессом дознания в королевских пыточных. Скосив глаза вправо, я со вздохом призналась, что уверенности в этом нет. Внешность Джонатана отличалась той холодной красотой, при виде которой хотелось развернуться и бежать без оглядки, не забыв вежливо улыбнуться на прощание: обидеть Джонатана Эйверли мог разве что бессмертный василиск. Спятивший бессмертный василиск...

Видимо, об этом же подумал и ректор.

— Просто меня поразила поспешность принятого вами решения.

Джонатан молча приподнял бровь, ожидая продолжения, которого не последовало. Его темно-зеленые глаза по-прежнему равнодушно взирали на ректора, но на самом доньшке мне почудился интерес. Вот только я была готова биться об заклад, что вызвали его не словесные потуги ректора, а какая-то задача, которую мозг Джонатана сейчас решал. И вряд ли эта задача относится ко мне или к академии в целом. Политические интриги подходят на эту роль гораздо лучше. Я уже давно отметила очень полезное умение моего жениха — думать сразу о нескольких вещах одновременно.

— Вы же сами предупредили меня пару дней назад, что, если я немедленно не выйду замуж, вылету из академии! — возмущенно напомнила я.

Ректор искоса взглянул сначала на Джонатана, затем, с нотками безысходности — на дверь за нашими спинами. Пожалуй, многоуважаемый рин Ной Абрамс даже в страшном сне не мог предвидеть, к чему приведет его ультиматум. По всем законам логики пути Арианы Роук и главы Тайной Канцелярии Джонатана Эйверли никогда не должны были пересечься. Вряд ли ректор ожидал столкнуться с такой силой, когда решил, что вправе решать мою судьбу.

Я с трудом спрятала усмешку. Что ж, раз в год и палка стреляет.

— Правила есть правила! — выплюнул ректор, ненадолго оживая. К его мертвенно-бледным щекам прилил румянец. — Просто у вас, Ариана, было столько вариантов, — уже тише добавил он и патетично взмахнул рукой, словно призывая всех присутствующих в свидетели моей глупости, — что я рассчитывал на несколько более... длительный период обдумывания.

Я обернулась, чтобы проследить за направлением его руки. Возле двери переминались с ноги на ногу Патрик и Оуэн. Жест ректора заставил их обеспокоенно вжать головы в плечи. Кажется, роль претендентов на мое сердце их не особо впечатляла.

— Мне по закону еще нельзя жениться, — торопливо вставил Оуэн. — Мне всего четырнадцать!

Мальчишка нервным движением взъерошил на макушке длинные светлые волосы, забранные в хвост. Ох, попадет ему от наставника! Наследник дома Лингов должен выглядеть достойно даже тогда, когда грызет ногти от волнения.

— Вообще-то, по законам Ардрийского королевства, можно, — слегка заикаясь, не согласился Патрик. Поправив на носу с горбинкой круглые очки, он нудно продолжил: — Как известно, у наших соседей возраст вступления в брак наступает раньше совершеннолетия, и это дает возможность...

— Сам-то чего не женишься? — буркнул Оуэн. — И в соседнее королевство ехать не пришлось бы.

Патрик замер, явно не ожидая такого «ножа в спину» от друга. Он беззвучно пожевал губами, видимо, выискивая ответ в памяти, хранившей тысячи страниц прочитанных книг, но так и не нашел что сказать и вместо этого залился краской, как смущенная девица.

Мне стало жаль растерянного Патрика, который в одежде на размер больше нужного выглядел чудаковато, и я поторопилась спасти его от неловкости.

— Это наши свидетели, рин Абрамс! Вы...

— Их пугаете, — вежливо заметил Джонатан. Его тонкие губы сложились в ироничную улыбку. — Боюсь, кроме меня, здесь нет претендентов на руку Арианы Роук.

Ректор так тяжело вздохнул, что я едва удержалась от шпильки: так и хотелось предложить ему заглянуть под стол — авось под ним завалялся еще какой-никакой жених.

— Майкл будет очень разочарован, — пробормотал он себе под нос, и все тут же встало на места.

Какой же заботливый дядя у моего однокурсника Майкла! Интересно, не с его ли подачи он выдвинул мне ультиматум?

Я вспомнила похабные шуточки самоуверенного парня, и меня передернуло. Нет, уж лучше я выйду замуж за Джонатана! От него хотя бы проблем не будет.

Ведь не будет же?

Я нервно сцепила руки в замок и спрятала их за спиной. Уже не в первый раз я задумалась о правильности принятого решения. Конечно, вариантов у меня немного, но, вырвавшись из одной ловушки, не попаду ли я в новую?

— Потребуется ваша подпись, рин Эйверли, здесь и здесь.

Ректор уже достал толстую, похожую на амбарную, книгу и раскрыл ее на нужной странице, указывая Джонатану кончиком пера, где тому нужно расписаться.

— А разве вы не будете спрашивать, согласны ли жених и невеста? — удивился Оуэн. — Ну, знаете, как спрашивают об этом в храмах. Добровольно ли вы заключаете этот брак и все такое.

Ректор кисло улыбнулся. Думаю, от едкого ответа его удержало только понимание того, что перед ним стоит наследник дома Лингов. Нахамишь такому — и проблем не оберешься.

— Уверен, у рина Эйверли и Арианы Роук было достаточно времени подумать. Так что мы просто поставим подписи в венчальной книге и покончим с этим.

Я сглотнула. Вот так быстро и просто: ни церкви, ни лишних вопросов. В магической академии, огороженной от всего мира защитным коконом, ректор имел власть капитана на корабле и мог не только исключать и принимать студентов, но и (помимо прочего) женить их.

— Ариана, ваша очередь.

Джонатан выпрямился и отошел в сторону, уступая мне перо и стул с высокой спинкой. На столе из красного дерева лежала книга с ветхими, потрепанными временем желтыми страницами.

— Вот здесь и здесь.

Как в тумане, я опустила на стул и взяла в руку перо. Пальцы задрожали. Правильно ли я поступаю? Жена в этом диком мире, куда меня угораздило попасть, — собственность мужа. У меня не будет ни прав, ни свободы. Что, если я ошиблась и Джонатану нельзя доверять?

— Ариана, вы слышите меня?

Я подняла расфокусированный взгляд на ректора, пытаюсь сосредоточиться на происходящем.

— Да, конечно. Я...

Вдруг все слухи, гуляющие о Джонатане, правда?

— Тогда поставьте свою подпись.

Я обмакнула перо в чернильницу. Его острый кончик замер в паре дюймов над желтой бумагой.

Затылком я почувствовала сверлящий взгляд, который мог принадлежать только Джонатану. Лишь он умел смотреть так, что покрываешься холодным, липким потом.

— Ариана, — вновь окликнул меня ректор. В его голосе прорезалось нетерпение. — Вы

подпишите документ или нет?

Взгляд Джонатана стал еще более ощутимым. Мне будто вогнали в голову горящий гвоздь и принялись медленно проворачивать его.

Ладно, сейчас или никогда. Это просто прыжок, на который нужно решиться.

— Я...

— Да?

В кабинете ректора повисла такая тишина, что я услышала, как в стекло бьется невеста как залетевшая сюда муха. Интересно, стук моего бешено колотящегося сердца так же хорошо слышен всем присутствующим?

Я прикрыла на мгновение глаза и втянула носом воздух, прежде чем выпалить ответ.

Глава 1

Алый диск солнца медленно поднимался над горизонтом, заливая бескрайние зеленые поля оранжево-красным маревом. Ночная прохлада торопливо отступала, ей на смену совсем скоро придет удушающая жара, от которой лоб и спина мгновенно покроются испариной. Если, конечно, не спрятаться от раскаленных лучей в тени раскидистых фруктовых деревьев, переходящих за околлицей деревни в самый настоящий густой лес. Впрочем, я бы не побоялась спрятаться от дневного пекла в местных джунглях, но кто бы мне позволил? Жизнь, в которой я что-то могла решать, осталась далеко позади.

— Ариана, лентяйка, спишь?

Женщина, по какой-то иронии судьбы называющая себя моей матерью, выглянула из-за занавески, отделяющей единственную жилую комнату от закутка, служившего чем-то вроде сеней. Дверей в доме не было — необоснованно дорого с учетом местного теплого климата. Деревья запретили вырубать маги, а денег на покупку у большинства деревенских никогда не водилось. Здесь до сих пор жили преимущественно натуральным хозяйством: на рынках менялись всем подряд — от куриных яиц до ярко-зеленых фруктов, похожих на апельсины из моего мира.

— Уже давно встала, — мрачно буркнула я.

В закутке действительно сложно было заспать. Вместо кровати — одеяло на земляном полу. Ни двери, ни занавески на входе, так что ночные короткие ливни часто затапливали мое скромное убежище. Но я всегда радовалась дождю: он спасал от вездесущих комаров, которые с приходом ночи становились особенно злыми и настойчивыми. От них не помогала ни краска на лицо, ни вонючие травы, от чьего запаха меня поначалу тошнило.

Скажу честно, меня, дитя двадцать первого века, привыкшего к комфорту, это едва не сломило. До сих пор в голове не укладывается, как можно так жить: на границе скромной бедности и откровенного нищенства.

— А, проснулась уже, — с некоторым разочарованием протянула «матушка». Ведро с холодной водой, которое она до этого момента держала в руке, грохнуло о земляной пол.

Я перевела взгляд с худого, потрепанного, будто «изношенного» лица моей надзирательницы на не менее помятое, а местами и дырявое ведро. На его дне плескалась грязная вода, очевидно, предназначенная для меня — будить здесь умели и любили, с развлечениями-то было туго. А тут такой смех — вылить воду за шиворот! Конечно, ради такой шутки не пойдешь к роднику за околицу, но вот если вода набежала в ведро из истлевшей на солнце соломенной крыши, то зачем отказывать себе в удовольствии послушать чужие разобиженные вопли, а потом еще и оплеуху отвесить, чтобы не шумела?

— Тогда чего время теряешь? Ждешь благословения богов?

Она хрипло рассмеялась, обнажив беззубый рот (со стоматологией тут тоже все было печально), а я молча подхватила плетеную корзинку и поторопилась убраться с крыльца. С моей последней попытки побега прошло три недели, а «матушка» до сих пор напоминает ее при любом случае. Наверное, потому что в тот раз мне повезло: я почти три дня провела в храме и под видом обета молчания отказывалась рассказывать что-то о себе священнослужителям. Но все хорошее заканчивается, и даже раньше, чем мы обычно думаем. Как и моя жизнь в родном мире.

Я уже почти дошла до тропинки, ведущей в лес, когда меня окликнули.

— И не забудь про приезд магов! Только попробуй задержаться!

Я с трудом удержалась от того, чтобы не плюнуть под ноги. Как же надоела эта роль вечной Золушки! Я никогда не умела подчиняться, всегда жила свободно, в соответствии со своими представлениями о том, что правильно, но здесь это оказалось невозможно.

Раздраженно вспарывая концом подобранной палки высокую сочную траву, я,

дождавшись, когда «матушка» уйдет с крыльца, нырнула вбок — в сторону, ведущую к речке. Собрать фрукты с диких деревьев я еще успею, а вот умыться не помешает. К тому же вода хоть ненадолго уймёт зуд от комариных укусов, расчесанных до крови.

Спустившись с холма, на котором стояла деревня, я осторожно ступила на песчаный, поросший колючим кустарником берег и огляделась. В темно-зеленой воде водились хищники, напоминающие наших крокодилов, наверное, поэтому местные не любили купаться. Но мне идеология «сантиметр не грязь, а два — сама отвалится» никогда не была близка, так что я предпочитала рисковать, зато ходить чистой. За те три месяца, что я провела здесь, мне еще ни разу не попался речной монстр. Возможно, местные просто травят байки, специально пугая меня.

Я поставила на песок плетеную корзину, убедилась, что за мной никто не наблюдает, и быстро скинула длинную, жалкого вида юбку и выцветшую от времени грубую рубашку на два размера больше нужного. Впрочем, здесь жаловаться было не на что: так ходили все женщины деревни за редким исключением. Те, у кого все-таки водились деньги, одевались приличнее.

Я ногой потрогала воду, а затем смело шагнула в реку. Тело, искусанное комарами, мгновенно расслабилось, и я едва сдержала блаженный вздох. А ведь раньше меня и джакузи не особо впечатляло. Как люди меняются, однако!

Я распустила длинную, до пояса, косу. К новому телу я так толком и не привыкла, поэтому вздрогнула, когда лицо укрыла завесь белых, как лен, волос. Пришлось напомнить, что это все — и хрупкое тело с худыми, но сильными ногами, и лицо с непривычно тонкими чертами, и даже васильковые глаза — все это теперь мое. Вместе с кучей проблем, доставшихся в придачу.

Честно говоря, понятия не имею, почему вдруг заняла место этой несчастной девчонки, Арианы — старшей дочери в семье бедняков, где каждый рот — ежедневная головная боль. Последнее, что я помню: зебру, по которой переходила дорогу на зеленый свет. Я до сих пор просыпаюсь по ночам от звука визжащих тормозов и последовавшего за этим глухого удара. Я не почувствовала боли, только удивление. В горле навечно застыл нервный смешок: я, журналистка, вечно играющая с огнем из-за своих опасных расследований, умерла просто переходя дорогу в положенном месте и на правильный сигнал светофора. Ну разве не забавно?

Открыла глаза я уже в новом теле под сенью раскидистого дерева, увешанного незнакомыми тяжелыми плодами. Один из них лежал рядом с моей головой, а на макушке зрела огромная шишка. Позже я поняла, что Ариана, как обычно, собирала фрукты, но не удержалась и рухнула вниз. Возможно, причиной ее падения стал как раз не вовремя сорвавшийся плод, угодивший ей в голову. Умерла ли Ариана или попала в мое тело, я не знала. Связаться с домом не было никакой возможности: за это даже маги не брались, а они здесь причислялись едва ли не к богам. Это было объяснимо, учитывая, что именно магия спасла жителей деревни и всего небольшого королевства от голода и разгула стихии. Конечно, не бесплатно. Теперь местные жители — подданные Кимберлинского королевства, так благородно и щедро протянувшего руку помощи слабым соседям.

Я прополоскала волосы, еще раз умыла лицо и вышла на берег. Одежду натянула прямо на мокрое тело, волосы отжала и заплела в косу, скрепив ее концы лентой. Найдя взглядом брошенную корзинку, я опустилась перед ней на колени и выудила со дна банку с краской темно-синего цвета. Поморщилась от едкого запаха и торопливо нанесла ее на лицо и открытые участки тела. Я настолько привыкла к «цветным» лицам местных, что уже и смеяться не хотелось. Все равно ничего лучше от укусов насекомых здесь пока еще не придумали.

Здесь вообще до многого еще не додумались. Например, идея сжечь «Домострой» им в голову не приходила. Женщина до сих пор считалась собственностью мужчины — отца, мужа или брата. Именно поэтому все мои побеги заканчивались неудачей: узнав, что я попала сюда из другого мира, меня вежливо, но неумолимо возвращали в лоно «семьи». Даже уйти в местный аналог монастыря не позволили: потребовали разрешение опекуна или его представителя. Ну разве не бред?

В то, что я попаданка, верили сразу: таких случаев было немало. Вот только мою судьбу

это не облегчило, ведь вернуться, как оказалось, было нельзя: умершим в своем мире была заказана дорога назад. Никто так и не смог объяснить, почему так происходит. Кроме пространных речей от местных чиновников о «втором шансе», я ничего не услышала. Да-да, в город меня все-таки свозили и властям показали, но только ради того, чтобы нацепить на меня артефакт, опознающий присутствие магии. Как сообщил какой-то седой и хмурый представитель закона, магия принадлежит душе, а не телу, а потому всех иномирян проверяют на ее наличие. Никогда не забуду волнения, написанного на лицах моих «родственников». Они до последнего надеялись, что в пойманной рыбке найдется икра, но нет. Я оказалась пуста. Чем меня не уставали попрекать, ведь маг в семье — это огромная удача и счастья. Ах да, еще возможность получить образование и вырваться из нищеты. Но не везет так не везет.

Впрочем, временами удача мне все-таки улыбалась. Например, все это время мне удавалось избегать побоев «отца». Не то чтобы он страдал милосердием (мои попытки сделать ноги вызывали у него лишь злобу), но все время что-то случалось: то сосед вовремя заходил позвать на пьянку, то ливень неожиданно начинался, а то и вовсе сдыхала последняя курица. В общем, «папуля» решил, что меня берегут сами боги, и лишь грозился прибить, но не трогал. Что не мешало ему меня эксплуатировать по полной: закон был на его стороне. Из этого рабства путь был один — замуж. Но местные женихи не внушали доверия. Сменить одно ярмо на другое я не торопилась.

— Ариана!

Я вздрогнула и подняла голову: по золотому песчаному склону торопливо спускался Ион — мой младший «брат».

Солнце полностью взошло, поэтому пришлось прикрыть глаза ладонью. На лбу уже выступила испарина: как же жарко и влажно!

— Что случилось?

Ион съехал на спине со склона и, оказавшись у моих ног, быстро поднялся и принялся отряхиваться. Голос его звучал взволнованно и прерывисто.

— Тебя зовет матушка.

Я непонимающе нахмурилась.

— Сейчас?

— Ага, маги уже совсем рядом. Они приехали раньше обычного.

Я тихо ругнулась себе под нос. Кажется, завтрак мне не грозит. В лесу хоть перекусить можно было, а теперь придется стоять на жаре и улыбаться сытым и богатым чужакам, рассматривающим нас как диких животных в зоопарке. Я знала, о чем говорю. Это было уже не первое посещение деревни магами. Неподалеку отсюда нашли источник энергии, и теперь маги частенько катались сюда, чтобы изучить его.

— Матушка сказала, не придешь — и тебе не поздоровится, — деловито предупредил Ион.

Его светлые, выгоревшие на солнце вихри топорщились на макушке. Плутовская улыбка не сходила с пухлых губ, а взгляд уже успел изучить содержимое моей корзинки. Из всех членов моей новой «семьи» Ион был самым безобидным: он не задира меня, но вот возможности утащить из моей тарелки что-то вкусное никогда не упускал. На вид ему было лет семь, но точно сказать не могла даже «матушка». Счет дням здесь, в мире круглогодичного лета, не вели. И правда, зачем? Фрукты зреют каждый день и даже без каких-либо усилий. Знай собирай себе их и только. Никакой мотивации для ведения календаря.

Я вздохнула. Ладно, надеюсь, маги прибыли ненадолго. Если повезет, к обеду я освобожусь. Желудок протестующе взвыл, и я страдальчески погладила себя по впалому животу. В прошлой жизни я мечтала похудеть, а в этой — наесться досыта. Если это не ирония судьбы, то даже не знаю, что это.

— Хорошо, идем.

— Эй, подожди. — Маленькая ручка вцепилась в мое запястье с ловкостью хищника. — Умойся сначала.

Я смерила ухмыляющегося наглеца грозным взглядом, но затем послушно повернулась к реке. Смыть краску и правда придется: Ариана обладала милым личиком, и многие маги, чувствуя себя меценатами, милостиво всовывали мне в руки мелкие монеты. Для этого нужно было лишь встать на повороте дороги, чтобы встретить процессию на лошадях в самом выгодном месте.

— Там уже толпа собралась, давай быстрее!

Я хмыкнула. Ариана была не единственной красоткой, но, наверное, одной из самых ярких. Так что, даже если опоздаю, мои шансы привлечь внимание «добрых господ» будут все равно выше, чем у конкуренток.

— Ну ты скоро?

Ион изнывал от нетерпения. Так и не дождавшись от меня ответа, он продолжил:

— В прошлый раз у них были с собой конфеты! Вдруг и в этот тоже будут?

Я наклонилась к воде и, зачерпнув горсть, плеснула на лицо.

— В прошлый раз были другие маги, — пожала плечами я. — Да и конфеты они бросали на землю.

Я имела в виду, что подбирать с пола как-то не комильфо, но Ион понял меня иначе. Краем глаза я заметила, как он насупился и решительно потряс кулаком в воздухе.

— Значит, мы будем драться. И победим!

Я негромко фыркнула. Воевать за конфеты? Что может быть более сюрреалистичным?

— Это уже без меня, пожалуйста.

— Точно?

— Да.

Я ошиблась. Драться мне все-таки пришлось. Правда, не за конфеты, а за кое-что более ценное.

Глава 2

Там, где дорога делала резкий поворот, уже собралась вся деревня. «Матушка» заняла самую выгодную позицию и теперь, размахивая палкой, охраняла ее от возможных захватчиков не хуже цербера. Завидев меня, она нахмурилась и требовательно поманила пальцем с обкусанной до мяса кутикулой.

— Ариана, иди сюда быстрее!

Я вздохнула и, подобрав юбку, ускорила шаг. Пустая плетеная корзинка, висющая на руке, цеплялась за ткань рубашки и била по ребрам. Краем глаза я заметила, что Ион устремился к толпе разновозрастных детей, в десятке шагов от поворота — все лучшие места были уже разобраны. Детская возня и крики подсказывали, что там тоже идет борьба и создаются временные коалиции.

— Где ты ходишь? — зашипела «матушка». — Меня чуть наши соседи не прогнали!

Я пожала плечами, не торопясь просить прощения. Впрочем, такие словесные реверансы здесь никого не интересовали.

— Эй, вашей дочки тут не стояло! — попыталась возмутиться одна из девушек, когда я прошла мимо нее.

«Матушка» повернулась так быстро, будто только этого и ждала. Тяжелая палка просвистела совсем рядом с носом недовольной девицы, заставив ту испуганно отскочить назад.

— Что ты сказала? — рявкнула «матушка», продолжая потрясать оружием. — Повтори, я не расслышала.

Девица, имени которой я не могла припомнить, как ни старалась, буркнула что-то неразборчивое и отвернулась. «Матушка» презрительно фыркнула и посмотрела на меня. Ее покрасневшее, покрытое потом лицо излучало торжество от маленькой победы. Впрочем, при виде меня оно сменилось на досаду.

— Ну что ты смотришь так кисло? — снова рявкнула она, но уже мне. — Улыбайся! Все любят красивых дурочек!

Я поморщилась, но натянула на губы улыбку. «Матушка» сплюнула себе под ноги.

— Точно дикая кошка скалишься! Добрее надо быть, добрее.

Меня невольно одолел смех, настолько странно это прозвучало именно из ее уст. Пришлось закашлять, чтобы скрыть его и тем самым еще больше не разозлить «матушку». В гневе она была страшнее «отца». Тот хотя бы обиду долго не держал. Подозреваю, с памятью у него в принципе была беда: учитывая, как часто он прикладывался к бутылке, это неудивительно.

«Матушка» суровым взглядом оценила обстановку за моим плечом и, видимо, посчитав, что при таком раскладе стоит увеличить шансы на успех, потребовала:

— И пуговицы на рубашке расстегни. Покажи, чем природа тебя наделила!

На этот раз я взбунтовалась. Оголять грудь я не собиралась. У моего терпеливого послушания тоже был предел.

— И не подумаю!

«Матушка» замахнулась на меня палкой, но не ударила — портить мой внешний вид сейчас не входило в ее планы. Я даже не отшатнулась — уже привыкла к таким вспышкам. Просто молча поджала губы и мрачно посмотрела ей в лицо.

«Матушка» неохотно опустила руку и, сдаваясь, ненадолго отвела взгляд.

— Зыркаешь так, что хоть охранный оберег на себя вешай, — буркнула она. — Смотри, если денег дадут меньше, чем в прошлый раз...

Чем мне это грозит, я уже не узнала. Из-за холма, который огибала дорога, слышалось конное ржание. До леса за холмом маги добирались порталом, но уже от него — на лошадях. Почему так происходило, мне никто не объяснял.

«Матушка» поспешно ретировалась, напоследок снова погрозив мне, на этот раз кулаком. Я перевела взгляд с ее скрывшейся в толпе спины на стоящих рядом девушек. Одна из них явно взяла на вооружение подслушанный совет и приспустила рубашку, игриво обнажив плечо, а другая оказалась еще смелее. Заметив, как я обескураженно пялюсь на ее коленку, выставленную из-под длинной юбки, она снисходительно хмыкнула и гордо задрала подбородок. Думаю, в ее глазах я даже не была конкуренткой, так, досадной помехой по типу врытого не в том месте столба.

Ладно, надеюсь, меня не примут за девицу легкого поведения. В такой-то компании.

Конское ржание раздалось совсем близко, и толпа заволновалась, как актерская труппа, готовящаяся выйти на сцену. Дети перестали ругаться и пререкаться между собой, взрослые женщины, портящие красивую картинку, спрятались за спины молодых мужчин. Старики и вовсе предпочли остаться в домах и не высовываться. Благородные мужья скрывались за деревьями в ожидании «добычи» — денег, которые раздобудут им симпатичные дочери и шустрые дети.

Я снова обернулась, констатируя простой факт: молодежь, больше никого. Что ж, логика понятна, но от этого происходящее не становится менее противным. Я испытывала отвращение к необходимости попрошайничать. А уж встречать магов как богов и вовсе казалось мне глупостью и пустым унижением.

— Эй, если хочешь уйти, мы тебя выпустим, — сквозь зубы сказала одна из моих конкурентов — соседская девчонка.

Ее природную красоту портил шрам на щеке, полученный еще в детстве, но сейчас его скрывали распущенные волосы. Такие же белые, как у меня. Мне всегда казалось, жители юга должны быть жгучими брюнетами, но здесь точно пошло что-то не так. Кто-то из магов, тоже это подметивший, рассуждал, что магический источник, найденный неподалеку, все-таки воздействует на деревню, постепенно меняя наши гены. Он уверял, что, если не вмешиваться, поколения через два в деревне начнут рождаться маги. Коллеги подняли его на смех, а чем кончилось дело я так и не узнала — меня согнали с удобного места, откуда я и подслушала обрывки этого разговора. Жаль. Мне и правда было интересно.

— Эй, так что?

Я вынырнула из воспоминаний и встретила с прищуренным взглядом соседки.

— Я останусь.

Та разочарованно цокнула языком, но спорить не стала — гости уже показались из-за холма.

Пыльное марево, поднимаемое копытами лошадей, приобрело красноватый оттенок из-за глины, которой здесь было немало. В этом тумане проступили очертания людей, и чем ближе и отчетливее они становились, тем яснее до меня доносились их голоса.

— Нас встречают!

— Эти туземцы слишком ленивы, чтобы работать, вот и тратят время попусту.

— Возможно, но посмотрите, как искренне они нам улыбаются.

— А какие красивые у них девушки!

Маги переговаривались на кимберлинском, но, в отличие от остальных жителей деревни, я их понимала. Он воспринимался мною как английский, которым я владела вполне сносно.

За спиной раздались приветственные крики, и я едва не оглохла. Покосившись на девушек, заметила, что те радостно машут и улыбаются, словно именно сегодня

наступил их самый счастливый день. На распродаже женского нижнего белья никогда не видела столько оживленных лиц, полных предвкушения, как здесь.

«Какое же дно!» — хмуро подумала я и уставилась в пол.

Как выяснилось, мило улыбаться в ситуации, когда хочется ругаться, я пока не научилась.

— Держи, красotka, это тебе.

Один из мужчин, одетый в добротный костюм, сшитый явно у хорошего портного, сунул мелкую монетку мне в руку. Разрываясь от стыда и желания бросить подачку под копыта коня, я сжала кулак. Края монетки больно впились в кожу, но я толком этого не заметила. Соседка позади горестно взвыла и, оттолкнув меня, пробилась вперед. Рубашка окончательно сползла с ее плеча, едва не оголив грудь полностью.

Раздался мужской смех, и под улюлюканье щедрый меценат всучил мелочь и моей конкурентке, не забыв сально подмигнуть при этом. Меня передернуло, а та лишь счастливо улыбнулась и спрятала монетку поглубже в карман.

— Оуэн, надеюсь, не стоит объяснять, что об этой части путешествия твоей матери и сестрам лучше не рассказывать?

Мужской гогот заставил скрипнуть зубами. Я вскинула голову, рассматривая магов, пустивших лошадей неторопливым шагом. На гнедом жеребце сидел рыжий мальчишка, на вид лет двенадцати. Он, распахнув от удивления рот, таращился на происходящее. Мне захотелось отвесить подзатыльник его наставникам: нашли куда притащить подростка!

Кто-то из магов всучил мальчишке бархатистый мешочек.

— Впереди дети. Думаю, они будут рады конфетам.

— Только не давайте их им в руки! Кто знает, чем они больны.

— Верно, лучше бросьте леденцы на землю, рин.

Мальчишка немного растерянно потряс рыжей головой и кивнул, принимая к сведению. Его карие глаза смотрели вперед чуть настороженно, но лучились любопытством.

— Думаю, в милости, брошенной, как кость собаке, мало почести.

Я, вздрогнув от неожиданности, медленно перевела взгляд на скупобронившего эту фразу мужчину. Тот, уверенно придерживая одной рукой поводья, равнодушно смотрел вперед — на нетерпеливо скачущих на обочине детей. Его темные, коротко подстриженные волосы ярко контрастировали с бледной кожей и зелеными глазами. Под черным костюмом угадывалась спортивная подтянутая фигура, а достоинство, с которым он держался в седле, невольно внушало уважение. Но стоило ему мельком посмотреть на меня, как я отступила назад. Такого холодного, хищного выражения лица я еще никогда не встречала. Даже у тех, кто подозрительно быстро сколотил себе состояние в моем мире и тем самым вызвал мой журналистский интерес.

— К сожалению, рин Эйверли, не могу с вами согласиться. Собака на то и собака, что чувствует иначе.

— Я бы удивился, рин Скэрли, если бы вы разделили мое мнение.

В вежливом, почти лишенном эмоций голосе проскользнула угроза. К сожалению, маги проехали вперед, и я, вдруг поймавшая себя на мысли, что заинтригована разговором, тоже сделала несколько шагов, пытаясь нагнать лошадь.

Рыжий мальчишка растерянно переводил взгляд с одного мужчины на другого, а затем, сунув руку в мешочек, все-таки бросил конфеты на землю. Я разочарованно вздохнула, но зато напряжение, сковавшее плечи, ушло: чуда не случилось.

Мальчишка потряс мешочек и, покрутив головой, бросил его мне: я оказалась ближе

других к его лошади. Я на автомате поймала снаряд и так же механически запустила туда пальцы. На дне обнаружилось два леденца. Я торопливо запихала лакомство обратно и спрятала в карман юбки.

Маги уже въехали в деревню, а за моей спиной сварливо раздалось:

— Ну что там?

Я резко обернулась, мысленно ругнувшись. Могла припрятать монетку до следующего побега, а теперь уже не успею. Пришлось отдать ее в жадно трясущиеся руки «матушки». Та даже не стала возмущаться тем, что денег так мало. Видимо, понимала, что с учетом конкуренции и это неплохо.

— Ладно, иди, — довольно приказала она и тут же спохватилась: — Принеси сегодня мадраговры плоды. Фрукты уже надоели.

Я скрипнула зубами. Меньше всего мне хотелось тащиться в мадраговры заросли. Фрукты собирать было куда проще. Но спорить я не стала. В крайнем случае скажу, что ничего не нашла, хоть это и чревато скандалом. Хорошо, если только им.

Рядом со мной оказался понурый Ион. Он выглядел таким несчастным, что я сразу поняла: конфет ему не досталось.

— Не успел?

Он потер разбитый нос, поморщился и молча покачал головой. Я заколебалась, а когда поняла это, стало так противно, что я тут же сунула Иону бархатный мешочек. Не хватало еще, чтобы этот мир изменил меня!

— Держи.

Глаза Иона радостно вспыхнули. Он дрожащими пальцами осторожно достал сразу два леденца и, опасливо озираясь, словно ожидал, что сейчас сладости заберут, запихнул их в рот. Оба.

Мой живот протестующе заурчал.

— Вообще-то я думала, ты поделишься, — упрекнула я.

Ион, счастливо жмурясь, отскочил от меня. Наверное, боялся, что стукну. Я, напоминая себе о том, что злиться на ребенка глупо, махнула на него рукой и подхватила корзинку, чудом не затоптанную набежавшей ребятней. Те окружили Иона.

— Эй, что там у тебя в мешке?

— Дай мне!

— И мне!

Я поторопилась убраться подальше от этой саранчи. Пусть сами разбираются.

Мадраговровые деревья росли с другой стороны холма, где речушка переходила в болото. Корни их выступали над поверхностью, опутывая зеленую, пахнущую тиной воду сложным лабиринтом из веток, среди которых прятались небольшие плоды. Собирать их было несложно, но местные не любили этого делать. За мшистую корягу здесь легко можно было принять спящего речного хищника — все того же крокодила, которым меня часто пугали. Вот и «матушка» предпочитала не рисковать, а засылала в эти джунгли меня: слишком уж сытными были плоды, не чета обычным фруктам.

Как же мне уже надоела эта роль местной Золушки. Были бы в сказке, ко мне, заливаясь слезами сочувствия, давно бы прилетела добрая фея-крестная.

Осторожно перескакивая с одной изумрудной кочки на другую, я торопливо рвала с веток непримечательные коричневые плоды. Взгляд опасливо метался из стороны в сторону, часто убегая вперед, поэтому к оклику, раздававшемуся сзади, я оказалась вовсе не готова.

— Привет!

Я испуганно дернулась и уронила в воду один из плодов. Он с громким плюхом, прозвучавшим укоризненно, ушел на дно.

Я, перехватив корзинку покрепче, мрачно обернулась. Передо мной, неуверенно переминаясь с ноги на ногу, стоял рыжий мальчишка, которого я заметила в процессии магов. В его руках мерцал и нервно подрагивал ярко-голубой камень на длинной цепочке.

«Артефакт», — догадалась я.

— Простите, — смущенно начал мальчишка, которого, кажется, называли Оуэном. — Вы говорите на нашем языке? — Не дождавшись ответа, он с сильным акцентом, почти неразборчиво спросил на деревенском диалекте: — Как перейти это озеро?

Вежливый парень. Никому другому не могло прийти в голову назвать это грязное болото озером. Впрочем, возможно, он просто выбрал самый близкий синоним из тех, что знал.

— Никак. — Я пожала плечами, искоса рассматривая артефакт. Тот, словно живой, волновался в твердой хватке Оуэна и все время разворачивался немного в сторону. — Мост, сооруженный по весне, затопило, а новые местные не сделали.

— О, вы говорите на кемберлинском? — В голосе Оуэна прорезались удивление и радость. Он явно воодушевился и тоже перешел на родной язык. — А как можно обойти озеро?

Все-таки озеро. Забавно.

Я прошла по парнишке оценивающим взглядом. Темно-зеленые штаны, заправленные в высокие сапоги, салатная рубашка с закатанными до локтя рукавами — очевидно, слишком плотная для этих краев, и шляпа-котелок — все чистое, новое и, кажется, из дорогих натуральных тканей. Симпатичное лицо чуть портил длинный, явно любопытный нос, но карие глаза, лучившиеся теплом, смягчили уже возникший в моей голове образ барского сыночка. Этот парень напоминал скорее полного энтузиазма исследователя, чем ленивого прожигателя жизни.

— Это довольно сложно, — наконец откликнулась я. — С одной стороны оно граничит с непроходимой чащей леса. Туда и местные не любят соваться.

Оуэн приуныл, но тут же оживился:

— А с другой стороны?

Я припомнила, как однажды тоже пыталась перебраться на ту сторону, но, прошагав вдоль болота почти полдня, плюнула и передумала.

— Идти придется долго, — честно поделилась опытом я. — Несколько миль, не меньше.

Оуэн задумался, вскинул голову, рассматривая высоко стоящее солнце.

— Лучше не стоит, — между делом бросила я. — Это займет слишком много времени.

Явно витая где-то в своих мыслях, он согласился со мной:

— Да, меня точно успеют хватиться.

Поняв, что откровенничает с незнакомкой, он прикусил язык и насупился. В его руках по-прежнему нервно плясал голубой артефакт.

— Спасибо, — бросил мне Оуэн и поправил шляпу.

Под моим настороженным взглядом он развернулся и зашагал обратно. Я расслабилась. Правильное решение. Пускай возвращается к своим: джунгли — не место для подростков.

Я вернулась к работе. Солнце палило так, что спина и лоб мгновенно покрылись

испаринной. Мечтая о прохладном душе или хотя бы речной воде, я сноровисто заполнила корзинку наполовину и выпрямилась. Хватит. Сейчас укроюсь где-нибудь в тени, а попозже соберу еще и фруктов, чтобы не вызвать гнев «матушки».

Подхватив ставшую тяжелой корзинку, я направилась к деревне. Уже у самой тропки, ведущей домой, лениво оглядела темно-зеленые, со вкраплением бурого цвета окрестности и замерла. В паре метров от меня на одной из кочек балансировал Оуэн. Шляпа-котелок слетела и теперь медленно и торжественно погружалась в болото. Артефакт на цепочке, свисающей с шеи, нетерпеливо тянул его вперед, а сам парнишка размахивал руками, стараясь удержаться на мшистой земле. Он явно не послушал моего совета и решил все-таки перебраться на тот берег. Все бы ничего, но коряга рядом с ним подозрительно завозилась и...

Корзинка, сорвавшаяся с руки, рухнула на траву и перевернулась. Из нее высыпались собранные плоды.

— Осторожно! — закричала я. — Оглянись!

Оуэн вздрогнул, но, возможно, от испуга наконец-то перестал размахивать руками и встал на обе ноги. Его взгляд заметался по болотной воде. Лицо исказилось паникой, когда он наконец приметил опасность. Крокодил, сообразивший, что прятаться смысла больше нет, распахнул пасть в пугающей близости от ноги Оуэна.

— Нет! — снова крикнула я и рванула к берегу.

Хотя по логике следовало бежать в обратном направлении — к деревне. Крокодилы или речные монстры, или ятаки, как их здесь называли, никогда не охотились в одиночку. А еще, в отличие от своих братьев в моем мире, местные крокодилы довольно быстро передвигались по суше.

С пальцев Оуэна сорвалось пламя, и одним зубастым хищником стало меньше. Я пораженно застыла на берегу, запоздало понимая, что, возможно, мне здесь нечего делать. Парень, наверное, справится и сам. Но что-то помешало уйти.

Вместо этого я подняла с земли камень и, замахнувшись, отправила его в того хищного гада, который подкрался к парнишке ближе всего. Раздался обиженный плеск воды, и я перевела дух. Но ненадолго.

Одна за другой сразу семь мшистых коряг вокруг Оуэна вдруг раззявили пасти, оказавшись крокодилами. Их темно-зеленая чешуя почти сливалась с водой, и стоило хищнику спрятать зубы, как он полностью пропадал из виду. Оуэн крутился на месте, размахивая сгустком пламени, но явно не знал, куда целиться.

— В воду! — скомандовала я. — На шесть часов!

Оуэн растерянно вскинул голову, а затем послушался. Огненный сгусток разрезал болотную гладь. На месте крокодила взметнулся черный пепел.

— На двенадцать! На восемь!

Парнишка метался по кочке, следуя моим подсказкам. Вокруг него все разрасталась кучка пепла, и я бы радовалась этому, но крокодилов становилось все больше. Кажется, мы разозлили этих обитателей болотных глубин. Кто-то из них устремился ко мне, и я окончательно поняла: дело дрянь.

Видимо, об этом подумал и Оуэн. Его худые длинные ноги спружинили на соседнюю кочку. Он, стараясь не упустить из виду хищников, раскидывал огонь налево и направо.

Я затаила дыхание. Парнишка устремился к берегу. Я увидела его осунувшееся лицо с побелевшими губами, на котором сейчас выделялись только огромные карие глаза. Кажется, он порядком выдохся. Ярко-оранжевое пламя, срывавшееся с его пальцев, становилось все слабее. Ну же, давай, давай!

На берег, распахнув пасть, выполз крокодил. Мне бы стоило развернуться и бежать, но я не могла: просто приросла к месту. Оставить сейчас парнишку будет предательством. Крокодил, словно подслушав мои мысли, решительно двинулся в мою сторону. Я

осторожно вытащила из кармана юбки мандрагоровый плод и медленно пошла вперед.

Краем глаза я видела, что Оуэн уже совсем рядом с берегом. Буквально последний рывок и...

Крокодил бросился на меня, но я ждала этого. Отправив ему в пасть плод, метнулась в сторону и, вместо того чтобы убежать по тропинке в деревню, ринулась к болотистой кочке. Крокодил потряс головой, пытаясь понять, что произошло. Мне бы и самой хотелось узнать, какого черта я творю.

На ближайшую к берегу кочку прыгнул Оуэн. К несчастью, неудачно: его нога соскользнула, и он, взыв от боли, рухнул на колени.

— Щиколотка! — вскрикнул он, но тут же вскинул голову.

Его растопыренная ладонь дрожала. С пальцев вместо огня слетали лишь искры. К нему неторопливо приближались крокодилы.

Я быстро преодолела небольшое расстояние, разделяющее нас, и вцепилась в его плечо сзади. Он пораженно обернулся.

— Обопрись на меня! Давай же!

Уговаривать не пришлось. Вцепившись в меня как клещ, он заставил охнуть от тяжести. Мы успели ступить на берег, когда поняли, что окружены. Хищное клцанье зубов раздавалось со всех сторон. Особенно злорадным оно было у той твари, в которую я минутой раньше запустила плодом. Невкусный, наверное, попался.

— Твою ж!..

Прикинуть варианты нашего с Оуэном будущего не составило труда. Не так я планировала умереть, определенно не так... Но это хотя бы лучше, чем глупая смерть на пешеходном переходе!

Оуэн прижался ко мне спиной, поэтому я не увидела его лица, когда с его пальцев вдруг сорвался огромный обжигающий сгусток пламени и, заставив меня сощуриться, испепелил ближайших врагов. Второй огненный шар, пущенный сразу же, изрядно проредил ряды хищников. Те, словно засомневавшись, остановились и завертели тяжелыми чешуйчатыми головами из стороны в сторону.

В этот момент неведь откуда налетевший ветер подкинул крокодилов, перемешал их между собой, как кубики льда в стакане с коктейлем, и запульнул на середину болота.

Напряженное тело Оуэна в моем объятии расслабилось. Я отступила от него, все еще таращась на недовольно барахтающихся в воде крокодилов.

— Это ты их так? — удивилась.

Насколько я слышала, маги обычно обращались к какой-то одной стихии и редко использовали сразу несколько.

Оуэн дрожащей рукой вытер грязный, покрытый болотными брызгами лоб и покачал головой. Вместо ответа он кивнул куда-то за мою спину. Выражение лица при этом у него было самое мрачное. Казалось, он и не рад, что только что избежал смерти.

— Нет, это моя работа.

Раздавшийся сзади голос показался смутно знакомым.

Глава 3

Я обернулась через плечо. За мной стоял тот самый мужчина из процессии магов, чью холодную красоту я заметила. Он избавился от плаща, и теперь белая рубашка и черные брюки не скрывали его фигуры — действительно подтянутой и стройной. Здесь я угадала.

Вот чего я не могла угадать, так это его эмоций. Он выглядел абсолютно спокойным, даже погруженным в себя. Будто вышел прогуляться по королевскому саду, а не по джунглям, где спас от смерти двух остолопов.

Я поморщилась. Считать себя остолопом было неприятно.

— Рин Эйверли, прошу вас, не говорите моему наставнику! — взмолился Оуэн. — Он меня убьет!

Я хмыкнула. На месте наставника мальчишки я бы тоже задала ему трепку. У меня и самой чесались руки отвесить ему подзатыльник. Болото он решил перейти! Кишащее крокодилами! Ну не умник ли?

— Это было бы недопустимо, — равнодушно откликнулся тот, кого называли ринот Эйверли.

Оуэн посмурнел еще больше.

— Значит, расскажете?

Рин Эйверли заложил руки за спину и, словно не слыша парнишку, задумчиво протянул:

— Интересно. Очень интересно.

— Что интересно? — заволновался Оуэн.

Я сглотнула. Рин Эйверли смотрел прямо на меня. Его прищуренный взгляд зеленых глаз заставил занервничать. Интуиция подсказывала, что любопытство таких странных типов вызывать не стоит, — слишком опасно.

— Нам пора, — вместо ответа сказал он и отвернулся.

Лишь при виде его спины я выдохнула с облегчением и поняла, что все это время стояла замерев, как кролик при виде удава. М-да... Я считала себя более эмоционально устойчивой, что ли. Раньше мрачные типы меня не пугали, скорее я — их. Впрочем, сложно не признать, что в Эйверли (я умышленно опустила вежливое обращение к людям благородного происхождения) было что-то вызывающее стремление вжать голову в плечи и отвесить книксен. Хорошо, что я так и не научилась его делать! Хотя я и была благодарна за спасение от хищно клацающей зубами смерти, но отвечать поклоны не собиралась. Тем более тем, кто считал ниже своего достоинства хотя бы поздороваться.

Мы вместе молча дошли по тропке до деревни. Я, поборов желание сочувственно потрепать Оуэна по плечу, остановилась на развилке. Она вела к лачуге, которую я так толком и не привыкла называть домом. На моем локте покачивалась полупустая корзинка: ползать по траве и выискивать разметавшиеся по ней плоды мне показалось унижительно, поэтому я решила ограничиться тем, что осталось лежать на ее соломенном дне. «Матушка» точно будет недовольна...

— Ну ладно, — негромко сказала я, обращаясь скорее к Оуэну, чем к Эйверли, — мне туда.

Оуэн повернул голову в том направлении, куда я показала рукой, а Эйверли даже не пошелохнулся.

— Простите, — вкрадчиво начал он, и от того, как именно он произнес «простите», я нервно хихикнула: с такой интонацией палач может обратиться к осужденному, мол, простите, сударь, что веревка на шее будет натирать, но вы же на эшафоте, в самом-то деле! — Но вам придется последовать за нами.

Я невольно обвела взглядом ближайшие дома: возле них копошилось куча ребятишек, а чуть дальше лениво курили мужчины, восседавшие полукругом прямо на вытоптанной курами траве. Наличие зрителей не то чтобы успокоило (сомневаюсь, что за меня бы вступились), но немного приободрило.

— Я бы солгала, что у меня дела, — с ледяной вежливостью откликнулась я, — но не привыкла врать по пустякам. Простите, — попыталась скопировать нотки в голосе Эйверли, — но я вынуждена отказаться от вашего заманчивого предложения.

Оуэн растерянно перевел взгляд с меня на моего собеседника и обратно. Кажется, парень вообще не понимал, к чему клонит его старший коллега. Признаться, я пока тоже не догадывалась.

Попыталась сойти с тропки, но Эйверли оказался у меня на пути с такой скоростью, что я едва не врезалась ему в грудную клетку. Его раскрытая ладонь замерла в паре миллиметров от меня, словно он выставил барьер на случай, если я все-таки пойду на него, как бык на матадора. Ну да, нашел дурочку. Я оценивающе посмотрела на него, невольно отметив, что он выше меня почти на полторы головы. В его стройности не было болезненной беспомощной худобы, скорее поджарая сила хищника.

— Я вынужден настаивать.

Я впилась взглядом в Эйверли. Вряд ли он распнет меня на глазах у всей деревни. На маньяка он не похож, на страстного любителя невинных девушек — тоже. Тогда что ему нужно?

— И чем объясняется ваша настойчивость?

Я сложила руки на груди. Корзинка оттягивала локоть, но бросить ее мне в голову не приходило — слишком дорого я заплатила за хранящийся в ней ужин.

— Мне нужен свидетель.

Всего-то? Я расслабилась. Так бы сразу и сказал! А то зыркает тут так, будто за спиной прячет мешок, который вот-вот накинёт мне на голову.

— Что ж, — медленно ответила я, пожав плечами, — почему бы и не составить вам компанию?

Оуэн, очевидно, сообразивший, к чему были все эти реверансы, страдальчески вздохнул и посмотрел на Эйверли уже с разочарованием фаната, узревшего своего кумира в реальном свете. Раздраженно шмыгнув носом, мальчишка задрал подбородок, очевидно, изображая живую иллюстрацию к словам «Врагу не сдается наш гордый „Варяг“». Я в очередной раз подавила улыбку: занятный паренек.

— А не по пустякам?

— Что?

Я сбилась с шага. До шатра, который возвели на окраине деревни маги, оставалось всего ничего. Вообще-то они могли устроиться в одном из заброшенных домов или попросить кого-то из местных освободить на время свой, но, видимо, перспектива ночевать в клоповнике их не прельщала.

— Вы не имеете привычки лгать по пустякам, это я запомнил. А в случае необходимости?

Я замешкалась с ответом. Эйверли остановился возле высокого шатра, вызывающего у меня ассоциации с кочующим цирком, и отдернул полог. Первым в проем нырнул Оуэн, следующей должна была стать, но чуть помедлила. Сощурилась, глядя в светлое, лишенное и намек на загар лицо Эйверли, а потом выдохнула, слегка понизив голос:

— С легкостью.

Уже в шатре до меня донеслось его то ли одобрительное, то ли насмешливое хмыканье, а затем полог с легким хлопком задернулся. Пришлось чуть подвинуться, когда вслед за мной в прохладу шатра ступил Эйверли. Впрочем, занятая разглядыванием временного

убежища магов, я сделала это на автомате.

Внутри шатер оказался еще больше, чем выглядел снаружи. Видимо, дело было в пространственной магии или в чем-то подобном. Вместо земляного пола — скользкий паркет, покрытый непромокаемый тканью каркас сменился на гладкие, украшенные редкими картинами стены. Из холла, куда мы попали, вел коридор с десятком деревянных дверей. Очевидно, для каждого мага предполагалась своя спальня. Я едва не присвистнула: на фоне удручающей бедности все это смотрелось невероятно роскошно и вместе с тем комично. Все равно что замок, возведенный на мусорной свалке.

Впрочем, кое-что меня действительно впечатлило: отсутствие уличного зноя. Либо маги уже изобрели кондиционер, либо решили этот вопрос иначе. Теперь понятно, почему незванные гости ходили в закрытой одежде.

Одна из дверей распахнулась.

— Рин Эйверли, рин Оуэн?

Нам навстречу вышло сразу несколько магов. Среди них я отметила того, кто советовал Оуэну бросить конфеты на землю, а не отдать в руки детям, — сухопарого, уже отменного сединой мужчину с холодным и при этом будто бы влажным взглядом. Почему-то он сразу вызвал ассоциации с лягушкой — с такой же неприятной, как и этот маг.

Между делом я отметила, что к Оуэну обращаются по имени, и секунду спустя не без труда припомнила, что не достигших совершеннолетия благородных господ называют именно так.

— Рин Дэкси. — Кивок Эйверли был настолько мимолетен, что я и сама его едва заметила. — Мне придется поговорить с вами о поведении вашего подопечного.

Оуэн покраснел, а потом и вовсе постарался слиться с диваном из резного белого дерева, который стоял позади него.

— Что-то случилось?

Захлопали и другие двери. Зрителей становилось все больше. Это вовсе не радовало наставника Оуэна, да и я никак не рассчитывала попасть на публичное линчевание. Даже задумалась, не слинять ли по-тихому? Судя по взгляду Эйверли, брошенному на меня, он это понял. Я послушно замерла на месте. Ладно, поприсутствую на этом странном представлении еще немного. А разворачивавшееся зрелище действительно отдавало театральщиной.

Эйверли, дождавшись, когда в холле окажется большая часть увиденной сегодня процессии, продолжил:

— Рин Оуэн подверг себя опасности. Он решил в одиночку перебраться на другую сторону болота и едва не погиб.

Раздался возмущенный, полный неодобрения ропот. Взгляды всех присутствовавших, ранее изучавшие меня, скрестились на мальчишке. Тот поменял багровый цвет на свекольный, а затем обратно. Я невольно пожалела Оуэна. Конечно, он сгруппировался, но я была на его стороне.

Интересно, зачем Эйверли такая публичная порка?

— Зачем вы это сделали? — В голосе Дэкси прозвучал металл, разбавленный нотками легкой паники. — Что вы там забыли?

Оуэн сглотнул и сделал решительный шаг вперед, прибавив себе пару очков в моих глазах. Думаю, многие бы на его месте предпочли свернуться рулончиком и спрятаться под диваном.

— Я хотел исследовать местность на наличие дополнительных источников. Артефакт указал, что они есть.

— Видимо, он указал на другую сторону болота, потому что я обнаружил рина Оуэна в компании охотящихся на него речных монстров — ятаков, как их называют местные. Я едва успел вмешаться.

Вот теперь грянул настоящий рокот, а не его отголоски. Почтенные мужи, рассвирепев, как лишенные валерьянки коты, принялись отчитывать мальчишку. «Нелепо», «беспрецедентно», «ужасающе» — это то, что я разобрала, прежде чем вмешался Дэкси.

— Я понимаю, мой подопечный повел себя неразумно, но, рины, давайте не будет забывать, что ему всего четырнадцать.

Я покосилась на мальчишку, изучавшего пол под ногами. А выглядит даже младше, лет на двенадцать.

— Вы отошлете меня в академию? — тихо спросил он.

Дэкси явно занервничал. Я стояла в стороне, поэтому мне было хорошо видно всех участников разговора. При словах Оуэна его наставник дернулся, а Эйверли чуть склонил голову набок. Так-так-так, мне кажется или?..

— Я попрошу вас не принимать поспешных решений! — торопливо вставил Дэкси. — Все мы ошибаемся, а уж в молодости... Неужели одна шалость стоит того, чтобы лишить юношу настоящего приключения, о котором он мечтал весь год? Ведь ради нашей поездки он даже отпросился у преподавателей!

— А я вот в его годы не пропускал учебу!

— Ничего себе шалость!

— Да ладно, рины, с другой стороны, он всего лишь ребенок!

— И наследник Лингов.

Последнее кто-то добавил уже шепотом. Я постаралась запомнить незнакомую фамилию, хотя понятия не имела, зачем мне это. Сказывалась профессиональная привычка собирать информацию.

Маги переглянулись и под скучающим взглядом Эйверли сошлись во мнении, что мальчишка может остаться. Этому предшествовала такая длинная, нудная лекция о правилах поведения, что даже я с трудом сдержала зевоту. Ну и какого черта Эйверли меня притащил? Он, как будто подслушав мои мысли, снова подал голос:

— Что ж, раз с ринком Оуэном мы все решили, мне бы хотелось добавить кое-что еще.

Клянусь, во взгляде, которым он меня одарил, проскользнуло что-то похожее на извинение. У меня по спине поползли мурашки. Так, что он задумал?!

— Эта девушка, — он указал на меня ладонью, — помогла рину Оуэну продержаться до моего вмешательства.

Я снова оказалась в лучах всеобщего внимания, словно под прожектором на сцене театра. Пришлось натянуто улыбнуться. Махать рукой не стала, хотя хотелось.

— М-м-м... — протянул Дэкси. — Это необычно, но благородно с ее стороны. Эй, — он обернулся к слуге, застывшему за его спиной, — дайте ей немного денег и хлеба.

Это было сказано так снисходительно, с плохо замаскированным презрением, что меня бросило в краску. Удушающая волна прошла по всему моему телу, заставив едва ли не задохнуться от возмущения. Прежде чем успела понять, что делаю, я гордо выплюнула:

— Мне не нужны деньги. И хлеб тоже оставьте себе.

На меня снова уставились, теперь уже пораженно, как на заговорившую рыбку. Лишь Эйверли глядел непроницаемо, а Оуэн — стыдливо. Кажется, парнишке было крайне неловко. Его шея в вороте рубашки покраснела.

— Вы знаете наш язык? — удивленно спросил Дэкси. — Откуда?

— Я иномирнянка, рин, — мрачно ответила я, словно это все объясняло.

Впрочем, похоже, так оно и было. Во всяком случае других вопросов не последовало.

Растерянность Дэкси не продлилась долго.

— Тогда мы можем угостить вас чаем.

Его предложение камнем упало в тишину холла. Наверное, именно такая тишина встречает неудачную шутку комика.

Я фыркнула. Оуэн открыл рот, чтобы что-то сказать, но не успел. Его опередил Эйверли.

— Вы не хотите узнать, как именно наша гостья помогла рину Оуэну?

В его голосе снова появилась кошачья вкрадчивость. Я насторожилась.

— Как? — на автомате спросил Дэкси и поморщился.

Его явно не интересовал этот вопрос.

— Рин Оуэн, вы поняли, что произошло? — Эйверли обернулся к мальчишке.

Тот потряс головой.

— Эта девушка, — Эйверли снова указал на меня, а я едва не сказала, что у меня вообще-то есть имя, — усилила магию рина Оуэна. Она подключилась к его ауре и слилась с ним воедино, предоставив ему доступ к потокам магии, циркулирующим в воздухе.

Повисла зловещая тишина. Та самая, что непременно сопровождает разоблачение убийцы в каком-нибудь классическом детективе. Лично я сама не поняла ни слова, поэтому постаралась тактично вмешаться.

— Вы что-то перепутали, — вежливо влезла я. — У меня нет магии, меня проверяли на артефакте.

— У Проводников ее и не бывает, — пожал плечами Эйверли.

В третий раз в холле поднялась такая словесная буря, что предыдущие две показались мне слабыми пародиями на нее.

— Проводник?!

— Вы серьезно?

— Дайте посмотреть поближе!

Опасаясь, что меня сейчас бесцеремонно ухватят за рукав, я отпрыгнула подальше, за спину Оуэна. Тот, обернувшись, потрясенно воззрился на меня.

— А ведь правда... Меня уже покинули силы, когда вдруг открылось второе дыхание...

— Я был там, — продолжил Эйверли, — и магическим зрением заметил постороннее вмешательство. У меня почти нет сомнений в увиденном. Но мы обязаны проверить мои догадки.

Его поддержали. Маги направились к выходу из шатра так быстро, что я едва успела поймать Эйверли за руку. Он, приподняв бровь, проследил взглядом за моими пальцами, вцепившимися в манжету его рубашки, но ничего не сказал.

— Что все это значит? — тихо спросила я.

— Если вы действительно Проводник, — негромко ответил он, — вас без промедлений направят учиться в академию. А сопровождать вас будет рин Дэкси.

Мне показалось, или в его голосе действительно проскользнуло удовлетворение? И вряд ли оно относилось к тому факту, что я стану учиться в академии. Подождите, я что, вправду буду учиться в магической академии?!

Глава 4

— Ариана Роук! Я рад, что вы присоединились к числу студентов нашей славной академии.

— Я тоже, рин...

— Ной Абрамс. Я ваш ректор.

Я попыталась изобразить что-то похожее на реверанс, но могла бы и не стараться. Ректор обратил на меня внимания не больше, чем того требовала вежливость. Разговаривая со мной, он торопливо складывал в портфель вещи со стола. Перед ним лежала тонкая тетрадь — мое учебное дело, но он даже не заглянул в него. Разве что пробежался по документам.

К слову о них.

Я набрала в грудь побольше воздуха.

— Рин Абрамс, я бы хотела поменять в документах имя. Видите ли, я иномирянка, и мне непривычно слышать в свой адрес...

— К сожалению, это невозможно. — В голосе ректора не прозвучало ни намек на сожаление. Он суетливо поправил очки на носу и задумчиво обернулся на картины за спиной, словно выбирал, какую взять с собой. — Иномиряне, согласно закону, не имеют права менять документы. Получив в свое распоряжение тело, вы приобретаете и все его права и обязанности. Представляете, какой бардак бы начался, начни мы менять каждому имя по его желанию?

Я представляла. И не видела в этом особой проблемы.

— Принц Уильям или принц Роланд? — себе под нос пробурчал ректор, не сводя взгляда с портретов.

Я растерянно оглянулась. Кабинет, в котором ректор меня принял, выглядел пугающе роскошно (оказалось, я уже успела отвыкнуть от нормальных вещей). Я чувствовала себя на редкость неловко в длинной потертой юбке и выцветшей рубашке. У меня даже чемодана с собой не было. Я ушла из дома в том, в чем была.

— Рин Абрамс, — кашлянув, напомнила я о себе.

— Ах да! — Он перестал созерцать портреты и вновь посмотрел на меня. Очки на его носу сверкнули на солнце. — Мы ж с вами еще не закончили. Надеюсь, вы легко добрались до академии?

Я припомнила недовольное лицо Дэкси, которому пришлось сопровождать меня и Оуэна, и решила, что это мелочь, не достойная упоминания.

— Путешествовать порталом мне понравилось, — дипломатично ответила я.

Это и правда оказалось быстро и удобно. Всего несколько мгновений, и удушающая, влажная жара сменилась прохладой мраморных коридоров магической академии Кемберлинского королевства.

— Я рад, я рад, — покивал ректор, щелкая замком на изрядно раздувшемся кожаном портфеле. — Ваш сопровождающий, как я понимаю, уже ушел.

— Да, вы правы.

Дэкси довел меня до дверей кабинета и испарился, даже ради вежливости не сославшись на дела. Впрочем, всю дорогу от него исходило раздражение. Кажется, я сильно подпортила ему планы. Вернее, не я, а Эйверли.

— Что ж, тогда к сути. — Ректор приподнялся с высокого кресла, словно готовый немедленно сорваться с места и скрыться за дверью. — Ариана Роук, с завтрашнего дня у вас начнутся занятия. Вы зачислены на первый курс, но год уже в разгаре, так что вам

придется нагонять половину семестра. Надеюсь, вы сможете это сделать.

— О, я уверена...

— Отлично. Мне бы не хотелось подписывать приказ о вашем исключении.

Это могло бы прозвучать шуткой, но из движений ректора вдруг ушла вся суетливость, а голос зазвучал серьезно, даже угрожающе. Я замолкла, уже внимательнее всматриваясь в ректора. Пожалуй, с ним стоит быть поосторожнее.

— Я поняла, рин Абрамс.

— Прекрасно-прекрасно, — снова добродушно откликнулся он, мгновенно меняя маски. — Сегодня вы можете получить учебники и форму, а также заселиться в свою комнату. Ну а завтра вас ждет полноценный учебный день. Так как вы Проводник, могут возникнуть некоторые сложности, ведь полноценной магией вы не обладаете, но, думаю, с этим мы разберемся.

Я кивнула. Мне еще в деревне, во время испытания, где я была вынуждена показать свой потенциал, объяснили, что таких, как я, артефакт не может распознать. Проводник почти не мог использовать магию самостоятельно, но легко позволял подключиться к ней другим людям. В этом мире маги черпали силу изнутри, но Проводник мог помочь пробиться к внешнему источнику. Что я и продемонстрировала сначала с Оуэном во время драки с крокодилами, а затем еще в деревне, за пределами шатра. В моем случае хватало физического воздействия, например, прикосновения, чтобы дать магу дополнительный ресурс и увеличить его потенциал.

— Да, разберемся, — согласилась я.

Перед глазами вновь встала картина утреннего испытания. Я помнила, как задрожала, когда меня поставили за спину незнакомого мага и попросили довериться интуиции. Еще страшнее стало, когда на меня (читай — на мага) обрушились силы разных стихий: вода, огонь и ветер. Маг умело отбивался, но я четко уловила момент его слабости. А затем, прежде чем сообразила, что делаю, вцепилась ему в плечо. Несколько секунд промедления, и мой подопечный принялся сражаться с новой силой, а еще минуту спустя меня наградили аплодисментами. Все, кроме Дэкси. Тот лишь кисло улыбнулся, сверля Эйверли недовольным взглядом.

— Вот тут написан свод наших правил. — Ректор пододвинул лежавшую на столе брошюрку. — Ничего особенного: запрет на прогулки по ночам и еще несколько ограничений. Например, академию нельзя покинуть без моего разрешения. Это сделано в первую очередь ради вашего блага: недоучившийся маг опасен для общества.

— И исключений не бывает?

— Ну почему же, мы готовы отпустить учеников на выходные или на работу.

Мои брови взлетели вверх.

— На работу?

Ректор, переминаясь с ноги на ногу, будто готовился к низкому старту, кивнул:

— Да, дар может проснуться в любом возрасте, поэтому некоторые наши студенты достаточно... взрослые. Соответственно, они не могут отказаться от своих обязательств перед короной и продолжают их нести, совмещая работу и учебу.

— Звучит похвально, — дипломатично заметила я и подлила меда: — Такими людьми нельзя не восхищаться.

— Можете лично сказать об этом рину Эйверли, — рассеянно сказал ректор и спохватился: — Хотя лучше не стоит. Он не любит комплименты.

Я напряглась, снова уносясь в воспоминания этого утра.

— Спасибо! Ну, за то, что рассказали обо мне, и вообще...

Я, с трудом нагнав Эйверли, вынудила его остановиться. Он неохотно обернулся и прикоснулся кончиками пальцев к полям шляпы. В его взгляде, прежде холодном, промелькнула насмешка.

— Вам не стоит благодарить меня. Поверьте, я оказал вам медвежью услугу.

Я усмехнулась, вспоминая прелести жизни на свежем воздухе.

— Это уж вряд ли.

— Скоро сами поймете. И выбросьте из головы все мысли обо мне как о добром меценате. Я сделал это для себя.

Я кивнула:

— Да, вам зачем-то было нужно избавиться от рина Дэкси.

Эйверли едва заметно вздрогнул и заинтересованно склонил голову.

— А вы наблюдательны...

От этого замечания, протянутого слишком задумчиво, чем следовало бы, я торопливо отступила назад.

— Ладно, тогда я не стану считать себя вашей должницей. Прощайте!

Эйверли слегка передернул плечами. На его лице снова расплзлось равнодушие и легкая скука.

— До встречи.

Догадка обожгла меня, и я мысленно присвистнула. Так вот, что он имел в виду. Я-то гадала, о каком «до встречи» идет речь! Теперь понятно. Действительно, если мы учимся в одном заведении, вероятность столкнуться довольно высока. Интересно, кем работает Эйверли?

— Что ж, Ариана Роук, у вас есть ко мне вопросы?

Я торопливо вынырнула из размышлений. Сейчас не время для праздного интереса.

— Да, рин Абрамс.

Ректор страдальчески вздохнул и демонстративно покосился на настенные часы, но мой вопрос заставил его удивленно вздрогнуть и отвести взгляд от черных стрелок круглого циферблата.

— Какова сумма стипендии?

Ректор пожевал губами, явно не ожидав такой резкой смены темы.

— Стипендии?

— Да. Той, что поощряют студентов за хорошую учебу. Она выплачивается раз в месяц или реже?

— Э-э-э... Ваш интерес к деньгам несколько обескураживает.

Я пожала плечами. Для меня, пообещавшей «отцу» выплатить отступные, без которых он не хотел расписываться в бумажках, вопрос вполне резонный. Возможно, местные студенты настолько богаты, что такие мелочные вещи их не волнуют, но я не из их числа. Я поклялась магией, так что улизнуть от долга не получится. Ничего, справлюсь.

Мне выпал хороший шанс устроиться в этом мире, и я его не упущу. Даже если придется следующие несколько лет жить впроголодь. В конце концов, я бы удивилась, если бы меня отпустили учиться без всяких условий.

Зато теперь я сама себе хозяйка.

— Лучше уточнить в бухгалтерии. Признаться, я не силен в цифрах. А теперь, простите, я спешу!

— Конечно. Благодарю вас за беседу, рин Абрамс.

Имея большой опыт общения с чиновниками, я даже не обиделась на ту поспешность, с которой меня выпроваживали из кабинета. Я умела игнорировать такие вещи.

— Вы всегда можете обратиться ко мне за помощью, — проговорил ректор, едва не подталкивая меня в спину. — Общежитие находится в левом крыле. Найдите Нортропа. Он вам все покажет.

Торопливо провернув ключ в замке, ректор, не попрощавшись, исчез в вихре портала. Ладно, похоже, обратиться к нему за помощью можно будет в единственном случае — во время внезапного апокалипсиса. Впрочем, я все равно привыкла решать проблемы самостоятельно.

Я с энтузиазмом отправилась на поиски загадочного Нортропа. Авось он окажется подружелюбнее ректора.

Глава 5

Зря я на это надеялась.

— В подвале есть прачечная. Стоимость ее услуг по карману всем, но, если предпочтете стирать вещи самостоятельно, ванная комната в конце коридора в вашем распоряжении.

Намек на мой более чем скромный внешний вид не прошел мимо меня. Я хмыкнула, выдержав многозначительный взгляд сопровождающего — высокого тощего старика-ключника в тщательно отутюженном костюме серого цвета. Его спина была настолько прямой, что мне хотелось спросить, все ли с ним в порядке, не защемил ли он какой-нибудь позвонок. Поджатые тонкие губы, дорогие часы на металлической цепочке, выглядывающие из кармана пиджака, зализанные назад седые волосы — во всем его внешнем виде сквозила какая-то надменность. Я невольно отметила, что имя ему подходит. Такое же прямое и претенциозное, как и его обладатель.

Впрочем, будучи в благодушном настроении, я не стала спорить или осаживать старикана. Да что там, я с трудом сдерживалась, чтобы не обнять его. Подумать только, я вырвалась из деревни! Прощай комары, жара и удручающая бедность.

— Ваша спальня.

Нортроп толкнул дверь из темного дерева, и передо мной возникла просторная светлая комната. В ее центре стояла кровать на четырех деревянных столбиках с пологом. Сейчас он был приподнят, обнажая темно-синий плед и россыпь белоснежных подушек. На прикроватной тумбочке скромно пристроился медный подсвечник с одинокой оплавленной свечой. Чуть левее я заметила туалетный столик, который без батареи баночек выглядел одиноко и заброшенно. У большого окна, прикрытого тяжелыми портьерами, возвышался массивный стол. Потертые ручки письменных ящиков почти утратили позолоту, но сохранили необычную форму. Они были выполнены в виде чьей-то хищной лапы. Я перевела взгляд вправо, к высокому платяному шкафу. Чуть дальше, занимая весь правый угол, обнаружился камин. Его черная металлическая решетка, несмотря на усилия горничной, была покрыта копотью. Рядом стояла кочерга и еще несколько неизвестных мне предметов.

— Неплохо, — прокомментировала я.

— Рад, что вам понравилось.

Я проигнорировала его слова и задрала голову: над нами покачивалась медная люстра. В ее изящных рожках застыли все те же тонкие свечи.

— Жаль, что до электричества здесь еще не додумались, — пробормотала я.

— Простите?

Нортроп так демонстративно выгнул бровь, что я даже восхитилась его актерскими талантами: не каждый владеет мимикой настолько искусно!

— Забудьте, — отмахнулась я.

— Непременно, — с достоинством пообещал он и протянул мне ключ на тонкой цепочке. — Теперь это ваше. Не стану больше отнимать у вас время.

Последнее было сказано с невозмутимостью, за которой угадывались другие чувства: снисходительность, легкая насмешка — всего и не разобрать. Впрочем, я и не стремилась этого сделать.

— Всего доброго, Нортроп, — откликнулась я и тут же спохватилась: — Подождите!

Он, уже переступив порог, все с тем же каменным лицом медленно обернулся.

— Что дальше по коридору?

— В конце, как я уже говорил, ванная комната, а до нее — спальни, предназначенные для студентов. Из них заняты только две.

Я удивилась:

— Почему?

Он пожал плечами.

— Женская часть академии весьма... малочисленна.

Эта фраза прозвучала слишком многозначительно. Я подобралась, как гончая, поймавшая след зайца.

— И сколько же девушек учится в академии?

— С вами трое.

Я подумала, что неправильно поняла его.

— Это только на первом курсе, верно?

Нортроп позволил себе что-то, отдаленно напоминающее вежливую улыбку.

— Нет, на первом курсе вы — единственная девушка.

Я нащупала за спиной стул и потрясенно плюхнулась на него.

— Всего трое... Надо же! Но почему?

Я требовательно вскинула глаза на Нортропа. Тот явно был не рад необходимости объяснять, с его точки зрения, элементарные вещи, но, видимо, не нашел приличного предлога, чтобы улизнуть от разговора.

— Не всякий родитель отпустит свою дочь учиться в академию.

— Но ведь обучение бесплатное! — настойчиво вставила я.

Впрочем, мой аргумент едва ли впечатлил Нортропа.

— После его завершения каждый обязан отработать не менее пяти лет на благо короны.

Я почесала кончик носа, по-прежнему не улавливая, в чем загвоздка.

— А почему девушки не могут этого сделать?

Нортроп, утратив свою рыбью холодность, посмотрел на меня с подозрением. Видимо, подумал, что я его разыгрываю.

— Потому что святой долг женщины — выйти замуж и родить детей. Какой же муж потерпит, чтобы его жена работала?

Вопрос патетично повис в воздухе. Нортроп еще больше расправил плечи (хотя куда уж еще больше!) и с удовлетворением человека, победившего в споре, покинул комнату. Я скептически посмотрела ему вслед. Пожалуй, не все так радужно в этой академии, как я думала изначально.

Я утвердилась в этой мысли, когда на мой настойчивый стук соседки и не подумали открыть двери. Решила, что попросту не застала их дома, но с той стороны порогов доносились шорох и негромкие шаги.

— Здравствуйте! Я тут новенькая, хотела с вами познакомиться! — прокричала я сначала в одну замочную скважину, затем — в другую.

Тишина и там, и там.

Странно, очень странно...

Озадаченная, я вернулась к себе. Не прошло и пару минут, как раздался стук уже в мою дверь. Я выдохнула с облегчением и подскочила с кровати.

— Значит, все-таки будем знакомиться?

Улыбка замерла на моих губах: в коридоре стоял Оуэн. Он успел переодеться и теперь щеголял в костюме изумрудного цвета. На его груди я заметила значок, обозначающий принадлежность к академии магии.

— Можно и познакомиться, — неуверенно согласился он. — Я Оуэн, наследник Лингов. А вы Ариана Роук, верно?

Я кивнула и посторонилась, пропуская парнишку. Тот шмыгнул за мной, прикрыл дверь и принялся выворачивать карманы, из которых посыпались разноцветные камни — артефакты.

— Я хотел поблагодарить тебя... то есть вас, Ариана. Если бы не твоя... ваша помощь, меня бы сожрали речные монстры!

— Ко мне можно на «ты», — откликнулась я, с интересом наблюдая за его манипуляциями.

Он, перебирая камни, что-то творил с дверным замком. От пола и до самого потолка расплзлись сапфировые нити, в воздухе запахло озоном, а я заволновалась, уловив всплеск магии.

— Отлично. — Оуэн, на мгновение отвлекшись от работы, улыбнулся. — Ко мне тоже можно обращаться без всяких церемоний.

Я хмыкнула. На болоте мне не показалось: парнишка удивительно открыт, учитывая его положение в обществе.

— Что ты делаешь?

Он покосился на меня через плечо.

— Охранное заклинание. Ты же не хочешь, чтобы ночью к тебе вломились незваные гости?

Я насторожилась.

— Нет, мне бы этого не хотелось. А почему ко мне кто-то должен вломиться?

Пришел черед Оуэна удивляться.

— Ну как же иначе? Ты же Проводник — лакомый кусочек для любого мага. Тебя многие захотят заполучить, причем любой ценой.

Пол не ушел из-под моих ног, но я ощутила потребность срочно опуститься на ближайший стул.

— Ладно, а с чего бы им так стремиться... как ты сказал? Заполучить меня любой ценой. — Я мрачно скрестила руки на груди. — Я не наследница миллионных состояний, да и родословной похвастаться не могу.

Оуэн, не оборачиваясь, пошевелил рукой: сапфировые нити сплелись в сложный узел, а затем рассыпались синими искрами, напоследок ослепив вспышкой. Я прищурилась и, подумав, добавила:

— И характер у меня не сахар.

Это замечание должно было поставить жирный росчерк пера в моей профнепригодности: выступать в роли ценного приза я могла разве что в каком-нибудь фантазмагорическом спектакле.

— Ты Проводник, — как попугай повторил Оуэн. — За тобой начнется охота. Она бы началась, даже будь ты страшна как смертный грех. Но ты, вдобавок ко всему, еще и красива.

— Ну, это не то чтобы моя заслуга, — пробормотала я.

Я и правда не выбирала тело: взяла то, какое досталось. Взгляд метнулся к стене напротив, где на толстом крюке висело овальное зеркало. Его серебристая поверхность равнодушно подтвердила слова Оуэна: Ариана и правда обладала привлекательной внешностью. Одни густые светлые волосы, стянутые сейчас в низкий хвост, чего стоили! Забавно, всегда думала, что симпатичная девушка будет иметь преимущество перед менее яркой соперницей. Кто бы мог подумать, что в моем случае красота станет досадной помехой.

Оуэн смахнул испарину со лба и устало отошел от двери.

— У тебя нет воды? Охранные заклинания всегда тяжело мне даются.

Я молча кивнула на графин и хрустальный стакан, стоявшие на столе.

— А какая у тебя специализация? — спросила между делом.

Оуэн сделал жадный глоток, отставил в сторону стакан и пожал плечами.

— Пока не знаю. Специализацию можно будет выбрать лишь на третьем курсе, а пока нас будут гонять по всем предметам, стараясь выяснить сильные и слабые стороны. Но я и без всяких тестов могу сказать, что бытовая магия — это не мое. Мне больше по душе боевые заклинания.

Оуэн выглядел таким важным, что я хмыкнула. Вполне возможно, что он попросту убедил себя в этом, ведь наверняка быть боевым магом более престижно, чем специалистом по бытовым заклинаниям. Мальчишка!

Я отмахнулась от ироничных мыслей и вернулась к теме, действительно волнующей меня.

— Объясни мне, что такого особенного в Проводнике? И заодно, что ты имеешь в виду под «заполучить любой ценой»?

Оуэн смутился. Его глаза забегали по комнате, словно он не решался встретиться со мной взглядом. Та-ак! Это то, о чем я думаю? Черт, неудобно будет разговаривать на столь интимную тему с подростком, но других желающих просветить меня что-то не видно.

Оуэн нервно оттянул ворот рубашки и, очевидно, решил начать с вопроса попроще.

— Маги всегда работают в паре. Не знаю, как в твоем мире, но в нашем маги черпают силу изнутри, и, если полагаться только на себя, можно быстро дойти до точки.

— И чем это чревато?

— Потерей магии или здоровья. Нет, конечно, есть смельчаки, работающие только в одиночку, но таких немного. Да и заканчивают они обычно... плохо.

Оуэн, устав стоять у стола, огляделся в поисках стула, но не нашел куда можно опуститься. Я хотела махнуть ему на кровать, а потом спохватилась: в новом мире это может выглядеть фривольно — поэтому сама пересела на застеленную пледом постель, а стул великодушно оставила Оуэну. Тот не стал отнекиваться.

— Например как? — поинтересовалась я, продолжая разговор.

Оуэн сел так прямо, что и я невольно повторила его позу. Пожалуй, чтобы не выделяться, мне придется прошерстить какой-нибудь местный учебник этикета. Не хочется быть осмеянной из-за незнания простых правил.

— Например, сердечным приступом или отдачей от заклинания... В общем-то, маги-одиночки редко доживают до почтенных лет.

Я задумчиво куснула губу, пытаюсь уложить в голове новую информацию.

— Хорошо, значит, маги работают в паре.

— Мы называем это рабочей двойкой, — терпеливо поправил Оуэн, а затем не выдержал:

— Ты вообще ничего не знаешь про магов?

— В деревне моей любознательности не стремились потакать, — огрызнулась я, но тут же сдулась: Оуэн тут ни при чем. — Так что я буду признательна, если ты введешь меня в курс дела.

Он серьезно кивнул, и эта его искренняя готовность помочь заставила меня улыбнуться. Нет, определенно, мне повезло. Я бы могла ринуться спасать от крокодилов кого-то менее благодарного и сейчас бы разгребалась с проблемами в гордом одиночестве.

— Собственно, я уже почти все рассказал. Рабочие двойки формируются на третьем курсе, но, как правило, к этому времени уже понятно, кто и с кем будет сотрудничать. Найти партнера, который не станет тебя раздражать и будет с тобой на одной волне, непросто. Обычно ищут того, кто бы усиливал твои сильные стороны, и часто в паре сохраняется отношение ведущий-ведомый. Мало кому хочется быть ведомым, — со вздохом добавил Оуэн.

— Это же унижает мужское достоинство, — с готовностью поддакнула я, мысленно закатив глаза.

Сослать всех господ магов в деревню! Чтобы ерундой не страдали. Тоже мне нашли из-за чего переживать!

Оуэн иронии не заметил.

— Именно! — воскликнул он, и я с трудом подавила смешок. — Поэтому вариант с Проводником — это идеальное решение проблемы. Не придется ни под кого подстраиваться, ни с кем договариваться...

Я непонимающе нахмурилась.

— Разве с Проводником не могут возникнуть разногласия?

— Да, если он мужчина, — легко согласился Оуэн. — Но ты же девушка.

Шах и мат.

Я притихла, обдумывая: ударить Оуэна подушкой или тактично донести до него мысль, что он, мягко говоря... не прав. Я вообще-то против физических методов воспитания, но иногда они действеннее слов.

Судя по безмятежному взгляду Оуэна, он не догадывался о коварных мыслях на его счет.

— Слабые маги захотят тебя, чтобы увеличить силу, но и те, кто не обделен даром, тоже вступят в игру. И неприятностей от них будет еще больше, поверь мне.

— Чем больше имеешь, тем больше жаждешь получить, — пробормотала я, забывая о желании бросить в Оуэна подушку. Перспективы, нарисованные парнишкой, заставили нервно вздрогнуть и потрясти головой. — Ладно, с этим более-менее разобрались. Давай переходи ко второй части вопроса.

Оуэн мучительно замялся. Его щеки вспыхнули малиновым цветом, из-за чего он стал выглядеть даже не на двенадцать, а на все десять лет.

— Ну-у... Знаешь... Чем сильнее маг, тем больше у него шансов хорошо устроиться после выпуска. Конкуренция довольно высокая, поэтому...

Я терпеливо ждала, пока Оуэн закончит мысль, и незаметно дергала за вышивку, подцепляя нитки ногтями. Кажется, такими темпами я распушу этот несчастный плед уже к концу разговора.

— В общем, многие могут подумать, что, скомпрометировав тебя, добьются своего быстрее, нежели тратя время на уговоры.

Вышитый цветок под моими пальцами превратился в месиво оборванных ниток. Я смяла жесткую ткань в кулак.

— Вот значит как? — протянула.

Оуэн не заметил угрозы в моем голосе и сочувственно закивал.

— Да, жениться на тебе — отличное решение проблемы. И тут уже никого не будет волновать твое происхождение, ведь твой дар открывает дорогу туда, куда прежде путь был заказан. Конечно, знать высшего света вряд ли посмотрит в твою сторону, но и без них претендентов на твою руку и сердце окажется более чем предостаточно.

— А если я не захочу становиться Проводником для своего мужа? — Последнее слово я буквально выплюнула, словно оно обжигало язык.

Казалось, мой вопрос поставил Оуэна в тупик. Он замер, как переводчик, встретивший незнакомую идиому и пытающийся уловить ее смысл.

— Жена всегда следует за мужем, — после паузы сказал он.

Прелестно, просто прелестно. На такой аргумент ответить можно разве что револьверным выстрелом в упор. Иначе не дойдет.

— А что две другие девушки? — вдруг вспомнила я. — У них те же неприятности, что и у меня?

В деревне на мою девичью честь не покушались, потому что боялись попасть под руку отца. Здесь у меня не было такого «пугала». Придется разгонять падальщиков самостоятельно.

— Они замужем. К тому же, их дар не представляет особого интереса.

А я, значит, товар более ценный. За меня можно и побороться. Даже не знаю, возгордиться или рассмеяться. Оуэн неверно расценил мое молчание.

— Не волнуйся! — затараторил он. — Я поставил мощное охранное заклинание на дверь: теперь в комнату сможет войти только тот, кого ты пригласишь.

Помнится, так было в сказках про вампиров. Те тоже не могли прийти незваными гостями.

— Ну и еще заклинание будет пропускать меня, — Оуэн смутился, — но просто потому, что я его создатель. — Он спохватился: — Но ты не думай, я ничего такого... Я никогда... Ну то есть, не то чтобы я был маленьким для этого, просто...

Я дернула уголок губ в ответ на его попытки объяснить. Это было и забавно, и трогательно одновременно.

— Я поняла, ты слишком благороден для этого, — подсказала я.

Оуэн с облегчением закивал.

— Верно! Так что завтра с утра я зайду за тобой. Вместе сходим на завтрак в столовую, а потом пойдем на занятия. Мы с тобой в одной группе.

Я хотела было отказаться, но передумала. В конце концов, мне придется непросто. Помимо проблем с претендентами на руку и сердце у меня были и другие. Например, мне предстоит нагнать в учебе, ведь семестр начался пару месяцев назад. Без посторонней помощи сделать это будет сложно.

— Хорошо, — согласилась я. — Но мне нужно сходить в библиотеку за учебниками и в прачечную за формой.

Оуэн молча встал со стула и, подойдя к столу, дернул за ручку письменного ящика. На его дне оказались книги в кожаном переплете.

— Форма в шкафу, — пояснил он и, смешавшись, добавил: — Сама посмотришь.

Я поняливо кивнула. Что ж, кажется, причин выходить из комнаты и правда больше нет.

— Я бы показал тебе все сегодня, но у меня дополнительные занятия, — виновато сказал Оуэн. — Да и поздно уже. Комендантский час в девять.

Я взглянула на часы: почти шесть вечера. Этот день пролетел удивительно быстро.

— Ничего страшного, мне лучше отдохнуть перед первым учебным днем.

Оуэн появился у порога, а затем попрощался со мной. Я окликнула его, когда он уже прикрывал дверь:

— Спасибо тебе!

— Это мой долг, — гордо выдал Оуэн и исчез в коридоре.

Я улыбнулась. Странный парнишка, но он точно мне нравится. Надеюсь, он не подведет.

Переживания сегодняшнего дня еще долго не отпускали. Я целый час ходила из угла в угол, прислушиваясь к шорохам из коридора. Затем, устав от такого бесцельного времяпровождения, наугад взяла в руки один из учебников. Пробираться сквозь незнакомые термины оказалось сложно, и чтение довольно скоро сморило меня. Я, вымотанная всем происходящим, уснула так крепко, что на утро довольно смутно помнила стук в дверь и скрежет кидаемых в окно камешков. Судя по всему, Оуэн оказался прав: охранное заклинание мне действительно пригодились.

Глава 6

Я проснулась с рассветом. Видимо, сказалась привычка, приобретенная в деревне. Впервые за долгое время я выспалась, поэтому, потягиваясь в мягкой постели и любуясь утренними лучами солнца, пробивающимися сквозь портьеры, чувствовала себя просто превосходно. Вчерашний разговор с Оуэном уже не казался таким мрачным. Наверняка парень просто сгустил краски! Все не может быть так плохо, как он описал.

Я умылась в ванной комнате в конце коридора. Никто не попытался ко мне вломиться, и я успокоилась окончательно. Проходя мимо комнат соседок, снова постучала, и мне снова никто не открыл. Нет, все-таки расслабляться не стоит.

Темно-зеленая юбка, найденная в шкафу, оказалась мне в пору, а вот белая блузка — чуть великовата, но это исправил темно-коричневый корсет, который я надела поверх. К счастью, на полке вместе со значком, таким же, какой я увидела у Оуэна вчера, нашлась и методичка с картинками формы. Так что я была абсолютно уверена, что оделась правильно. Ну хоть какая-то скидка на то, что я попаданка.

Я как раз прикрепляла к груди значок, когда Оуэн, как и обещал, зашел за мной.

— Ты готова? — сонно спросил он и широко зевнул. — Ненавижу первые пары...

На его фоне я выглядела раздражающе бодрой.

— Да, — откликнулась я. — Только нужно решить, куда положить учебники. Рюкзака или сумки у меня нет.

После недолгих раздумий Оуэн великодушно предложил убрать мои учебники в его портфель. Так мы и сделали.

Вчера мне не удалось рассмотреть здание академии — слишком я была взволнована. Я смутно припоминала, что внешне она напоминала смесь готического замка и дворца в викторианском стиле. Внутри же пока все больше отдавало готикой. Длинные продуваемые ветрами коридоры, мрачные витражи на стеклах, зарешеченные окна, статуи горгулий, подпирающих высокий темный потолок, и обилие факелов вызывали ассоциации с дорогим триллером. Если здесь еще и подвал есть...

Мы спустились по широкой лестнице и нырнули в коридор, полный студентов. Почти сразу же я оказалась под обстрелом любопытных мужских взглядов. Кто-то улыбался мне, кто-то — оценивающе рассматривал. За спиной раздавались перешептывания, и мне стало не по себе. Стараясь не показать, что испугалась, я задрала голову и с вызовом стала пытаться в ответ. Уже спустя минут пять такой стратегии у меня возникли вопросы.

— Почему не все студенты в форме?

Те, кого мы встречали по дороге, и правда далеко не всегда оказывались одеты в лаконичные темно-зеленые костюмы. Большинство пестрило яркими красками: малиновый, пурпурный, салатовый...

— Форму носят те, кто не может позволить себе нормальную одежду, — пропыхтел Оуэн, перекладывая кожаный портфель из одной руки в другую.

— Давай я помогу?

Оуэн отпрыгнул от меня как черт от ладана.

— Сам понесу! — возмутился он так рьяно, что я подняла руки:

— Ладно-ладно, раз для тебя это так принципиально... — Я скользнула взглядом по толпе студентов и запоздало сообразила. — Слушай, а ты почему в форме? Вроде твои родители вполне состоятельные люди.

Оуэн горестно вздохнул, но ответил сдержанно.

— За выходку в деревне отец лишил меня удовольствия на месяц. А еще отослал моего

камердинера и весь гардероб, захваченный из дома!

Последнее он добавил уже обиженно и неподобающе шмыгнул носом, как ребенок, у которого отняли все гаджеты.

— Это жестоко, — посочувствовала я и расправила складку на блузке.

Ладно, на нормальную одежду тоже заработаю самостоятельно.

Столовая оказалась огромной, гораздо больше, чем я себе представляла. По ней гуляли такие ароматы, что я, забывшая, когда нормально ела, едва не поперхнулась слюной.

— Завтрак платный? — уточнила я, уже понимая, что, если последует положительный ответ, я кого-нибудь ограблю. Прямо здесь.

— Нет, ты можешь брать все что захочешь.

Зря он это сказал!

Когда я, нагруженная как верблюд, все-таки соизволила отправиться в сторону деревянных столов, Оуэн уже успел откровенно заскучать. Гастрономический рай его совершенно не волновал. А вот у меня наверняка горели глаза и губы то и дело расплывались в улыбке.

— Давай подсядем к Патрику, — предложил Оуэн. Я заметила, что он, вытянув голову, высматривает нам места. — От него вреда не будет.

Только сейчас я снова ощутила себя зверьком, выставленным в витрине зоомагазина: столь пристальное внимание и пугало, и раздражало. Возможно, кому-нибудь нравится быть в свете софитов, но не мне.

Мы опустились за стол, который уже занял долговязый парень в круглых очках и пиджаке на размер больше нужного. При нашем появлении парень растерянно заморгал. Взгляд за стеклами толстых очков стал незащищенным, как у ребенка.

— Привет, — коротко бросил Оуэн и добавил: — Это Ариана Роук, моя подруга.

Патрик быстро-быстро закивал и, испуганно отодвинувшись на край скамьи, выдавил:

— Очень рад знакомству, рина.

Оуэн промолчал, а я решила внести ясность.

— Нет, я не рина. Просто Ариана.

Я протянула руку, и Патрик потрясенно уставился на мои пальцы, словно понятия не имел, что с ними делать. Выждав несколько секунд, я сама пожала его ладонь.

— У нас первой парой ботаника, — заметил Оуэн, с неодобрением взиравший на мой обмен любезностями с Патриком. — Мэтр Райли терпеть не может опоздания, так что лучше поторопиться.

Я кивнула и пододвинула к себе поближе тосты с джемом, когда прямо над головой раздался чей-то мужской голос, звучавший вызывающе:

— А кто это тут у нас? Новенькая с первого курса? Рин Оуэн, не представите нас друг другу?

Оуэн недовольно посмотрел вверх и, помрачнев, как-то обреченно произнес:

— Рин Берч, думаю, вы не знакомы с моей однокурсницей Арианой Роук?

— Нет, но счастлив исправить это досадное упущение.

Я, укусив от тоста первый кусочек, счастливо зажмурилась. Видимо, рин Берч самодовольно принял это на свой счет, потому что на его пухлых губах расцвела победная улыбка. Он быстрым движением пригладил короткие каштановые волосы, на

макушке закручивавшиеся в жесткие кудряшки, и бесцеремонно толкнул Патрика в плечо. Тот подавился омлетом и, часто-часто моргая, быстро отодвинулся. Очки делали глаза Патрика еще больше и несчастнее, и я дернулась от укола жалости к нему. Даже божественный вкус тостов померк на фоне такого наглого вторжения в чужое личное пространство. И нет, это я сейчас не про себя.

— Ариана, я сражен вашей красотой. — Берч попытался перехватить мою руку — очевидно, для поцелуя, — но не преуспел в этом. Раздраженно цокнув языком, он предпринял новую попытку сближения. На этот раз словесную. — Кстати, вы...

Я искоса посмотрела на круглое, излучавшее довольство жизнью лицо Берча и, взяв со стола нож и вилку, меланхолично перебила его:

— Нет.

Тот, если и опешил, то ненадолго.

— Что «нет»? — не понял он. — Я не успел ничего спросить.

— На любой ваш вопрос ответ «нет», — любезно пояснила я, слишком рьяно орудуя ножом, разрезая бекон. — Избегая возможного недопонимания с вашей стороны, рин Берч...

— Для вас я просто Майкл, — быстро вставил новый знакомый.

Нож угрожающе скрипнул по тарелке. Настойчивый малый, такие обычно намеков не понимают. Ладно, придется сказать пожестче.

— Отлично, — покладисто согласилась я, — вы, просто Майкл, вызываете у меня раздражение одним своим видом, поэтому настойчиво попрошу вас отсечь за другой стол и не портить мне завтрак.

В наступившей тишине столовой раздавшийся смешок Оуэна прозвучал непозволительно громко. Подняв глаза от тарелки, я с удивлением заметила, что все разговоры смолкли. Взгляды были обращены в нашу сторону. Такой неприкрытый интерес обжигал не хуже жара растопленной печи. Среди множества чужих лиц мне в глаза бросилось одно, уже знакомое. Эйверли, в отличие от остальных студентов, не пялился на разворачивающееся перед ним зрелище. Вместо этого он сосредоточенно читал разложенную на столе газету. Рядом с ней стояла чашка чая, в которую он щипцами положил два куска сахара и вновь вернулся к газете, так и не удостоив меня вниманием.

Забавный тип. Мог бы просто помахать рукой. Я бы так и сделала.

Я отложила приборы в сторону, возвращаясь в реальность. Майкл раздул ноздри, явно взбешенный моим ответом. Я чуть отодвинулась, настороженно обдумывая, не переборщила ли с резкостью. Задеть мужское самолюбие какого-нибудь разбалованного богатого сыночка мне бы не хотелось. Хотя бы не в первый день!

— Значит, вот как? — Майкл гневно сверкнул ярко-синими глазами и, пока я прикидывала вероятность того, что меня убьют на глазах у столь почтенной публики, вскочил на ноги. Деревянная скамья подо мной опасно покачнулась, но упасть мне не позволили. — Тогда к чему тратить время на уговоры?

Сильная тяжелая рука Майкла подхватила меня, не дав рухнуть на пол. Я и глазом не успела моргнуть, как оказалась притянута к нему. Оуэн, успевший отскочить от перевернувшейся скамьи, ошалело взглянул сначала на меня, потом на Майкла и, засучив рукава, явно принялся творить какое-то заклинание. Судя по всему, дело это было небыстрое. Патрик, не обладавший ловкостью моего друга, оказался на мраморном полу и, трясая головой, дрожащей рукой старался нашарить слетевшие с него очки.

Хватило одного взгляда, которым я мазнула по столовой, чтобы понять: на помощь рассчитывать не стоит. Поведение Майкла явно не одобряли, но вступать в конфронтацию не собирались. Право сильнейшего? Или просто того, кто подсуетился первым? Боже, да какая разница!

Я вынырнула из суматошных мыслей вовремя. Майкл как раз склонился ко мне: то ли

чтобы поцеловать, то ли намереваясь придушить. Но все-таки скорее первое, чем второе. Наверное, что-то подобное имел в виду Оуэн, говоря о попытках меня скомпрометировать. Несмотря на абсурдность ситуации, я едва не рассмеялась. Уж в чем, а в скорости принятия решений Майклу не откажешь.

Пухлые губы почти коснулись моих, когда, вдруг округлившись, выдали сначала болезненный вскрик, а затем — череду приглушенных ругательств. Пользуясь моментом, я торопливо убрала коленку от мужского достоинства Майкла, но только ради того, чтобы приставить к его пульсирующей на шее вене нож. Тот самый, которым минутой ранее аккуратно разрезала бекон. Конечно, это не кинжал, но хоть что-то. Вот и навыки, обретенные в деревне, пригодились!

Оуэн за спиной наконец-то закончил заклинание. Передо мной промелькнули две искры, которые в воздухе сверкнули алым и вдруг превратились в наручники, защелкнувшиеся на запястьях Майкла. Под их тяжестью он охнул и был вынужден склониться над столом. Его синие глаза смотрели на меня из-под упавших на лоб кудряшек потрясенно и с непониманием.

Повисшая тишина была такой острой, что дотронься до нее — и порежешься осколками.

— Я надеюсь, мы с вами поняли друг друга, — медленно сказала я и положила на скатерть нож, который все еще сжимала в руке.

Не оглядываясь, на ватных ногах прошла мимо молчавших студентов, забывших об остывающих завтраках. Мельком я снова заметила Эйверли. Тот, делая глоток чая, невозмутимо скользил глазами по строчкам газеты. Его равнодушие заставило меня горделиво задрать подбородок. Способности к сопереживанию у него, очевидно, не больше, чем у табуретки! Ничего, я и сама справлюсь.

Когда к моим шагам добавились быстрые легкие шаги Оуэна, я мысленно выдохнула. Ладно, одна-то я, может, и справлюсь, но с помощью гораздо легче.

— Спасибо, — горячо выдохнула я, как только мы оказались за пределами столовой. — Без тебя я бы не выкрутилась.

Оуэн чуть дернул плечами, но по его лицу скользнула довольная улыбка. Узкие плечи будто бы стали шире, а сам парнишка выпятил щуплую грудь вперед.

— Не мог же я тебя бросить, — важно сказал он и тут же нахмурился. — Но с Майклом ты зря сцепилась. Он тот еще повеса и своего не упустит. А ты фактически помахала перед его носом красной тряпкой...

Я раздраженно дернула щекой и честно призналась:

— В мои планы это не входило.

Оуэн хотел что-то добавить, но его окликнули. Я, не ожидая ничего хорошего, обернулась.

К нам спешил высокий, стройный молодой мужчина. Вероятно, ровесник Арианы: на вид ему не больше девятнадцати. Я мысленно вздохнула. На момент смерти мне было двадцать семь лет, так что я ощущала себя довольно странно в теле младше моего реального возраста. В деревне это еще не так сильно ощущалось (я мало с кем общалась), но здесь это могло стать проблемой. Незнакомец приблизился, и у меня перехватило дыхание от его обаятельной улыбки — ее теплоту чуть притуплял задумчивый, осторожный взгляд янтарных глаз. Того самого, от которого сердце моего новоприобретенного тела учащенно забилося. Я непонимающе потрясла головой. Что происходит?

— Рин Оуэн, я хотел выразить восхищение вашим смелым поступком. Простите, что не вмешался и не помог вам.

— Все в порядке, — явно бахвалясь, ответил Оуэн и, спохватившись, добавил: — Рин Далтон, позвольте представить вам Ариану Роук.

Так, кажется, я покраснела. А судя по тому, как в висках застучали колокольчики, у

меня еще и пульс участился. Значит, вот какие типы нравились настоящей Ариане?

Я уже внимательнее посмотрела на Далтона. Дорогая одежда сапфирового оттенка выдавала в нем аристократа не меньше, чем благородные черты лица. На мой вкус, слишком утончен: мужественный профиль, красивые светлые волосы, стянутые сзади в низкий хвост, идеальная кожа без веснушек или хотя бы родинок — в общем, ни намека на изъян. С таким всерьез начнешь задумываться: оттопыривать мизинец, беря в руки фарфоровую чашку, или нет.

— Я счастлив познакомиться с вами, Ариана, — серьезно сказал Далтон. — Мне будет приятно, если вы станете называть меня просто Оливером.

Мысленно я хмыкнула: просто Майкл, просто Оливер... Но мои пальцы задрожали, когда их мимолетно коснулись теплые губы нового знакомого. Черт, да он же мне даже не нравится!

Кажется, у моей физической оболочки было на то собственное мнение. Я буквально замерла, во все глаза рассматривая Оливера, склонившегося к моей протянутой ладони. Вообще-то я рассчитывала на рукопожатие, а не на лобызание пальцев. Так, мозг, ты слышал меня?! Почему все подернулось розовой дымкой?

Клянусь, в ушах раздались драматичные аккорды, типичные для саундтреков голливудских мелодрам! Вот же черт!

Оливер наконец отпустил мою руку, и я отмерла. Ладно, глупое тело, дыши, хотя бы дыши...

— Позвольте выразить сожаление из-за поступка рина Берча. Его репутация говорит сама за себя, но в этот раз он перешел все мыслимые границы.

Оливер взглянул мне в глаза, вероятно, ожидая ответа, но, несмотря на сотни ироничных вариантов, крутившихся на языке, я не смогла выдать ни один. Меня будто парализовало. Оуэн за моей спиной демонстративно кашлянул. Наверное, хотел вернуть меня в реальность.

— Да, это было... несколько неожиданно, — наконец выдала я после долгой паузы и поморщилась.

Очень иронично. Очень сильно.

От этого типа лучше держаться подальше — рядом с ним я глупею. Такими темпами вылету из академии, прежде чем скажу «привет!» первой стипендии.

— Понимаю, — сочувственно кивнул Оливер и, смущенно замявшись, продолжил: — Сегодня вечером я устраиваю вечеринку — ничего особенного, просто небольшой праздник для своих. Если у вас будет возможность... — Он сделал паузу и снова улыбнулся своей лучезарной улыбкой, от которой у меня подкосились ноги и нервно дернулся глаз одновременно. Какая реакция принадлежала именно мне, догадаться несложно. — ...Приходите.

Он протянул мне визитку, по которой скользили огненные буквы, постоянно менявшие свое расположение. Под моим взглядом они замерли, выстроившись в четкую строку с номером комнаты и загадочным вензелем в конце.

— Это ключ, — пояснил Оливер и снова сверкнул белоснежными зубами. Прядка светлых волос упала ему на лоб, и я едва подавила желание ее убрать. Господи, ну можно мне новое тело? Это явно поломалось! — Приложите вензель к двери и... — Оливер смутился. — В общем, я пойму, если после случая с Майклом... с ринем Берчем, вы откажетесь. Но я все равно буду ждать.

— Я... — Не приду ни за что и никогда! — ...Подумаю.

Я едва не топнула ногой. Я хотела сказать совсем другое!

Ладно, могло быть хуже. Мне могло достаться тело старой слепой старухи. А со всплеском гормонов юной девицы я как-нибудь справлюсь. Наверное...

Я все еще дрожавшими пальцами сжала кончик протянутой визитки и так и застыла, не зная, куда ее деть.

Оуэн за спиной снова кашлянул. На этот раз укоризненно. Оливер, опомнившись, сделал шаг назад. Надеюсь, теперь мы больше не похожи на воркующую парочку.

— Рин Оуэн, вы, конечно, тоже приглашены. Буду счастлив видеть вас у себя сегодня.

Еще один небольшой картонный прямоугольник переключал из кармана пиджака Оливера в чужие руки — на этот к Оуэну, а не ко мне.

— Благодарю, рин Далтон, — явно кому-то подражая, с напускным равнодушием ответил Оуэн. — Я постараюсь пересмотреть свои планы.

Оливер, оторвавшись от изучения моего лица, кивнул и, мягко попрощавшись, исчез в коридоре, который уже заполнили студенты. Раздался звон колокола.

— Быстрее! — запаниковал Оуэн. — Мэтр Райли не терпит опозданий!

Он перешел на бег, и мне пришлось, подобрав юбку, последовать его примеру. Тяжелый портфель, который он закинул на плечо, бил его по спине, будто отмеряя каждый шаг.

— А кто он? — крикнула я, пытаясь нагнать Оуэна.

— Мэтр Райли? Преподаватель ботаники. И, поверь мне, ты не захочешь к нему опоздать.

Глава 7

У меня не было желания проверять правдивость его слов. В конце концов, он уже отучился здесь пару месяцев и знал местные порядки лучше меня.

— Я запомню. Но я имела в виду, кто такой этот Далтон?

Оуэн едва не врезался в открывшуюся внезапно дверь одной из аудиторий. Меняя траекторию на ходу, он обогнал резвого старичка с тростью и, обернувшись, бросил:

— Ну, если ты имеешь в виду его родословную и точную сумму состояния...

Я едва не цапнула парня за ворот пиджака, чтобы встряхнуть.

— Дурак, — я отгрызнулась сквозь зубы. — Замуж я не собираюсь.

Я расслышала полный облегчения выдох Оуэна.

— Это хорошо, а то мне бы не хотелось, чтобы ты стала женой человека, который мечтает о моей смерти. Хотя Оливер — неплохой вариант, и мне он нравится, но...

Я споткнулась и с трудом восстановила равновесие. Заметив это, Оуэн тоже притормозил.

— Вон та дверь! — Он ткнул в сторону ближайшей аудитории. — Уже немного!

Я оперлась руками на колени и, часто-часто дыша от быстрого бега, выдохнула:

— Почему он желает твоей смерти?

Оуэн вернулся и подал мне руку. Его взгляд суматошно метался по коридору.

— Мэтр Райли идет. Давай быстрее!

Я неохотно зашевелилась. Уже на пороге я снова спросила:

— Так почему?

Оуэн вздохнул.

— Я тут ни при чем. Просто мое рождение отобрало у него возможность возглавить род и стать наследником Лингов.

— Как такое возможно?

— У меня шесть старших сестер. Мои родители уже смирились, что после их смерти титул отойдет ближайшему родственнику мужского пола, но тут на свет появился я.

Вот как! Я промолчала, не зная, как прокомментировать эту ситуацию. В словах Оуэна звучало спокойствие — он просто констатировал факт.

Впрочем, продолжить тему нам все равно не дали. Едва я заняла место за деревянным столом, рассчитанным на одного, как дверь аудитории снова распахнулась. В большой просторный зал со столами-партами, между которыми были так часто расставлены большие горшки с растениями, что комната напоминала уголок джунглей, вошел высокий худой мужчина лет сорока. Его длинные рыжие волосы были гладко зачесаны в хвост. Расстегнутая на верхнюю пуговицу рубашка, выглядывавшая из-под серого костюма, оголяла тощую шею с видневшимся кадыком. Светлые глаза почти терялись на фоне белесых ресниц и бровей. Всем своим видом мужчина вызывал ассоциации с рыбой — холодной и невзрачной.

Разговоры тут же стихли. Оуэн, занявший место передо мной, быстро обернулся и одними губами прошептал «мэтр Райли». К сожалению, слух у преподавателя оказался по-звериному чуткий.

— Рин Оуэн, перестаньте переговариваться с вашей... хм... — Мэтр Райли сделал паузу,

словно раздумывая о моем статусе.

— Мы не вместе! — хором выпалили мы с Оуэном.

Наша попытка объясниться вызвала короткие смешки, прокатившиеся по залу.

Переглянувшись, мы предприняли вторую попытку. Снова в унисон.

— Ну, не то чтобы он не пытался... — начала я, опасаясь, что самолюбию мальчишки будет нанесен удар.

— У меня и в мыслях не было... — вторил он, видимо, тоже желая спасти мою репутацию.

Мы замолкли одновременно, лихорадочно ища компромисс. Под любопытными взглядами и насмешливыми перешептываниями сделать это оказалось непросто.

Я отчетливо ощутила, как в комнате душно и влажно: наверное, из-за обилия растений. Ворот белой рубашки буквально душил, и мне хотелось его ослабить, а еще лучше — снять корсет, давивший на ребра. Вместо этого я набрала в грудь побольше воздуха и выдохнула:

— Мы...

— Друзья, — закончил за меня Оуэн.

Он неуверенно обернулся, и я улыбнулась ему. Кажется, мы окончательно определились с нашими взаимоотношениями.

— Спасибо, что просветили всех нас, — с легким раздражением ответил мэтр Райли. — А теперь, если у вас не осталось тем для публичных признаний, мы начнем урок. — Он отвернулся к окну, но, спохватившись, взглянул на меня. — Ариана Роук, надеюсь, вы понимаете, что вам придется нагнать материал последних двух месяцев? Имейте в виду, что сделать это вам придется самостоятельно, у меня нет времени на индивидуальные занятия.

Сказано это было холодно и с легким отвращением, будто мэтру претила сама мысль то ли о репетиторстве в целом, то ли о репетиторстве именно со мной. Остается надеяться, что он все-таки не женоненавистник и не начнет цепляться ко мне.

— Конечно, мэтр Райли, — кивнула я. — Не волнуйтесь.

Тот едва заметно фыркнул, убедив меня в мысли, что с ботаникой все будет непросто, и скомандовал:

— Уберите учебники, сегодня у нас практическое занятие. В прошлый раз вы разбивались на пары, сегодня вам придется это повторить. Чтобы не терять время, мы не станем повторять жеребьевку. Вы помните, с кем работали на предыдущей практике?

Вопрос прозвучал риторически. Рука Оуэна взлетела вверх.

— Мэтр, я могу попросить о смене партнера для этой практической работы?

— Попросить, конечно, можете, но я не дам разрешения, — с неожиданной едкостью ответил мэтр Райли. — Вашей... подруге придется поработать самостоятельно.

Пожалуй, он все-таки женоненавистник. Ну или я напоминаю ему какую-нибудь стервозную бывшую пассию. То-то он так раздраженно сверкает рыбьими глазами! Ну ни дать ни взять клацающий челюстью окунь, возмнивший себя акулой.

Оуэн сник и посмотрел на меня с легким беспокойством. Я, совершенно не чувствуя той уверенности, что демонстрировала, подмигнула ему. Ладно, с этим я тоже справлюсь. На каждую рыбу найдется свой рыбак с динамитом.

— Кто остался без пары? — нетерпеливо спросил мэтр Райли, не подозревавший о моих хищных мыслях. — Рин Чапман?

Патрик неловко поправил съехавшие на нос очки. Его волосы были взъерошены, словно

он недавно зарывался в них пятерней.

— Мой сосед, рин Коулман, заболел, мэтр Райли, и...

— Понятно. — Тот даже не дослушал и махнул рукой. — Что ж, тогда вам придется встать в пару с Арианой Роук.

Придется. Клянусь, он выделил это слово интонацией. Я скрипнула зубами, сдерживая саркастичный комментарий. Озвучу его потом своему отражению. Ругаться с преподавателем я не стану.

Я повторяла это снова и снова, как мантру, пока не собрала учебники со стола и не под села к Патрику.

— Привет! — как можно беззаботнее бросила я. — Значит, сегодня работаем вместе?

Патрик яростно закивал и покрылся румянцем, как влюбленная школьница, воочию узревшая своего кумира. Я тяжело вздохнула: с Оуэном было бы проще. Впрочем, Патрик выглядит вполне безобидно.

— Итак, приступим. — Мэтр Райли хлопнул в ладоши, и, повинуясь его магии, шторы резко задернулись, погрузив комнату в темноту. Впрочем, ненадолго. Из шкафа у стены как пулеметная очередь вылетели свечи и, вспыхнув зелеными искрами, зависли между рядами. — Сегодня мы с вами изучим «Dens draco» или, как его называют в народе, Зуб Дракона.

В моем воображении уже возникла картина оскаленной драконьей пасти, из которой я, словно начинающий дантист, выковыриваю зуб, но, к моему удивлению, на парты опустилось длинное, напоминающее лиану растение с одиноким ярко-фиолетовым цветком. Сейчас его бутон был закрыт.

— Это очень опасное создание, появившееся в ходе магического эксперимента. Вышедшего из-под контроля, конечно. — Мэтр Райли сложил руки за спиной и принялся расхаживать по комнате, как генерал перед новобранцами. Я даже распрямила спину, искоса подглядывая то на него, то на цветок. — Его пыльца может ввести вас в состояние наркотического опьянения и обездвижить. Его стебель так прочен, что напоминает канат: порвать его затруднительно. Оказавшись в зарослях Драконьего Зуба, вы, вероятнее всего, погибните, поэтому запомните: обходите все болотистые низины стороной — именно там любит прятаться это коварное растение.

Я сглотнула. Я и без того собиралась избегать болот, а уж после этого замечания...

— Маги устраивают зачистки территорий, поглощенных Драконьим Зубом, так что в целом опасаться нечего. Но если вас все-таки занесло в рассадник этой дряни, запомните следующую формулу уничтожения.

Воздух задрожал от чужой магии. Сощурившись, я всмотрелась в проступившие на стене витиеватые руны. Вчерашнее чтение перед сном не прошло впустую: теперь я знала, что магия зиждилась на формулах, которые приходилось механически заучивать. Произносить вслух тарабарщину не было нужды: хватало вызвать в памяти нужное сочетание рун. Правда, одна ошибка в ее рисунке, и заклинание могло измениться до неузнаваемости. Наверное, поэтому маги часто вскидывали руки и шевелили пальцами: мысленно чертили руну, чтобы не опростоволоситься.

Ну а еще таким образом стягивали магию в одну точку, чтобы вдохнуть жизнь в формулу. Без дара знание формулы ничего не давало.

Мэтр Райли снова хлопнул в ладоши, и я, задумавшись, едва не подскочила на месте от неожиданности. Он что, дрессирует нас, как собак Павлова?

— С теорией мы закончили. Приступайте к практике. Ваша задача уничтожить подготовленный для вас образец.

Я с сочувствием посмотрела на и без того мертвый цветок. Какое-то глумление над трупом. Пришлось напомнить себе, что передо мной опасный образец флоры. Аргумент улетел в молоко.

— Если вы, Ариана, не п-п-против, — слегка заикаясь, предложил Патрик, — я постараюсь выполнить поставленную мэтром задачу. Или, — тут он забеспокоился, — вы сами хотите?

— Вообще-то я бы не отказалась попробовать, — призналась я.

Убивать растение я не желала, но мне было важно понять, насколько все плохо с уровнем моих сил. Оказалось, что хуже некуда.

Нет, проблемами с памятью я не страдала и легко мысленно повторила руну, но вот вдохнуть в нее магию было мне не по плечу. Я пробовала снова и снова, пока спина полностью не покрылась липким потом, но ничего не выходило.

— Ладно. — Я сглотнула. В горле пересохло. — Ваш черед, Патрик.

Тот кивнул, поправил очки на переносице и смешно взмахнул рукой. Тоже ничего.

— Я не очень силен в ботанике, — смущенно пробормотал он. — Сейчас еще раз попробую!

— Мэтр, я могу попросить о смене партнера для этой практической работы?

— Попросить, конечно, можете, но я не дам разрешения, — с неожиданной едкостью ответил мэтр Райли. — Вашей... подруге придется поработать самостоятельно.

Пожалуй, он все-таки женоненавистник. Ну или я напоминаю ему какую-нибудь стервозную бывшую пассию. То-то он так раздраженно сверкает рыбьими глазами! Ну ни дать ни взять клацающий челюстью окунь, возмнивший себя акулой.

Оуэн сник и посмотрел на меня с легким беспокойством. Я, совершенно не чувствуя той уверенности, что демонстрировала, подмигнула ему. Ладно, с этим я тоже справлюсь. На каждую рыбу найдется свой рыбак с динамитом.

— Кто остался без пары? — нетерпеливо спросил мэтр Райли, не подозревавший о моих хищных мыслях. — Рин Чапман?

Патрик неловко поправил съехавшие на нос очки. Его волосы были взъерошены, словно он недавно зарывался в них пятерней.

— Мой сосед, рин Коулман, заболел, мэтр Райли, и...

— Понятно. — Тот даже не дослушал и махнул рукой. — Что ж, тогда вам придется встать в пару с Арианой Роук.

Придется. Клянусь, он выделил это слово интонацией. Я скрипнула зубами, сдерживая саркастичный комментарий. Озвучу его потом своему отражению. Ругаться с преподавателем я не стану.

Я повторяла это снова и снова, как мантру, пока не собрала учебники со стола и не под села к Патрику.

— Привет! — как можно беззаботнее бросила я. — Значит, сегодня работаем вместе?

Патрик яростно закивал и покрылся румянцем, как влюбленная школьница, воочию узревшая своего кумира. Я тяжело вздохнула: с Оуэном было бы проще. Впрочем, Патрик выглядит вполне безобидно.

— Итак, приступим. — Мэтр Райли хлопнул в ладоши, и, повинуясь его магии, шторы резко задернулись, погрузив комнату в темноту. Впрочем, ненадолго. Из шкафа у стены как пулеметная очередь вылетели свечи и, вспыхнув зелеными искрами, зависли между рядами. — Сегодня мы с вами изучим «Dens draco» или, как его называют в народе, Зуб Дракона.

В моем воображении уже возникла картина оскаленной драконьей пасти, из которой я, словно начинающий дантист, выковыриваю зуб, но, к моему удивлению, на парты опустилось длинное, напоминающее лиану растение с одиноким ярко-фиолетовым цветком. Сейчас его бутон был закрыт.

— Это очень опасное создание, появившееся в ходе магического эксперимента. Вышедшего из-под контроля, конечно. — Мэтр Райли сложил руки за спиной и принялся расхаживать по комнате, как генерал перед новобранцами. Я даже распрямила спину, искоса подглядывая то на него, то на цветок. — Его пыльца может ввести вас в состояние наркотического опьянения и обездвижить. Его стебель так прочен, что напоминает канат: порвать его затруднительно. Оказавшись в зарослях Драконьего Зуба, вы, вероятнее всего, погибните, поэтому запомните: обходите все болотистые низины стороной — именно там любит прятаться это коварное растение.

Я сглотнула. Я и без того собиралась избегать болот, а уж после этого замечания...

— Маги устраивают зачистки территорий, поглощенных Драконьим Зубом, так что в целом опасаться нечего. Но если вас все-таки занесло в рассадник этой дряни, запомните следующую формулу уничтожения.

Воздух задрожал от чужой магии. Сощурившись, я всмотрелась в проступившие на стене витиеватые руны. Вчерашнее чтение перед сном не прошло впустую: теперь я знала, что магия зиждилась на формулах, которые приходилось механически заучивать. Произносить вслух тарабарщину не было нужды: хватало вызвать в памяти нужное сочетание рун. Правда, одна ошибка в ее рисунке, и заклинание могло измениться до неузнаваемости. Наверное, поэтому маги часто вскидывали руки и шевелили пальцами: мысленно чертили руны, чтобы не опростоволоситься.

Ну а еще таким образом стягивали магию в одну точку, чтобы вдохнуть жизнь в формулу. Без дара знание формулы ничего не давало.

Мэтр Райли снова хлопнул в ладоши, и я, задумавшись, едва не подскочила на месте от неожиданности. Он что, дрессирует нас, как собак Павлова?

— С теорией мы закончили. Приступайте к практике. Ваша задача уничтожить подготовленный для вас образец.

Я с сочувствием посмотрела на и без того мертвый цветок. Какое-то глумление над трупом. Пришлось напомнить себе, что передо мной опасный образец флоры. Аргумент улетел в молоко.

— Если вы, Ариана, не п-п-против, — слегка заикаясь, предложил Патрик, — я постараюсь выполнить поставленную мэтром задачу. Или, — тут он забеспокоился, — вы сами хотите?

— Вообще-то я бы не отказалась попробовать, — призналась я.

Убивать растение я не желала, но мне было важно понять, насколько все плохо с уровнем моих сил. Оказалось, что хуже некуда.

Нет, проблемами с памятью я не страдала и легко мысленно повторила руны, но вот вдохнуть в нее магию было мне не по плечу. Я пробовала снова и снова, пока спина полностью не покрылась липким потом, но ничего не выходило.

— Ладно. — Я сглотнула. В горле пересохло. — Ваш черед, Патрик.

Тот кивнул, поправил очки на переносице и смешно взмахнул рукой. Тоже ничего.

— Я не очень силен в ботанике, — смущенно пробормотал он. — Сейчас еще раз попробую!

Я сдержанно кивнула, краем глаза посматривая на остальных студентов. У многих возникла похожая проблема, но, кажется, ее причина была отличной от моей.

— Ботаника — это вам не боевые искусства, — едко прокомментировал мэтр Райли. — Здесь нужно слиться с природой воедино!

Кажется, если мне просто не хватало магического потенциала, то у кого-то он был просто заточен на другие вещи. Я поняла, почему студентов распределяли на разные специальности после третьего курса. Это делалось для того, чтобы обточить сильные стороны дара. Впрочем, могли бы не тянуть с этим до распределения. Думаю, все

очевидно уже сейчас.

— Давайте я вам помогу? — предложила я, выныривая из рассуждений. — Можно на «ты»?

— Да, конечно. — Патрик моргнул. — Буду счастлив.

Я не стала уточнять, к какому именно вопросу относился его ответ, и молча обошла стол, встав у Патрика за спиной. Моя рука подрагивала, когда я положила ее на его плечо. Я сделала глубокий успокаивающий вдох. Пришлось напомнить себе, что я — Проводник. В этом смысл моего дара — не творить самой, а усиливать чужой потенциал.

Стоило прикрыть глаза, как в руку толкнулась магия, — она была разлита повсюду. Теплая, беспокойная, как порывы ветра, она стремилась ко мне, и я позволила ей пройти через себя, чтобы вырваться из кончиков пальцев Патрика.

Вспышка огня заставила зажмуриться, а когда я открыла глаза, не сразу поняла, почему Патрик испуганно отпрыгнул, упал и пополз прятаться под стол.

— Что случи...

Вопрос застыл на губах. Прямо передо мной, разворачивая лианы, как змея кольца, поднимался Дракони́й Зуб. Он за считанные секунды сравнялся со мной ростом. Как только его бутон оказался напротив моего лица, фиолетовые лепестки затрепетали, обнажая хищную красную пасть.

Позади меня раздались испуганные крики и топот ног. Среди этой какофонии предупреждение мэтра Райли прозвучало на редкость драматично:

— Осторожно!

Я, громко выругавшись, метнулась влево. Талии коснулся длинный зеленый стебель и, прежде чем я успела запаниковать, соскользнул на пол. Я схватила с ближайшей парты толстый талмуд в кожаном переплете и обернулась, готовая защищаться. В голову запоздало пришли сразу две здравые мысли: во-первых, книга мало чем поможет в драке с хищным цветком, а во-вторых... кажется, тот вообще не хочет нападать.

Я, все еще выставляя перед собой книгу, как крест перед вампиром, осторожно огляделась. Судя по всему, в панику ударились не я одна. Студенты бросились врассыпную. Те, кто был поумнее, ломанулись к двери. Менее разумные товарищи кинулись к окнам. Небольшое количество смельчаков атаковали вышедший из-под контроля образец ботаники. Впрочем, не сказать, чтобы это у них получилось: увеличившийся во много раз цветок теперь подпирал лепестками свод потолка. Его длинный жесткий стебель ловко скручивал всякого, кто пытался к нему приблизиться. Воздух искрил от заклинаний, которые обрушивались на Дракони́й Зуб, но тот, несмотря на старания врагов, оставался цел и невредим.

— Чапман! — Вопль мэтра Райли раздался совсем рядом, заставив подпрыгнуть. — Какую руну ты использовал, идиот?

Патрик ненадолго высунулся из-под стола, за которым так удачно спрятался.

— Я н-н-не уверен, — прозаикался он. — Кажется, я допустил ошибку, мэтр...

— Твоя ошибка сейчас всех нас сожрет!

Не тратя больше время на разборки, мэтр Райли бросился вперед, на ходу делая сложные пассы руками. Искры, сорвавшиеся с его пальцев, черными угольками устремились к скалившемуся фиолетовому бутону. Они не причинили видимого вреда, но заставили растение в панике замедлиться. Его стебель, как кольца питона, придавил ближайших к нему студентов. Лепестки снова зашевелились, обнажая красное нутро. Это настолько походило на испуганный оскал загнанного в угол звереныша, что я потрясенно сделала шаг назад.

— Задержите дыхание! — закричал мэтр Райли. — Его пыльца опасна!

Словно в подтверждение его слов, ближайшие к цветку парни закатали глаза и принялись медленно оседать на пол.

По бледному лицу мэтра катился пот. Я видела, как вокруг него волнуется магическое поле, и понимала: ему не хватает сил. Вся его магия разбивается о толстую «шкуру» хищного цветка. Видимо, Патрик и правда сильно накосячил...

— Ариана, ко мне! — Мэтр Райли требовательно обернулся и протянул мне раскрытую руку. — Быстрее!

Он будто натягивал собачий поводок, но в ситуации царившего хаоса я не стала обижаться. Впрочем, почувствовать себя польщенной тоже не получилось. Почему-то в голову пришла ассоциация с зарядкой. Вот я именно такое прозаичное устройство, о котором можно вспоминать только в критичный момент.

В унисон моим мыслям раздраженно зарычал цветок: кто-то все-таки пробил его броню и задел стебель. Я заколебалась. В том, как вело себя растение, было что-то неправильное. Оно будто бы... лишь защищалось.

— Ариана! — нетерпеливо напомнил мэтр Райли.

Его прозрачные глаза сверкнули откровенным ужасом, когда я несмело протянула руку и мысленно позвала Драконию Зуб.

«Ты же ведь не желаешь нам зла, верно?»

К моему удивлению, цветок повернулся в мою сторону, а затем, уменьшившись в размерах, изворотливой змеей скользнул мне за спину. Там он и остался, подрагивая от пережитого страха.

Интересно, это второй или третий раз за сегодняшний день, когда меня обступает такая звенящая тишина?

— Отлично, значит, он признал вас хозяйкой, — медленно проговорил мэтр Райли.

Он все еще стоял в боевой стойке. Тонкие рыжие волосы, упавшие на лицо, придавали ему лихой вид пирата. Очень недовольного и раздосадованного пирата, которому не досталось ни рома, ни сокровищ.

Цветок за моей спиной завозился. Прохладные листья легли мне на плечи, словно прося о помощи.

— Мне кажется, он не стремится нас обидеть, — кашлянув, сказала я.

Мэтр Райли нервно хихикнул и, одернув топорщившийся пиджак, едко ответил:

— О, конечно же нет! Он просто хочет нас уничтожить.

В шею сзади ткнулся понурившийся бутон. У меня точь-в-точь так же делала кошка, когда искала защиты или ласки.

— Думаю, вы заблуждаетесь, — чуть более уверенно произнесла я.

Мэтр Райли прожег меня полным неодобрения и обещания скорой расплаты взглядом. Я сложила руки на груди, сама не понимая, зачем иду на конфликт с преподавателем. Как и в случае с Оуэном, я действовала инстинктивно. Просто что-то в душе подсказывало: так правильно.

Грохочущий перезвон колокола вернул меня в реальность. Кажется, не только меня. Ошалевшие одноклассники стали настороженно выглядывать из своих углов. Мэтр Райли раздул ноздри и, не глядя, бросил:

— Урок окончен. Все свободны... Кроме Арианы Роук и рина Чапмана.

Ну все, сейчас меня четвертуют. Хорошо хоть не публично!

Сжав кулаки, я мрачно наблюдала, как свидетели нашего с мэтром спора торопливо

выскакивают в коридор. Краем глаза заметила, что Оуэн замешкался, а затем жестами попытался мне что-то объяснить. Не добившись успеха, он тоже выскользнул за дверь, шепнув: «Не зли его!»

— Итак, что вы двое скажете в свое оправдание?

Патрик неловко отряхивал пиджак, пытаясь привести себя в приличный вид. Я молча смотрела в пол, не зная, что тут можно сказать. Вокруг моего запястья зеленым браслетом обернулся съежившийся до своих первоначальных размеров цветок. Он дрожал, как испуганный детеныш, и от этого становилось не по себе.

— Я ошибся, воспроизводя руны: перепутал рисунок смерти и жизни, — после паузы виновато проблеял Патрик. — Это полностью моя вина.

— Но почему-то в качестве хозяина растение выбрало не вас, — сварливо заметил мэтр.

Я рассеянно погладила зеленые листочки. И правда, почему оно послушалось меня?

— Ваша магия так слаба, что, выбирая между вами и Проводником, даже безмозглое растение выбрало второй вариант, — уже откровенно ядовито бросил Райли. — На вашем месте я бы всерьез обеспокоился. Не уверен, что вам по силам будет окончить академию.

С лица Патрика разом ушли все краски. Он ссутулился и отвел взгляд. В по-детски наивных глазах сверкнули слезы. Я прикусила язык, чтобы не вступить за него. Ладно, хватит всех жалеть! Такими темпами и правда вылечу из академии в первый же месяц учебы.

— А теперь вы, Ариана Роук. — Райли повернулся ко мне с неумолимостью танка, разворачивавшего пушечное дуло. — Я как истинный рин великодушно спишу ваше откровенное препирательство со мной на стресс. Женщины так легко ему поддаются! Но лишь на этот раз. Я не потерплю дерзости, ясно?

Я проглотила рвущееся с языка детское «сам ты реагируешь на стресс!» и мрачно кивнула.

«Стипендия, стипендия, стипендия», — как мантру твердила я про себя.

Райли заметно смягчился.

— Ну что ж, а теперь, когда мы все решили, вы должны понести наказание за свой проступок.

Я с опаской вскинула голову.

— Какое?

Райли пожал плечами и указал подбородком на зеленый браслет на моей руке.

— Уничтожить эту ошибку магического эксперимента.

«Ошибка магического эксперимента» зашипела, как дикая кошка. Фиолетовые лепестки бутона вновь явили красную ощеренную пасть. Патрик испуганно отскочил в сторону.

— И немедленно! — жестко добавил Райли.

Его слова заставили Патрика неловко замяться.

— Я... немного напутал с руной...

Белесые брови Райли сошлись в одну линию. Его голос сочился сарказмом.

— Поверьте, мы успели это заметить.

Патрик, и без того выглядевший потерянно, сделался еще более несчастным. Его глаза за толстыми линзами очков заморгали часто-часто.

— Кажется, я применил формулу защиты всего сущего, рин.

Райли судорожно сглотнул. На его лице застыло забавное выражение человека, перед которым радостно объявили: «свободная касса!», а затем резко захлопнули окошко.

— Вы... издеваетесь?!

Райли сорвался на крик. Я поморщилась, а вот цветок злорадно хихикнул. Клянусь, я расслышала тихий смешок, донесшийся с запястья. Интересно, насколько это растение разумно?

— Что это значит? — вежливо поинтересовалась я.

Райли прожег меня раздраженным взглядом. В мыслях он явно предавал Патрика долгой и мучительной смерти. А тут я со своими глупыми вопросами.

— Б-б-боюсь, — снова прозаикался Патрик, — я наделил представленный нам образец — случайно, конечно же! — определенной устойчивостью к уничтожающим заклинаниям.

Лицо Райли покрылось красными пятнами. Он с протяжным свистом выпустил воздух. У меня дома примерно так же шипел старенький закипающий на плите чайник. Я невольно сделала шаг назад. По-моему, со сдержанностью у преподавателя были проблемы. Он что, не сдавал тест на стрессоустойчивость, когда устраивался на работу в академию?

Так и хотелось съязвить в стиле «понабрали тут по объявлению...», но я мужественно держалась.

«Стипендия, стипендия, стипендия».

— Оставайтесь здесь, — рявкнул Райли. — Оба!

Патрик втянул голову в плечи, а я без всякого трепета посмотрела вслед удалявшемуся преподавателю. Хлопнула дверь. Я бросилась к окну.

— Давай, помоги мне! — скомандовала, пытаюсь открыть тяжелую створку.

Медная ручка не поддавалась, как я ни пыталась. Господи, какая же дохлячка эта Ариана! Нужно срочно откормить эту эльфийскую немощь до нормального состояния, иначе меня скоро начнет сдувать сквозняком.

— Что ты делаешь? — с удивлением спросил Патрик.

Я не успела ответить. Дверь снова открылась, и в проеме появилась сначала голова Оуэна, а затем и он сам. Заметив меня на подоконнике, он изменился в лице.

— Знаешь, однажды горничная моей сестры прыгнула из окна, и, поверь мне, есть более эстетичные способы самоубийства.

От неожиданности я повисла на чертовой медной ручке, отказывающейся поворачиваться. Однако какие неожиданные познания у этого мальчишки!

— Ты хочешь покончить с собой? — Патрик вскочил с места, но не решился направиться в мою сторону. Так и стоял, широко раскинув руки, будто в попытке обнять то ли меня, то ли этот бранный мир. — Мэтр Райли... он... может быть строг, но...

— Что я, по-вашему, совсем с головой не дружу? — искренне возмутилась я.

Патрик переглянулся с Оуэном.

— Ну, ты девушка, — откашлявшись, деликатно заметил тот. — А они несколько... эмоциональны.

Еще один намек на эмоциональность, и я точно кого-нибудь покусая! Чтобы оправдать столь завышенные ожидания.

Цветок на запястье одобрительно рыкнул и потерся о кожу бутоном, словно ластясь. Я

вспомнила, зачем вообще полезла на подоконник.

— Помогите мне открыть створки.

— Зачем? — с подозрением поинтересовался Оуэн.

При случае спрошу, откуда он столько знает о самоубийцах.

— Дракона впустим, — серьезно ответила я. — Чтобы он прилетел и забрал меня отсюда.

Патрик пожевал губами.

— Согласно статистике, драконы...

— Цветок выбросим в окно! — не выдержала я. — Скажем, что сбежал.

Я выставила вперед руку, на которой сверкал шелковистый зеленый браслет из лианы. Бутон на нем заинтересованно приподнялся, будто прислушиваясь.

Патрик и Оуэн застыли. Но если на лице первого проступил ужас, то второй явно задумался. Авантюрный дух неистребим, да.

— Мэтр Райли тебя убьет, — без капли трепета заметил Оуэн.

Я пожала плечами. Подумаешь, нашел чем пугать. Я уже умирала.

— Он не докажет, что я сделала это специально. А вы меня не выдадите.

Понятия не имею, откуда во мне появилась уверенность, что так и будет. Еще минуту назад я боялась спорить, чтобы не испортить отношения с преподавателем, от оценки которого зависело, получу я стипендию или нет, а теперь готова рискнуть. Да еще убеждена, что мне помогут. На Оуэна, допустим, и правда можно положиться: есть в нем что-то надежное. А вот с Патриком я познакомилась меньше часа назад.

— Ну ладно, — пробормотал Оуэн и двинулся ко мне.

Цветок вытянул бутон, будто присматриваясь, а затем обвил мое запястье стеблем, как веревкой.

— Эй, — возмутилась я и встряхнула руку. — Больно!

— Он не расстанется с тобой, — негромко проговорил Патрик, неожиданно переходя на «ты», и виновато отвел глаза. — Магические существа — на редкость верные создания. Если он выбрал тебя хозяйкой, ни за что не бросит.

— Откуда информация? — деловито спросил Оуэн, застывая на полпути ко мне.

— «Сущность магии», том третий, глава пятнадцать.

Я во все глаза уставилась сначала на смутившегося Патрика, добавившего что-то типа «я люблю читать», а затем — на поникший цветок.

— Ладно, — протянула я, — и что с этим делать?

Раздавшиеся за дверью шаги заставили Оуэна заметаться по кабинету в поисках укрытия. Тщетно. Райли вошел так быстро, что мальчишка успел только распахнуть дверцу шкафа, но не укрыться в нем.

— Рин Оуэн, — раздраженно бросил Райли. — Вы что тут делаете?

— Я...

— Протирает пыль в шкафу, — максимально невинно ответила я. — Это же не возбращается правилами академии?

Щека Райли дернулась. Он посмотрел на меня с подозрением. Видимо, уловил издевку.

У моей новой внешности был один ощутимый плюс — никто, глядя на меня, не

догадывался о степени моего цинизма.

— Сейчас не время для уборки, — спустя пару секунд процедил он, так и не найдя в моем лице намек на иронию. — И будущему наследнику Лингов не пристало этим заниматься.

Я мысленно хмыкнула. Слово «этим» Райли выделил интонацией, будто речь шла о чем-то крайне непристойном.

Оуэн коротко кивнул и бросил на меня выразительный взгляд. Мол, ври, но не завирайся. Ладно, в следующий раз солгу, что он наводил охранное заклинание. Не буду портить ему репутацию.

— Рин Оуэн, попрошу вас выйти, — уже спокойнее сказал Райли и, сделав шаг к учительскому столу, положил что-то на его крышку. — Ариана Роук, что вы делаете на окне?

Подозреваю, ответ «дышу свежим воздухом» его бы не устроил, поэтому я молча подошла ближе. К счастью, Райли уже забыл обо мне. Его взгляд переместился на черную лакированную шкатулку. Легкий срежет ключа в замке, и перед нами сверкнуло серебристое лезвие длинного кинжала. На его тонкой ручке сиял алый камень, похожий на запекшуюся кровь.

Рядом со мной Патрик потрясенно охнул.

— Мэтр Райли, это...

— Да, тот самый артефакт. Смерть в чистом виде, заключенная в форму кинжала, — неохотно пояснил он. — Мне пришлось взять его из хранилища под свою ответственность. Он точно справится с этим, — короткий кивок в сторону цветка, — недоразумением.

Листочки на браслете затряслись, а затем поникли. Я буквально кожей почувствовала чужое отчаяние. Никто не хочет умирать. Даже «ошибка эксперимента».

— Возьмите артефакт, рин Чапман, — мрачно потребовал Райли, и мне показалось, что он тоже не в восторге от происходящего. — Проткните бутон. Этого хватит.

Патрик неуверенно взялся за кинжал. Его руки так сильно дрожали, что лезвие с громким лязгающим звуком упало на мраморный пол и закатилось под учительский стол.

— Рин Чапман! Вы разочаровываете меня все сильнее!

Покрасневший Патрик выглянул из-под стола. Распрямившись, он неуверенно подошел ко мне. Я сглотнула. Его рука с занесенным кинжалом выглядела пугающе. Но еще сильнее меня пугала реакция на дрожащее на запястье растение. Нет, неужели я и правда готова это сделать? Вот же черт!

— Ариана, прикажите вашему питомцу отпустить вас и...

— Нет, — тихо, но пылко сказала я и спрятала руку на спину.

— Что «нет»? — с раздражением переспросил Райли, а мгновение спустя его зрачки чуть расширились. Видимо, он все-таки уловил смысл моих слов. — Вы в своем уме?!

— Послушайте, — набрав в грудь побольше воздуха, начала я. — Мне кажется, я смогу за ним присмотреть. Он не доставит проблем, правда.

В качестве подтверждения я подняла запястье и потрясла зеленым браслетом едва ли не перед самым носом Райли. Бутон чуть слышно зазвенел, словно тонкий серебряный колокольчик. Что ж, хорошо, что цветок не стал обнажать зубы. Все-таки он соображает, молодец!

— Он же не виноват в том, что мы ошиблись в руне, — горячо продолжила я и, вспомнив о своей новой внешности, попыталась воспользоваться неожиданным преимуществом.

Больно укусив себя за язык, я подождала, пока глаза увлажнятся, и посмотрела на задумавшегося преподавателя.

Тот, поймав мой взгляд, дернулся, как священник при виде курицы на столе в постный день, и с сомнением покосился на своенравное растение. То, словно понимая, что происходит, вело себя на редкость прилично. Вытянувшись по струнке, оно жалобно подрагивало, протягивая к Райли крошечные листочки. Кто-то явно вошел в образ бедной сиротки.

— Он опасен, — уже чуть менее уверенно сказал Райли.

— А если под мою ответственность? — деловито предложила я, резко выпадая из образа наивной трепетной дамы.

— Или под мою? — подал голос Оуэн.

— Я тоже могу присмотреть за ним, — робко заметил Патрик, но тут же поправился. — Или помочь тому, кто присмотрит...

Райли заколебался. Я решила идти напролом.

— Это же редкий образец необычного магического эксперимента! — с придыханием напомнила я. — Его изучение будет... — Я ненадолго сбилась, понятия не имея, что это может дать. — ...Весьма полезно для науки. И для магии.

Кажется, мне удалось нащупать нужную струнку души Райли. Во всяком случае тот заинтересованно приподнял бровь и посмотрел на цветок уже более дружелюбно.

— Я могу вести дневник, описывая любые изменения! — Я продолжала переть как танк. — Подумайте, вдруг это принесет вам славу?

Упс! Слишком грубо.

Райли перекосило. Он мгновенно выпрямился и одернул пиджак, словно стряхивая невидимую грязь.

— Личная слава, Ариана Роук, меня не интересует.

— Коне...

— А вот академии может действительно пригодиться такой... гм... необычный образец ботаники.

Я энергично закивала. Оуэн возле шкафа фыркнул.

— Возможно, мы даже получим гранд, — задумчиво продолжил Райли. Судя по его лицу, в мыслях он уже стоял на сцене и получал вариант «Оскара», принятый в научной среде. — Скажем, если я напишу на эту тему исследовательскую работу...

— Это было бы чудесно, — поддакнула я.

Райли вырвался из сладостных мечтаний, где он, очевидно, произносил прочувствованную речь перед толпой зрителей, и вернулся в реальность.

— Ладно, — решил он. — Можете оставить это магическое недоразумение себе.

Я с трудом подавила победную улыбку. Ура!

Цветок на моем запястье задержался, будто в танце, но под взглядом Райли тут же притворился обычным браслетом. Правда я успела заметить, как его листья буквально на мгновение сложились в весьма неприличный жест, и закашляла, вновь привлекая к себе внимание.

— Рин Чапман, верните кинжал в шкатулку, — строго сказал ни о чем не догадавшийся Райли.

Патрик торопливо выполнил его просьбу. Кажется, ему было очень некомфортно от

нахождения рядом с таким смертоносным оружием. Забавный парень. Ему, наверное, не просто в этой академии, полной амбициозных и решительных студентов.

— Итак, вы можете быть свободны. — Голос Райли снова стал сух, как треснувшая по осени голая ветка. — Разговор с рином Абрамсом я возьму на себя.

Я выдохнула с облегчением: часто навещать кабинет ректора не входило в мои планы. Чем меньше я буду привлекать внимания, тем лучше.

Уже за порогом аудитории Патрик устало пробормотал:

— Рин Райли оказался очень добр. Я думал, он не простит меня.

Я скептически хмыкнула. Скорее преподаватель ботаники тщеславен, но, взглянув в чистые и наивные глаза Патрика, я героически промолчала. Ладно, не буду отбирать веру в чудо у ребенка. Интересно, сколько ему лет? Выглядит так щедедушно, что на вид ему едва исполнилось семнадцать.

— Нам придется поторопиться, — деловито заметил Оуэн, сверяясь с расписанием в записной книжке. Судя по его спокойному виду, он уже и думать забыл о Райли. Мне импонировало такое умение отряхиваться и идти дальше. — У нас уже начался урок боевых искусств.

Он ускорил шаг, и я сделала то же самое. Патрик, не отставая, следовал позади, но голоса не подавал. То ли не хотел навязываться, то ли просто стеснялся.

— А чему там учат? — на ходу спросила я.

— Сражаться! — отрывисто бросил Оуэн, снова петляя в коридорах с шустростью уходящего от погони зайца. — Как ты его назовешь?

— Кого? — не поняла я, едва успев увернуться от шедшей навстречу компании галдящих студентов.

Такими темпами скоро я смогу сдавать кросс по пересечению местности с препятствиями.

— Зуб Дракона.

Я чуть замедлилась и с неожиданной нежностью провела кончиком пальца по листьям цветка. Тот мгновенно откликнулся, чуть увеличившись в размерах, и боднул меня бутоном, словно неумело ластясь.

— Плющик, — вдруг вырвалось у меня. — Назову его Плющиком.

Оуэн едва не поскользнулся на мраморном полу.

— Почему именно так?

— Он милый, как плюшевый зайка, — пояснила я и улыбнулась.

Патрик за спиной зашелся странным кашлем, а Оуэн закатил глаза. Так и не произнесенное «ох уж эти женщины!» повисло в воздухе.

Глава 8

Урок боевых искусств проходил в поле. Ну ладно-ладно, на тренировочном поле, но легче от этого не становилось. Огромная территория, засаженная зеленым газоном, была изрезана полосой препятствий. Где-то вдалеке я рассмотрела темную жижу, имитирующую болото, и меня нервно передернуло. Воспоминания о драке с крокодилами было еще слишком свежо в памяти. Запрокинув голову, я рассмотрела небольшое магическое волнение в воздухе. Прищурившись, я поняла, что над нами висит защитный купол. В месте сцепки заклинаний можно было рассмотреть игру света, напоминающую золотую паутину — тонкую и изящную.

Преподаватель боевых искусств — мэтр Ларкинз — поспешно вводил нас в курс дела.

— Сегодня вы должны сдать норматив. К сожалению, вся ваша группа уже начала забег по полосе препятствий, поэтому вам придется подождать. Как только они закончат, я выпущу вас на поле.

Ларкинз, несмотря на возраст, отличался молоджавостью. Его спортивное подтянутое тело находилось в постоянном движении. Вот и разговаривая с нами, он то подносил бинокль к глазам, стараясь рассмотреть происходящее на поле, то заинтересованно вытягивал шею, а то и вовсе принимался щелкать пальцами, подыскивая нужное слово. Несмотря на суетливость, мне он понравился. В Ларкинзе не чувствовалось желания уязвить. На меня он едва взглянул и не отвесил ни одного комментария насчет моего дара. Лишь между делом заметил, что мне придется сдать несколько нормативов, чтобы нагнать пропущенное. Наше опоздание не стало мишенью его шуток. Он, услышав объяснение, только отмахнулся и велел нам готовиться.

Патрик и Оуэн скрылись в раздевалке и вскоре вернулись в кожаных брюках и рубашках свободного кроя. Я с запозданием поняла, что, кажется, у меня проблемы.

— Мэтр Ларкинз, я могу сдать норматив в другой раз? Я не взяла с собой сменную одежду.

Да, а еще мысль перемахнуть через вон тот высоченный забор и перелететь через магический костер вызывает у меня легкую панику. В своем мире я любила спорт. Я даже занималась боксом! Но я вовсе не была уверена, что мое новое тело готово к таким нагрузкам. Я с сомнением посмотрела на свои тонкие руки. Пожалуй, по канату мне тоже не вскарабкаться.

Ларкинз поднес к губам рупор и рявкнул:

— Рин Орроу, я все вижу! Штрафные баллы за использование магии!

Он убрал рупор и наморщил лоб.

— А чем плоха та юбка, что на вас?

Я непонимающе покачала головой.

— Но... я же не могу проходить полосу препятствий в юбке.

— А в чем вы собрались ее проходить? В брюках?

Он беззлобно хохотнул, но под моим мрачным взглядом растерянно пожал плечами.

— Девушки всегда занимаются в юбках, — пояснил он и снова крикнул кому-то на поле: — Рин Уилки, вы не в карточном доме! Здесь нужно сражаться, а не подмигивать дамам! Тем более что Ариане Роук все равно не видно вас отсюда. У нее, в отличие от меня, нет с собой бинокля!

Какой-то парень замер на крутящейся платформе, а затем с воплем улетел вниз.

— Вот видите! Я же говорю, не отвлекайтесь!

Я не смогла посочувствовать несчастному парню, потерявшему равновесие. Слишком была озабочена своей судьбой. Как, черт возьми, я должна осилить эту полосу

препятствий в юбке по щиколотку?!

Спасение пришло оттуда, откуда не ждали.

Рядом взметнулся вихрь портала. Из него шагнул смутно знакомый мужчина. Кажется, я видела его в приемной ректора.

— Рин Чапман, Ариана Роук, — требовательно сказал он. — Вас ждут. Идите за мной.

Мы с Патриком переглянулись. Плющик, обвивавший мою руку, испуганно дернулся. Неужели Райли не смог договориться с ректором?

— А в чем дело? — несколько грубо спросила я.

Мысленно я уже продумывала аргументы в защиту Плющика, когда секретарь (наверное, это был он) мрачно ответил:

— Пропал важный артефакт. Рин Эйверли велел доставить вас в кабинет ректора.

— Ариана Роук, верно? Рад с вами познакомиться. Присаживайтесь, пожалуйста.

Я метнула на незнакомца быстрый оценивающий взгляд из-под полуопущенных ресниц и нарочно чуть замешкалась, расправляя юбку. Выигранная пара дополнительных секунд молчания позволила мне не только выровнять дыхание, но и осмотреться.

В кабинете нас было пятеро: я, ректор, двое мужчин в форме и Эйверли, притаившийся в кресле в углу. Хорошо, что в этот раз его внимание не оттягивала газета! Впрочем, на невысоком столике, придвинутом к креслу, виднелся тоненький томик в кожаном переплете. В моем мире с той же небрежностью на столешницы бросали сотовые телефоны, чтобы в случае затянувшегося разговора иметь возможность уткнуться в экран.

— И я счастлива быть вам представленной, рин?..

— Вы можете называть меня Хопером. А это, — короткий кивок в сторону, — мой помощник — Лебстер.

Я настороженно поздоровалась. Патрика попросили подождать за дверью, и мне было немного неуютно от приватности беседы, в которой меня попросили поучаствовать, — деликатно, но весьма настойчиво. Возможно, даже разбойник с большой дороги с меньшим апломбом советует поделиться честно нажитым добром, чем brave офицеры полиции, решившие втянуть тебя в диалог. А в том, что передо мной именно представители закона, я не сомневалась. Многолетний опыт в журналистских расследованиях научил меня распознавать этих опасных пташек еще на подлете.

К счастью, в этом случае им была нужна всего лишь информация.

— Расскажите о том, что случилось в классе мэтра Райли.

Я покосилась на мрачного ректора, протиравшего вспотевший лоб носовым платком. Интересно, какой артефакт пропал? Судя по вопросу...

— Отвечайте честно, Ариана, — нервно попросил ректор и обмахнулся платком. — Ничего не утаивайте.

Мне не понравилась такая постановка вопроса. В ней звучала завуалированная убежденность в том, что я в чем-то виновата.

— Весь класс разбился на пары. Каждой достался образец Зуба Дракона. Мэтр Райли потребовал, чтобы мы уничтожили его.

— У вас получилось это сделать? — резко поинтересовался Хопер.

Я мазнула взглядом по кабинету и заметила, как Эйверли поморщился, — едва различимое проявление эмоций. Если бы не горевший над его головой торшер, я бы и вовсе его пропустила. Так-так-так! Кажется, не мне одной не нравится Хопер — тощая палка со стылым взглядом и рубцами на впалых щеках. К слову, а что здесь забыл

Эйверли? Если вспомнить слова секретаря, нас с Патриком вызвал именно он, а не Хопер.

Тихий щелчок пальцев Эйверли, и свеча в торшере потухла. Что ж, справедливо. Я слишком нагло паялилась. Он не мог не заметить.

— К сожалению, нет, — ответила я, вновь концентрируя внимание на Хопере. Его помощник что-то торопливо записывал. — Моих сил на это не хватило.

— Вот как?

— Ариана — Проводник, — вмешался ректор. — Редкий дар, но почти полностью бесполезный для своего обладателя.

Я подавила желание развести руками. В свете охоты, открывшейся на меня, я бы предпочла обладать более практичной магией. Например, умение метать огненные шары мне бы точно пригодилось.

— Понятно-понятно, — чуть рассерженно откликнулся Хопер. То ли расстроился, что его перебили, то ли просто был не в настроении. — Что случилось дальше?

Офицер Лебстер перестал делать записи и вскинул голову, как опытная секретарша, готовая стенографировать. Остро заточенный карандаш в его руке чуть подрагивал от волнения.

— Дальше? — задумчиво переспросила я, оттягивая время. Интуиция говорила не играть с огнем, но врожденное любопытство не давало покоя. — Даже не знаю. Вроде ничего интересного. Во всяком случае ничего настолько увлекательного, ради чего можно было бы вызывать полицию. Вы же из полиции, верно?

Лебстер на автомате кивнул и тут же испуганно замер. Его взгляд метнулся к Эйверли. Занятно. Значит, вот кто здесь главный? Тогда почему допрос ведет Хопер?

— Верно, — все так же недружелюбно проговорил тот. — Вас это смущает?

Я выдала одну из своих лучших улыбок — отработанную перед зеркалом как раз на случай общения с чиновниками и прочими малоприятными людьми. Правда, все это было в прошлой жизни. В буквальном смысле.

— Ни в коей мере, — солгала я.

Хопер придвинулся ко мне и мрачно скрестил руки на груди.

— Почему мне кажется, что вы кривите душой?

Я рассмотрела потертую цепочку часов, торчавшую из его нагрудного кармана, и мысленно закатила глаза. Хопер выбрал самую банальную тактику — игру в плохого полицейского.

— Вы ошибаетесь, — спокойно ответила я.

Плющик, до этого не подававший признаков жизни, вдруг заерзал. Его бутон воинственно приподнялся.

— Давайте не будем отвлекаться? — слабым голосом предложил ректор и поднес к ноздрям флакончик с нюхательной солью. — Боги, как же все это не вовремя...

Если это попытка изобразить хорошего копа, то провальная. Кто-нибудь, дайте этим двоим методичку по психологии!

— Простите, рин Абрамс, — сухо проговорил Хопер и снова обернулся ко мне. — Нам сообщили, что с вашей помощью рин Чапман оживил Зуб Дракона.

— Вас не обманули. Все так и было.

На худом лице Хопера промелькнула довольная улыбка.

— Значит, именно ваша магия стала причиной того, что мэтру Райли пришлось спуститься в хранилище и взять важный артефакт?

Все-таки кинжал. Не то, чтобы я сомневалась, но хотелось услышать эту новость из уст полицейского.

Из угла с торшером раздалось едва слышное предупредительное покашливание. Вот только вряд ли оно было обращено ко мне, скорее к Хоперу. Тот вздрогнул, быстро моргнул и нервным движением поправил ворот рубашки.

Кажется, он опасается Эйверли. Интересно почему?

В памяти всплыл момент нашего знакомства, и я была вынуждена признать, что Эйверли и правда окружен некой опасной атмосферой тайны, известной лишь ему.

— Не совсем, — мягко ответила я. — Я лишь усилила дар рина Чапмана.

— Вы были слишком щедры, — вставил ректор с нотками неодобрения.

Ну да, легче обвинить во всем меня, чем любого из благородных ринов.

Я решила предпринять еще одну попытку.

— Не думаю, что...

— Не темните! — рявкнул Хопер.

От его крика я подпрыгнула на месте — слишком неожиданно и грубо это прозвучало. Краем уха я уловила разочарованный вздох и шелест страниц. Эйверли что, в самом деле решил почитать? Сейчас?!

Хопер вдруг наклонился ко мне и положил руки на подлокотники, тем самым отрезав все пути отступления.

— Вы и Чапман — одни из последних, кто видел артефакт. После этого мэтр Райли в сопровождении рина Абрамса спустился в хранилище и вернул кинжал на место.

Хопер говорил с таким жаром, что капельки его слюны долетели до моей щеки.

Я уже открыла рот, чтобы доказать абсурдность таких обвинений, как Плющик, внезапно увеличившийся в размерах, поднялся и распахнул алую, пестрящую острыми зубами пасть.

Хопер отпрыгнул. Фиолетовые лепестки сомкнулись в паре миллиметров от его острого носа.

— Плющик, фу!

— Кто вам разрешил оставить результат магической ошибки себе?

«Результат магической ошибки» рыкнул. Хопер побледнел.

— Ну... вообще-то я, — кашлянув, вступился за меня ректор. — Этот образец очень важен для академии, и Ариана любезно пообещала присмотреть за ним.

Ага, значит, Райли все-таки подсуетился.

Из угла вновь раздался шелест страниц. Я почти не удивилась, увидев в руках Эйверли книгу.

— Итак, Ариана, — после паузы сказал Хопер. В его голосе прибавилось вежливости. — Давайте вернемся к началу. Расскажите еще раз, как проходил урок мэтра Райли...

Я вздохнула и пальцем погладила Плющика, заставив того заурчать и вновь прикинуться браслетом. Разговор свернул на безопасную колею.

— Рин Эйверли! Подождите!

Я оторвалась от подоконника, на котором провела последние полчаса. Конечно, был риск, что тот, кто меня интересовал, уйдет порталом, но я понадеялась на удачу. Как оказалось, не зря.

— Да?

Эйверли неохотно остановился. Взгляд метнулся к книге, зажатой у него под мышкой. Судя по закладке, за время допроса Патрика и мэтра Райли он успел прочесть ее до середины.

— Меня в чем-то подозревают?

Он перекинул портфель из одной руки в другую и чуть пожал плечами.

— Детектив Хопер считает, что ваше появление в академии подозрительно совпадало с моментом исчезновения артефакта.

— А вы?

Я спросила в лоб, и, судя по тонкой улыбке, в которой едва дрогнули губы Эйверли, он оценил мою прямоту.

— А я считаю, что вы похожи на стальную пружину. Давить на вас нельзя. В остальном я не уверен.

Я едва не задохнулась от возмущения. Пользуясь заминкой, Эйверли, прощаясь, приподнял шляпу и принялся спускаться по лестнице. Я бросилась к перилам.

— Минуточку! — крикнула я. — Вы же не думаете, как этот идиот Хопер?

Эйверли так резко вскинул голову, что его шляпа едва не улетела на мраморный пол.

— Такое предположение меня оскорбляет, — серьезно ответил он. — Детектив Хопер, всего хорошего.

Я, похолодев, обернулась. За спиной обнаружился покрывшийся красными пятнами Хопер.

— До свидания, детектив, — выдавила я и ломанулась вниз по ступеням.

За считанные мгновения я нагнала Эйверли и, к его неудовольствию, пошла рядом.

— И почему расследует дело именно он? — настойчиво спросила я.

— Детектив Хопер — один из немногих, кто не подвластен магическому влиянию. В случае, когда имеешь дело с магами, воздействующими на разум, это важное и едва ли не основное условие.

Я ошарашенно моргнула. До этого момента я ассоциировала магию с огненными шарами и буйством стихии. Но ведь наверняка здесь есть и те, кто работает с более тонкими материями — с чужими умами.

— Понятно, — пробормотала я. — А вы, значит, контролируете, как проходит расследование?

— Возможно.

— Простите, а на каком основании?

Эйверли, до этого момента шагавший быстро и размашисто, со вздохом остановился.

— Прошу прощения, дальше я отправлюсь порталом. Всего хорошего, Ари...

— Но вы же не думаете, что я в этом замешана?

Я не могу вылететь из академии! И ладно бы повод был уважительный, а то ложное обвинение в краже какого-то ножа!

Эйверли уже очертил круг, и тот приглашающе вспыхнул черневшей пустотой.

— Я ничего не думаю.

— Неправда!

Он вступил в портал и, перед тем как исчезнуть, бросил:

— У меня слишком мало информации, чтобы делать какие-то выводы.

Я еще пару мгновений пялилась в то место, где он стоял. Плющик, почувствовавший мое волнение, приподнялся. Я шикнула на него, и он улегся обратно.

Эйверли был прав: нам нужна информация. Без нее ничего не прояснится.

— Вот ты где! — пропыхтел Оуэн, поднимавшийся по лестнице. — Вся академия бурлит!

— Да?

— Угу, столько сплетен и дурацких предположений я последний раз слышал разве что на вечеринке у Генри в том месяце!

Сплетни... Это то, что мне нужно!

Рука потянулась к визитке, покоившейся в кармане юбки.

— У тебя есть планы на вечер? — бросила я.

— А что?

— Сходишь со мной на вечеринку к Оливеру?

Оуэн обреченно застонал.

Глава 9

— А кем работает Эйверли?

Звук наших с Оуэном шагов гулким эхом разлетался по пустому длинному коридору западной башни. Вообще-то мужское общежитие размещалось в основном здании, но вечеринка должна была пройти в более тихом месте.

— Он глава Тайной Канцелярии. — Оуэн остановился и с прищуром посмотрел на визитку в своей ладони. — Кажется, мы пришли.

Я с сомнением перевела взгляд с округлого окна, за которым сизыми тенями играла ночная темнота, на прямоугольник с пляшущими буквами. Внезапно он рассыпался, и дорожка черного пепла ушлой змейкой устремилась к одной из мрачных дверей. Та со скрипом приоткрылась.

Происходящее настолько напомнило мне кадр из ужастика, что я невольно оглянулась в поисках маньяка, притаившегося за углом. Увы, кроме нас с Оуэном, в коридоре с гуляющим по нему сквозняком никого не было.

— А чем занимается Тайная Канцелярия? — спросила я и поправила юбку.

Подобающего случаю платья у меня не нашлось (откуда бы ему взяться?), поэтому я осталась в том же, что надела утром. Судя по взгляду Оуэна, он не одобрял мой выбор, но и сам щеголял в темно-зеленом пиджаке и брюках. Впрочем, отсутствие нормальной одежды волновало его куда больше, чем меня. Он то и дело одергивал рубашку и что-то бурчал себе под нос.

— Ну, Тайная Канцелярия занимается всяким таким... разным, — туманно выдал он.

— А поподробнее?

— Заговоры, интриги, преступления против короны... Полиция не может потребовать обыска в доме рина, но для Тайной Канцелярии открыты все двери.

— Прямо как эта. — Я указала на дверь, из-за которой доносилась музыка.

Оуэн кивнул и прислушался.

— О, они достали кристалл с музыкой Вифрама!

— Это хорошо? — уточнила я.

— Я люблю Вифрама. — Лицо Оуэна осветила улыбка, но ненадолго. Он коснулся ручки и, перешагнув порог, шепотом добавил: — Забыл сказать. Про Эйверли ходят неприятные слухи, будто бы он самолично допрашивает преступников в королевских пыточных.

Я, перешагнув порог вслед за Оуэном, едва не споткнулась на ровном месте. Действительно, какой малозначительный факт биографии!

— И это правда?

Оуэн замялся.

— Нет, не думаю.

— Не думаешь или точно знаешь, что нет?

Наш увлекательный разговор прервал мелодичный перезвон. Я подняла голову. На двери висела гроздь серебряных колокольчиков. Я успела лишь мельком оценить обстановку прихожей, извещающую о достатке ее владельца, как к нам вышел Оливер.

— Ариана, вы все-таки навели меня! Рад вас видеть, рин Оуэн.

Последнее он добавил поспешно, словно спохватившись. Я отметила это той частью

мозга, которую не затянула розовая дымка с ароматом ванили.

— Мой вечер оказался свободен, — несколько напыщенно ответил Оуэн.

— Чудесно! — Оливер снова пустил в ход запрещенное оружие — свою ослепительную улыбку. Я невольно вцепилась в плечо Оуэна. В ногах появилась подозрительная слабость. — Прошу, проходите! Я сейчас вас представлю.

Он чуть поклонился и предложил мне раскрытую ладонь.

— Ты чего? — драматичным шепотом спросил Оуэн и поморщился. — Больно же! Отпусти.

— Ничего, — сквозь зубы сказала я и вымученно улыбнулась Оливеру, принимая его руку. — Благодарю вас.

Его ладонь оказалась сухой и теплой. И все равно этого явно недостаточно, чтобы вызвать такое томление внизу живота. Алло, тело, ты вообще меня слышишь?

— Вино или шампанское?

Что-нибудь прочищающее мозги, пожалуйста.

— Ариана?

Оливер обернулся и посмотрел на меня с легким беспокойством. Сердце учащенно забилось. Гормоны затянули на манер цыганочки: «За него я выйду замуж, хоть родная мать убей!»

Господи! Похоже, мне поможет только пуля в висок...

— М-м-м...

Оливер, устав ждать моего ответа, подхватил с подноса бокал с шампанским.

— Я угадал? — мягко спросил он.

Вообще-то нет, но язык все равно меня не слушался. Я с мрачной улыбкой кивнула и взяла фужер. Кажется, эта болезнь под названием влюбленность прогрессирует. В прошлый раз все было не так плохо.

Мы миновали еще одну проходную и вышли в огромную комнату, уставленную невысокими креслами и резными диванчиками. Свет канделябров и роскошной хрустальной люстры, свисавшей с потолка, отражался в многочисленных зеркалах и начищенных до блеска медных безделушках на камине. В углу я рассмотрела шкатулку со сверкающим камнем-артефактом. Именно из нее лилась задорная музыка, понравившаяся Оуэну.

— Друзья, у нас гости, — повысив голос, сказал Оливер и, смотря только на меня, добавил: — Попрошу вас не смущать их. Хотя бы не сразу!

Громкий добродушный смех стал ему ответом, и я настороженно перевела взгляд с Оливера на гостиную. В затуманенной голове немного прояснилось, когда я не без ужаса поняла, что под «только своими», которых пригласили на вечеринку, Оливер подразумевал едва ли не половину курса. Серьезно, я насчитала человек тридцать. И это только в одной комнате! Судя по распахнутым дверям, ведущим в проходные, в этих хорах могло затеряться еще немало людей.

Мы с Оуэном переглянулись. Кажется, он тоже не ожидал оказаться в центре такого всеобщего внимания.

— Пойдемте. — Оливер деликатно потянул меня за собой. — Я вас со всеми познакомлю.

Я выдохнула. Ладно, я же пришла сюда за сплетнями, верно? Вряд ли я их услышу, если буду подпирать стену.

— Ариана, позвольте вам представить...

Имена посыпались на меня одно за другим. Я не успевала их запоминать. До меня с некоторым опозданием дошло, что обычно я выуживала информацию, не будучи под таким ярким светом софитов. Я словно выступала на сцене, где за каждым моим шагом следили зрители. Немного успокаивало присутствие Оуэна, но его вскоре окликнули и утащили к небольшой компании, азартно режущейся в покер.

Уходя, он неуверенно оглянулся. Я кивнула, одними губами шепнув:

— Развлекайся.

И правда, нельзя же злоупотреблять добротой мальчишки. Он мне не нянька.

— Чудесный браслет, — льстиво заметил один из моих новых знакомых. Его сиреневый пиджак выделялся даже на фоне того буйства цвета, что я заметила в нарядах других гостей. — Вам очень идет. Оригинально.

Я прикоснулась к Плющику, обвинявшему мое запястье. Он успешно притворялся ветошью, но, кажется, был настороже. Что ж, значит, я все-таки не совсем беззащитна.

— Спасибо, — ответила я. Рука Оливера, лежавшая поверх моего локтя, обжигала не хуже открытого огня, но я постаралась сконцентрироваться на деле. — Слышали ужасную новость? — доверительно спросила я и, дождавшись, когда лица троих ближайших парней заинтересованно приблизятся, добавила: — Пропал артефакт!

— Говорят, вы приложили к этому руку, — сделав глоток вина, ответил мне парень с каким-то банальным именем: не то Генри, не то Ларри.

Я героически переждала негромкие смешки и даже сама улыбнулась в ответ.

— Не верьте слухам. Они всегда привирают, — отозвалась я.

— Значит, это не из-за вас мэтр Райли бегал к лекарю за сердечными каплями?

Я неопределенно дернула плечом, скрывая досаду. Со мной откровенно флиртовали, и, кажется, если я хочу что-то узнать, придется принять правила игры.

Боже! Да я же не умею кокетничать. Всегда была прямой, как стрела!

— Не смущайте Ариану, — напомнил Оливер и, помахав кому-то, извинился: — Простите, я на минутку. — Он склонился к моему уху, обдав мочку горячим дыханием. — Я рядом. Если что — кричите.

Его забота заставила сердце забиться чаще. Провожая спину Оливера взглядом, я невольно отметила, что его поведение и внешность идеально соответствуют образу рыцаря из дамских романов. Все бы ничего, но на их героиню — трепетную и наивную деву — я не тянула. Даже если тело думает иначе.

Я вернулась к разговору. К нашей компании все время подходили новые люди, так что я имела возможность ненавязчиво переводить беседу в нужное мне русло и обзаводиться все большим количеством информаторов. Вот только ничего полезного вывести так и не удалось: только пустые сплетни о Райли, которого недолюбливали в академии. Раздосадованная, я нашла взглядом Оуэна. Тот увлеченно играл в карты, и я решила не портить ему удовольствие. Присмотрев дверь, ведущую на балкон, я отговорила головной болью. Мне был нужен небольшой перерыв.

Полупрозрачная штора развевалась на ночном ветру. После жарко натопленной гостиной уличная прохлада заставляла ежиться. С бархата темного неба загадочно сияли жемчужные звезды. Я поставила на высокие мраморные перила фужер с шампанским, к которому так и не притронулась. Пальцы отбили раздраженную дробь по тонкой хрустальной ножке.

Такими темпами я ничего не узнаю. И никакой опыт журналистики не поможет!

— Вот же черт!

Я выругалась, но легче не стало. Задумавшись, я слишком поздно заметила, как по

шторе скользнула тень.

— О, кого я вижу! Ариана Роук! Кажется, я удачно зашел.

Я узнала его по голосу, но, вскинув голову, все равно мысленно застонала. Передо мной, едва покачиваясь на ногах, стоял Майкл Берч. И зловещая улыбка на его лице не предвещала ничего хорошего.

Глава 10

— Советую не приближаться ко мне, — предупредила я, вжимаясь в перила спиной.

Взгляд метнулся к выходу. Если осторожно обойти Майкла и...

— А то что? — развязно спросил он. — Закричишь?

Я поморщилась — до меня долетел сильный запах алкоголя. Майкл и правда был так пьян, что едва ворочал языком. Впрочем, это не помешало ему развести руками и, пародируя злого и страшного волка, который в поросятах знает толк, двинуться мне навстречу. Ладно, довольно-таки странного волка, перебравшего с вином.

Я не без сочувствия посмотрела на Майкла, запнувшегося ботинком о собственную штанину.

— Упс! — прокомментировал он и быстро вернул себя в вертикальное положение. — Я в порядке, можешь не волноваться.

Я фыркнула. Паника отступила. В таком состоянии Майкл не представлял угрозы. Ни для кого, а уж для меня (я легонько шикнула на завозившегося Плющика) — тем более.

— Тебе бы в кровать, — спокойно заметила я. — И поставить на тумбочку банку с рассолом. Утром от головной боли полезешь на стенку.

Майкл дотронулся до макушки и поморщился. На секунду мне показалось, что с него будто спала маска, а затем он все испортил, резко бросив:

— Ну так что, будешь кричать и звать на помощь?

Он преодолел последние пару шагов, разделявшие нас, и нетвердой рукой вцепился в мое плечо. Возможно, со стороны это выглядело как нападение, но, по мне, больше походило на попытку удержаться на ногах.

— Я просто отвратительна в роли девы в беде, — честно призналась я. — Надеюсь, ты не обидишься, если я не стану кричать.

Майкл на мгновение растерялся, а затем, с трудом сфокусировав на мне взгляд, с любопытством спросил:

— Тогда что будешь делать?

Я словно оказалась в гротескной комедии. Вот он — мой враг и возможный насильник — стоит совсем рядом, и вокруг — ни души. Ну, вообще-то людей полно, но они все за шторой, как будто по ту сторону галактики. По всем правилам жанра мне стоило забиться в истерику, а Майклу — воспользоваться неожиданным преимуществом и попытаться меня скомпрометировать тем способом, который подсказала бы ему совесть. Но вместо этого мы зависли, как актеры, получившие неудачный сценарий и вынужденные подчиниться фантазии сценариста.

— Зависит от тебя. — Я пожала плечами. — Будешь приставать — скажу «фас!» Плющику.

Майкл снова удивил меня. Он заколебался, словно хотел что-то спросить. Я видела тень сомнения в его глазах, а затем он мотнул головой и грубо притянул меня к себе.

Так, кажется, мы это уже проходили...

— Выходи за меня! — жарко прошептал он, обдав меня крепким алкогольным запахом.

А, нет, это не дежавю! Такого точно еще не было.

Его рука легла мне на грудь, а затем тут же сползла на талию. Я невольно поразились этому жесту смущения. Мне казалось, Майкл более... гм... распутен.

Два события произошли одновременно: на балкон, словно рыцарь в сияющих доспехах,

выскочил Оливер, и потерявший терпение Плющик раздулся, как голодная кобра. Он завис над головой моего незадачливого ухажера дамокловым мечом.

— Твою ж!.. — выдохнул Майкл, ошалело взирая снизу вверх на моего питомца, раззявившего алую пасть. — Ик!

Наверное, так и излечиваются от алкогольной зависимости. Решено, если не найду интересную подработку в академии, буду давать объявление в местные газеты: «Излечу мужа от зеленого змия. Недорого. Качественно. Навсегда».

Оливер не сразу сориентировался в ситуации, поэтому с его губ по инерции сорвалось:

— Отойди от нее, Берч! — И лишь мгновение спустя: — Боги, что это?!

Плющик кровожадно рыкнул. Фиолетовые лепестки устремились к Майклу. Тот заорал и, дернувшись в сторону, споткнулся и упал.

— Эй, убери эту гадину! — потребовал он, совсем не героически отползая по-пластунски.

— Парни, знакомьтесь, это Плющик. Плющик — это парни. Они слишком много выпили, поэтому есть их нельзя — еще отравишься.

Цветок явно считал иначе. По-моему, он получал кайф от того ужаса, что вызывал. Его длинный стебель, похожий на лиану, обвил ногу Майкла и подтянул к бутону. Клянусь, тот щелкал зубами, явно красуясь! Боже, вокруг меня одни дети...

— Очень мило, — пробормотал Оливер, стремительно бледнея. — Ариана, а можно его как-то утихомирить?

— Майкла?

— Я и так спокоен! — заорал тот. Его нервный тон противоречил словам. — Уберите это от меня!

— Его зовут Плющик, — напомнила я и решила, что демонстрацию своих сил можно сворачивать. — Иди сюда.

Плющик разочарованно клацнул зубами в последний раз и неохотно уменьшился до своих обычных размеров, вновь притворившись браслетом. Я подняла голову и поняла, что к окну прилипла добрая половина гостей Оливера. М-да, неловко как-то вышло. Непонятно, кто и кого скомпрометировал.

— Так, мне нужно выпить, — глубокомысленно сказал Майк и, покачиваясь, встал на ноги. Проходя мимо Оливера, он постучал того по плечу. — Удачи, приятель!

Что-то в его тоне мне не понравилось: слишком покровительственно и по-дружески это прозвучало. Видимо, это уловила не только я. Оливер метнул в Майкла раздраженный взгляд, но промолчал. Я насторожилась. Возможно, все это время я ставила не на ту лошадь? Или, что вернее в моей ситуации, не на того волка?

— Ариана, простите меня за этот инцидент. — Оливер сделал пару широких шагов и оказался рядом. — Я отвлекся всего на несколько минут, и... Я не знал, что Берч здесь. Думал, он уже давно ушел.

От слов Оливера у меня в буквальном смысле все поплыло перед глазами. Его голос ласкал слух, и я с трудом уловила смысл фразы. Ах да, он извиняется! Ему жаль. Боже, какой он милый...

Господи, мозг, очнись!

— Ничего страшного, — с трудом разлепив губы, вымолвила я. — Право, в этом нет вашей вины.

Я сделала глубокий вдох, надеясь, что приток кислорода заставит мозг соображать быстрее, но куда там...

— Мне нет прощения, — повинился Оливер, и краем сознания я отметила, насколько

театрально прозвучало его признание. — Я не смог защитить вас.

— Это потому что я и сама могу за себя постоять, — пробормотала я, огромным усилием воли возвращая себе способность говорить связно. — Не волнуйтесь, все в порядке.

Интуиция кричала, что мне стоит убежать с балкона, оказаться подальше от Оливера, но тело словно приросло к полу. Все, о чем я могла думать, — о заволаживающей теплоте янтарных глаз моего собеседника. Это больше не напоминало влюбленность, скорее...

— Если я как-то могу искупить свою вину... — негромко сказал Оливер, и я с запозданием поняла, что его губы находятся слишком близко от моих. Как это произошло?! — Я готов сделать все, что вы скажете.

Тогда отойди от меня!

К сожалению, я не смогла произнести этого вслух.

— Мне ничего не нужно, — тоже почему-то шепотом.

Наверняка со стороны это выглядело романтично: ночь, полная луна, увитый зеленью балкон и двое молодых людей, несмело вглядывающихся в лица друг друга. Вот только внутри меня нарастала такая паника, которую я не испытывала с Майклом. Да даже крокодил на том проклятом болоте не вызывал у меня и доли той тревоги, что сейчас накрыла с головой.

Я встряхнула рукой, но Плющик, видимо, тоже убаюканный голосом Оливера и разнеженный атмосферой этой сцены, сонно завозился и тут же затих. Я сглотнула. Кажется, в этот раз он мне не поможет. Да и потом, на меня же не нападают, верно?

Как в замедленной съемке я увидела, что Оливер прикрыл глаза и качнулся губами ко мне. Тело потянулось навстречу, но, видимо, паника все-таки разбудила мозг, потому что я сумела отпрыгнуть в сторону и выставить раскрытые ладони — так себе преграда, но в этот раз рядом не лежала ничья книга. Нужно будет взять пример с Эйверли и везде таскать свою.

— П-п-простите, — заикаясь на манер Патрика, пробормотала я. — Мне нужно... знаете...

— Ариана? — В голосе Оливера неприкрытое удивление смешалось с волнением. — Все хорошо?

— Мне нужно... в уборную! — наконец выдавила я и, взметнув юбки, ломанулась с балкона, будто тот вот-вот рухнет.

В гостиной первым делом я попыталась найти глазами Оуэна — тщетно. Мальчишка как сквозь землю провалился. Мысленно выругавшись, я нырнула в проходную, но перепутала коридор. Вместо одной двери передо мной протянулся целый ряд.

— Ариана!

Окрик Оливера раздался совсем рядом. Заметавшись, как заяц в поисках норки, я дернула за ближайшую медную ручку и ввалилась внутрь. Тяжело дыша, будто после погони, я торопливо прикрыла дверь и спиной прислонилась к ее косяку.

И только тут встретила с удивленным взглядом Эйверли.

— Что вы здесь делаете? — вырвалось у меня.

Он приподнял бровь и вежливо поинтересовался:

— А на что похоже?

Я огляделась. От моего внимания не укрылась заправленная односпальная кровать, на которую Эйверли забрался с ногами, и небольшая бархатная шкатулка в его руках.

— Вы либо ждете подружку, либо готовите покушение, — после паузы выдала я.

Он усмехнулся.

— Интересное предположение.

Я подождала еще немного, но продолжения не последовало. Вместо этого мой неразговорчивый собеседник уткнулся в шкатулку и что-то в ней подкрутил.

Чувствуя себя неловко, я прошлась по комнате. Не приметив для себя ничего интересного, уже хотела попрощаться и выйти, как дверная ручка угрожающе дернулась.

— Ариана, вы здесь?

Вопрос Оливера прозвучал требовательно, и я заметалась в поисках укрытия. Эйверли, все так же не отрываясь от шкатулки, взмахнул рукой. На двери вспыхнуло охранное заклинание. Оливер еще немного подергал ручку, но, не добившись успеха, пошел дальше по коридору. Я выдохнула с облегчением и обессиленно упала в ближайшее кресло.

— Спасибо.

— Это не для вас, — рассеянно ответил Эйверли. — Столкновение с ним не входило в мои планы.

Я фыркнула.

— А со мной, значит, входило?

— Я не исключал такой возможности.

Заинтригованная, я пару минут молчала, а затем не выдержала и подошла ближе.

— Что вы делаете?

Подозреваю, нависать вот так над чужой головой попросту нетактично, но мне было все равно. Кроме того, складывалось впечатление, что Эйверли едва обращает внимание на мое присутствие. Не больше, чем на кошку или собаку.

— Не уверен, что вам следует это знать.

— Ой, да бросьте! — Я плюхнулась рядом и придвинулась поближе к шкатулке. Эйверли даже не шелохнулся. — Вы бы выставили меня вон, если бы было нужно. Раз оттягиваете этот момент, значит, ничего важного я все равно не узнаю.

По его губам промелькнула тонкая улыбка.

— С вами приятно иметь дело.

— Мне это уже говорили, — похвасталась я и кивнула на шкатулку: — Так что там?

Он открыл крышку, и я увидела прозрачный камень, излучавший приглушенный синий свет. От камня исходило магическое волнение.

Артефакт — поняла я.

— Подслушивающее устройство, — спокойно ответил Эйверли. — Вечеринка — лучшее место для сбора информации.

Я постаралась не показать своего восторга: подслушивающие устройства, засады... Все как в моей прошлой жизни!

— Да, я тоже так раньше думала, — с грустью сказала я, выныривая из воспоминаний.

— А, понятно, — протянул он. — Первые разочарования?

— Да, все как вы и предсказывали.

Он дотронулся до артефакта, активизируя его, и искренне отозвался:

— Не припомню такого.

— Ну как же, — удивилась я. — Вы же извинились передо мной тогда, в деревне. Сказали, что академия — вовсе не выигрышный лотерейный билет.

— Не думаю, что я выразился именно так. И я уж точно не извинялся.

— То есть вам вовсе не жаль?

Я задала вопрос деловито, без всякой обиды. Мне и правда было любопытно, что на уме у Эйверли. Таких необычных типов я еще не встречала. Атмосфера тайны и загадки, окружавшая его, больше не пугала. Она лишь разжигала профессиональный интерес журналиста. Руки чесались взять диктофон и провести с Эйверли интервью.

— Боюсь, не в той мере, в какой бы вам хотелось.

Сидя на краю постели, я уперлась локтями в коленки и положила подбородок на сцепленные в замок пальцы.

— Вам ведь было нужно, чтобы Дэкси тогда уехал, верно?

Эйверли так выразительно взглянул на меня, что я тут же подняла руки.

— Ладно-ладно, я поняла: молчу.

— Не верю своему счастью, — пробормотал он.

Мы оба затихли. Из шкатулки раздался треск, шипение, а затем донеслись абсолютно незнакомые мужские голоса:

— Говорят, эта девчонка сумела оживить Драконий Зуб.

— Не верю!

— Да, этот болван Чапман напутал с руной и — вуаля! — едва не отправил на тот свет свою группу.

— Придурок!

— Да, вроде Райли вовремя среагировал и всех спас.

Я громко фыркнула, но тут же опасливо прикрыла рот рукой. Вдруг артефакт работает в обе стороны и нас с Эйверли тоже будет слышно? Судя по безмятежному спокойствию моего соседа, я ошиблась.

— А почему Драконий Зуб доверили девчонке?

— Пожалели. Она так ревела...

Тут я уже гневно засопела. Очень хотелось выйти, хлопнув дверью, и разыскать парней, чтобы рассказать им правдивую версию событий.

— А что с тем артефактом?

Судя по паузе, парни закурили и затянулись.

— Да боги его знают! Эйверли носом землю роет.

— О, ну этот найдет.

— Да, скоро в пыточной прибавится работы.

Раздался негромкий смех, и Эйверли вновь потянулся к шкатулке. Его пальцы сделали неуловимое движение, будто переключили волну.

— Неужто кинжал пропал?

— Сам не верю! Кому он нужен?

— Его даже на черном рынке не продашь.

На этот раз в беседе участвовало трое. Я наострила ушки, но снова не услышала ничего интересного: все те же сплетни о Райли и обо мне. О Патрике говорили мало и с презрением, как о вещи, недостойной упоминания.

Где-то на шестом или седьмом разговоре Эйверли разочарованно дернул щекой и захлопнул шкатулку.

— На сегодня достаточно, — сказал он, будто речь шла об уроке. — Мне пора, и вам тоже.

Я с опаской покосилась на дверь. Вряд ли там поджидает Оливер, но вдруг? Эх, найти бы Оуэна...

— Слушайте, а может быть, проводите меня? — не то предложила, не то попросила я и поморщилась.

Чувствовать себя беззащитной было в диковинку.

Он ненадолго застыл, словно застигнутый врасплох, а затем небрежно подхватил висевший на спинке стула пиджак.

— Простите, у меня дела.

— Понимаю.

Мне удалось скрыть разочарование. В конце концов, никто мне ничего не должен.

Я осторожно подкралась к двери и прислушалась. Эйверли накинул пиджак и после паузы поинтересовался:

— Хотите совет?

Я обернулась и пожала плечами:

— Вы же в любом случае его дадите.

Он хмыкнул.

— Верно. Тогда не буду тянуть: присмотритесь к рину Берчу.

— К Майклу?! — поразила я и с подозрением уставилась на Эйверли. — Это шутка?

— Если я пошучу, то скажу вам об этом, — галантно заметил он и продолжил: — Брак с ним не доставит вам хлопот.

— Вы серьезно, — резюмировала я.

Мне удалось избежать обвиняющих ноток. Успех!

— Его дедушка в случае свадьбы обещал неплохое денежное довольство молодоженам. А рин Абрамс будет так счастлив, что без проблем выдаст вам диплом с отличием. Поверьте, это будет выгодная сделка.

Я скривилась. И этот туда же! Считает, что мне нужно найти жениха и продать себя подороже.

— Я не привыкла решать проблемы с помощью мужчин, — холодно проговорила я.

— Это заметно, — с едва уловимой иронией протянул Эйверли.

Наши взгляды скрестились на злосчастной двери, на которой вспыхнула охранный руна.

Крыть было нечем, поэтому я молча дернула за ручку и выскользнула в коридор. Уже там Эйверли поймал меня за локоть и всунул что-то в ладонь. Я с недоумением рассмотрела небольшую брошь в виде черной птицы, расправившей крылья.

— Простите, мне чужого не надо, — торопливо сказала я и попыталась вернуть безделушку владельцу.

Только странных подарков мне и не хватало!

— Возьмите на время, — туманно посоветовал Эйверли. — Пригодится.

С этими словами он исчез в дверях проходной. Я еще немного постояла на месте, крутя в пальцах брошь, а затем прицепила ее к блузке и отправилась на поиски Оуэна.

Глава 11

— Пятьдесят пять, пятьдесят шесть, пятьдесят семь! — Оуэн бросил на стол последнее письмо в плотном желтом конверте. — Итого пятьдесят семь судебных исков.

— Всего за неделю учебы, — мрачно сказала я и с ожесточением впила вилкой в ломтик бекона на тарелке. — Это рекорд!

Патрик, сидевший по правую руку, негромко кашлянул.

— Вообще-то нет. В книге «История суда» говорилось, что...

Оуэн укоризненно покосился на него и покачал головой, намекая, что сейчас не время для лекции. Я же так привыкла к Патрику и его статистическо-историческим ремаркам, что даже не обратила внимания на эти слова. Сама не знаю, как именно к нам с Оуэном прибилась этот чудаковатый парень в очках и мешковатых костюмах, но его присутствие стало чем-то привычным. В какой-то момент я даже поймала себя на мысли, что называю его другом. Молчаливый, но деликатный Патрик вызывал у меня смешанные чувства, среди которых доминировало желание защитить. Видимо, я страдаю комплексом спасителя, раз испытываю желание позаботиться о тех, кто слабее меня.

С запястья раздалось сытое урчание Плющика. В пасти этого безобидного с виду цветка только что исчезла целая куриная ножка. Он категорически отказывался от воды, но не имел ничего против мяса. Милое мне растение досталось, что ни говори!

— Почти в каждом письме есть приписка, что обвинитель с удовольствием откажется от своих претензий в случае...

— Если я выйду за него замуж? — догадливо предположила я и отодвинула тарелку.

Аппетит пропал. Даже чудесные ароматы, витавшие в столовой, больше на меня не действовали. Плющик воспользовался моментом и торопливо утянул вниз остатки бекона. Раздалось довольное чавканье.

— Да, — подтвердил Оуэн и принялся складывать разбросанные по столу конверты в стопку. Ему на глаза попало распечатанное письмо. — О, а рина Фрайя ты тоже успела обидеть?

— Угу, — буркнула я, скрестив руки на груди. — В тот момент, когда он, сломав заклинание защиты, пролез ночью в мое окно.

— А! — с пониманием протянул Оуэн. — Тогда понятно, почему он упомянул душевную и...

— Плющик укусил его лишь разок. Ну, может два. Кто же знал, что это нанесет ему...

— ...и физическую травму, — закончил Оуэн и со вздохом отложил письмо в сторону. — Ладно, все равно его претензия не переплюнет иск Орроу.

Я скрипнула зубами. Орроу выдвинул смехотворное по моим меркам обвинение в том, что я нарушила его покой. Понятия не имею, что он имел в виду под этой расплывчатой формулировкой.

— Тебе будут нужны деньги на адвоката, — сказал Оуэн и растерянно взлохматил рыжие волосы. — Много денег... Я могу одолжить у отца. Когда он немного отойдет.

— У меня нет сбережений, — вклинился Патрик, — но, возможно, я смогу попросить немного у бабушки.

— Спасибо, — искренне поблагодарила я, — но это не решение проблемы.

Мы замолчали. Я прошлась взглядом по столовой. В обеденный час она была полна студентов. Мельком я подумала, что среди них снова нет Эйверли. С той злосчастной вечеринки у Оливера (я до сих пор не могла простить, что Оуэна там мало того, что уволок играть в карты, так еще и напоили!) мы виделись лишь в коридорах академии и на общих лекциях. В столовой я не встречала его ни разу. Кажется, он не особо жаловал

изыски местного повара. В любом случае тот раз, когда я видела его с чашкой чая за обеденным столом, так и остался единственным.

Я бы посчитала, что тогда он зашел в столовую исключительно ради меня, но завышенное самомнение не входило в список моих пороков. Эйверли если и проявлял ко мне интерес, то чисто деловой. Даже состоявшийся на вечеринке у Оливера разговор был тому подтверждением. Я понимала, почему Эйверли подпустил меня к подслушивающему артефакту. Уж точно не чтобы сделать мне приятное! Он хотел посмотреть на мою реакцию и проверить свои догадки. Узнать бы, к чему он в итоге пришел...

Кинжал так и не нашли. Полиция чуть сбавила обороты, но не оставляла надежду вычислить преступника. Меня еще два раза вызывали на допрос, в ходе которого нам с Патриком и Райли устроили очную ставку, но пользы делу это не принесло.

— А если я не буду отвечать на иски? — все еще думая о своем, спросила я.

— Тогда тебя автоматически признают виновной и обяжут выплатить материальную компенсацию.

— А если...

— Долговая тюрьма, — не дожидаясь окончания вопроса, ответил Оуэн.

Я тяжело вздохнула. Патрик сочувственно взглянул на меня и поправил сползшие на нос очки.

— Замужество могло бы помочь, — тихо заметил он.

— Ну да, мне не пришлось бы одалживать у вас денег, — фыркнула я. — Взяла бы их из кошелька мужа.

Оуэн, уловивший мысль Патрика, мотнул головой.

— Нет, дело не в этом. Муж отвечает за жену перед законом. Таким образом, эти иски будут перенаправлены ему. Конечно, если те, кто их подавал, не аннулируют претензии, едва услышав о твоём замужестве.

Я кисло посмотрела на гору писем. У меня не было и капли сомнений в том, что наличие мужа и правда бы решило эту проблему: никому не захочется бодаться в суде с мужиком. Это же не хрупкая беззащитная девушка! Никакого интереса, право слово.

— Я не выйду замуж! Это моя принципиальная позиция, — жестко сказала я и обвела взглядом столовую. — К тому же все равно не за кого.

Оуэн выразительно покосился на толпу студентов в углу. Судя по ухмылкам и изредка долетавшим фразам, они обсуждали меня. Из центра зала Майкл салютовал чашкой кофе. Подходить ближе после знакомства с Плющиком он опасался, но продолжал по мере возможности оказывать знаки внимания.

— Этих в расчет не берем, — отрезала я и придвинула к себе успевший остыть чай.

Оуэн пожал плечами, а Патрик несмело, так тихо, что я едва расслышала, проговорил:

— Если нужно... Вы всегда можете рассчитывать на мою помощь.

Я не без удивления взглянула на покрывшегося румянцем Патрика. Он выглядел смущенным, глаза за толстыми линзами смотрели куда угодно, но не на меня. Почему-то выражение его лица вызвало ассоциации с Жанной Д'Арк, входящей на костер, — такая же смесь ужаса, решительности и преклонения перед судьбой.

Пожалуй, его и правда можно считать другом.

— Я не самый лучший вариант, но...

Я нашла его лежавшую на столе ладонь и горячо ее сжала.

— Спасибо, но не стоит. Я справлюсь.

В столовой на мгновение повисла тишина, и я настороженно вскинула голову, пытаюсь понять, что послужило тому причиной. Ответ не пришлось искать долго: взгляд тут же зацепился за незнакомые лица. И они принадлежали девушкам!

Распахнув глаза, я пару мгновений молча наблюдала за тем, как мои соседки (так ни разу не открывшие мне дверь!) берут подносы и, не перебросившись ни словом, расходятся в разные стороны. Для полноты картины не хватало секунданта, отсчитывавшего шаги.

Я вскочила с места.

— Ты куда? — удивился Оуэн.

— Скоро вернусь, — пообещала я.

— Только не опаздывай на артефактику! — крикнул он мне в спину. — У нас общий доклад!

Я поморщилась. Артефактика давалась мне сложно, как и большинство предметов. Тяжело учиться в магической академии, когда дара у тебя кот наплакал.

Не обращая внимания на перешептывания, я чеканным шагом приблизилась к одной из девушек — симпатичной брюнетке с оливковой кожей и карими глазами.

— Привет! — бросила я. — Можно тебя на минуточку?

Та окинула меня холодным, полным высокомерия взглядом и неохотно проговорила:

— Не думаю, что в этом есть смысл. Я...

— Отлично! — Я решительно ухватила ее за рукав и потащила к другой девушке.

— Что ты делаешь? — зашипела она. — Люди смотрят!

Я промолчала, а вот Плющик многозначительно попрос и будто бы невзначай продемонстрировал зубы. Неприветливая соседка тут же притихла.

Вторую девушку — зеленоглазую красотку с роскошной гривой рыжих волос — я цапнула за локоток уже без всяких словесных прелюдий. Под любопытными мужскими взглядами мы заняли пустовавший столик в углу.

— Сумасшедшая! — процедила брюнетка.

— Вообще-то меня зовут Ариана. А вас?

Рыжая хотела было дернуться в сторону, но, взглянув на зевнувшего Плющика, осталась на месте.

— Гвен, — смиренно представилась она.

— Оливия, — после паузы откликнулась вторая.

Я не успела порадоваться тому, что мы обошлись без титулов и фамилий, как Оливия, придвинувшись ко мне, бросила:

— Ты ставишь себя в неловкое положение, но это твое право. Причем здесь мы?

Гвен кивнула. Ее лучистые карие глаза смотрели настороженно, но с интересом. Враждебности, в отличие от Оливии, в ней не чувствовалось.

— Простите за столь странное начало знакомства, — проговорила я и сцепила руки в замок. — Я много раз пыталась встретиться с вами... иначе.

— Да, твоя вчерашняя попытка взломать дверь отвлекала меня от домашнего задания, — холодно заметила Оливия.

Гвен куснула губу и неуверенно сказала:

— Извини, просто мы...

— Не открываем двери незнакомцам, — оборвала ее Оливия. — И вообще делаем все, чтобы сберечь репутацию вдали от мужнего дома.

Я с запозданием припомнила слова Оуэна о том, что девушки и правда не свободны.

— Точно, вы же замужем, — пробормотала я.

— Да, — бросила Оливия и добавила: — И тебе следует заключить с кем-нибудь брак, если не хочешь угодить в неприятности.

Я растерянно перевела взгляд с нее на Гвен. Вся речь, которую я подготовила заранее, выветрилась из головы. Реальность оказалась куда занимательнее фантазий.

— Об этом я и хотела поговорить, — уже менее уверенно продолжила я. — Мне кажется, мы должны держаться вместе. У нас же общие проблемы! Только помогая друг другу, мы сможем дать отпор.

Получилось не так вдохновенно, как я рассчитывала, но все же неплохо. Приободрившись, я подняла голову и столкнулась со стеной молчания. Обе девушки смотрели на меня с подозрением.

Первой заговорила Оливия.

— Не знаю, откуда ты, но такое чувство, что из страны грез. — Она сложила руки на коленях и выпрямила спину, оглядев столовую с поистине королевским достоинством. — Здесь женщины ничего не решают, ничего не могут. Только мужчина даст тебе защиту.

— Но...

— Мы прибыли сюда не дружить. Для этого полно женских пансионов, где тебя учат петь и красиво вышивать подушки! Стоило невероятных усилий добиться разрешения у родителей, а потом и у мужа, учиться наравне с мужчинами. — Оливия говорила тихо. Ее слова звучали хлестко, как пощечины, выбивавшие дух. — Если ты думаешь, что я поставлю все это на карту ради помощи незнакомке... Ты глупа.

Обычно я не лезу за словом в карман, но от Оливии так сильно пахло тщательно сдерживаемым отчаянием, что я не нашлась с ответом. Вместо этого мельком подумала о том, как же живут девушки с даром, которым не позволили учиться в академии. Есть ли какие-то женские магические школы? Вряд ли, ведь тогда бы меня отправили туда. Оуэн говорил, что необученный маг опасен для себя и общества. Что же происходит с теми, кому не дали реализовать свой потенциал?

Задумавшись, я запоздало вскинула голову, пытаюсь заглянуть в отчужденное лицо поднявшейся с места Оливии.

— Здесь каждый сам за себя, — подвела итог она и, шурша юбкой, покинула столовую.

Кажется, не у одной меня пропал аппетит.

— Прости, но она права. — Гвен виновато покосилась на меня и тоже встала из-за стола. — Мне очень жаль.

Я устало откинулась на спинку стула и раздраженно отбросила в сторону льняную салфетку, лежавшую на почти пустом подносе.

Ладно, этот план не сработал. Пора придумать новый.

— Оуэн, вставай немедленно! — театральным шепотом проговорила я. — Мы с тобой договаривались!

Мальчишка что-то невнятно буркнул во сне и перевернулся на живот. Еще и одеялом накрылся с головой!

Я едва не топнула ногой от раздражения и покосилась на черное окно — полпятого утра, время самого крепкого сна. Собственно, поэтому мы с Оуэном и условились встретиться именно в этот час — меньше вероятности, что нас кто-нибудь заметит.

— Слушай, я даже к тебе в комнату прокралась, — возмутилась я и прикрикнула: — А ну вставай!

— Гарри, еще минутку, — сонно пробормотал Оуэн, по-прежнему не отрываясь от подушки.

Я закатила глаза. Гарри звали его камердинера. Того самого, которого отец отозвал вместе со всем гардеробом за проступок в деревне. Понятно, кто именно поднимал мальчишку к завтраку. Будильники, очевидно, у высшей знати не в ходу.

Взгляд рассеянно скользнул по комнате. Она была больше моей и обставлена богаче: начиная от картин в позолоченных рамах на стенах и заканчивая серебряными шкатулками на камине из белого мрамора. Соседей у Оуэна, как и у меня, не было.

Я подошла к окну. Через час начнет светать. Если не хочу ни с кем столкнуться, нужно идти.

— Ну, маленький соня, я тебе это еще припомню, — пригрозила я.

Посапывавший на руке Плющик торопливо приподнялся, очевидно, приняв мои слова на свой счет. Впрочем, и его надолго не хватило: бутон почти тут же склонился обратно и растение вновь прикинулось зеленым браслетом.

— Ну что с вами делать? — вздохнула я. — Ладно уж, спите.

Я прикрыла ладонью невольно сорвавшийся зевот (спать и правда хотелось зверски! За неделю учебы я отвыкла от подъемов до рассвета) и дернула за ручку. Вообще-то дверь была надежно заперта на охранное заклинание, но Оуэн включил меня в список людей, которые могут беспрепятственно попасть внутрь. Как горделиво заметил Оуэн, в этом списке, помимо него самого, значился лишь Гарри. И вот теперь еще и я.

Выскользнув в коридор, я на цыпочках прокралась к лестнице, ведущей к черному входу. Тишина в мужском общежитии буквально давила на уши, намекая, что мне небезопасно здесь находиться. Я чуть задержалась у одной из комнат, откуда доносился раскатистый храп. Этот отвратительный звук заставил улыбнуться и ускорить шаг.

Ночная (или утренняя?) прохлада, коснувшаяся лица, взбодрила и разогнала остатки сна. Запахнувшись в легкую накидку — тоже часть формы академии, — я направилась на тренировочное поле.

Ларкинз на прошлом уроке довольно четко дал понять, что у меня не получится и дальше оттягивать сдачу норматива. Его не волновали ни мои весьма скромные физические данные, ни необходимость бегать по полосе препятствий в юбке. Помнится, я спросила, как справляются с такими испытаниями Оливия и Гвен, и получила полный непонимания взгляд в ответ: им поставили зачет автоматом. Ведь нельзя же обязать замужнюю даму сверкать голыми ногами. Это оскорбит ее вторую половинку!

Ну да, то ли дело издеваться над «ничейной» девушкой...

Впереди замаячили зрительские лавочки, и я поторопилась. С безлунного неба на меня смотрели белоснежные, будто сахарные, звезды, и в их внимании мне чудилась затаенная усмешка. Я с трудом поборолла желание вскинуть голову и развести руками. Ну нет у меня других вариантов, нет!

Придется как-то подтянуть это слабое хрупкое тело. В конце концов я все еще рассчитываю на стипендию.

Дойдя до лавочек, я скинула накидку и как смогла подоткнула юбку. Ладно, если добегу вон до того забора, а потом переберусь с него на деревянную платформу...

— Ариана!

Я подпрыгнула от неожиданности. Плющик сонно заворочался и неохотно приподнялся.

— Оливер! — с облегчением выдохнула я. — Напугали. Чуть сердце не выскочило!

В тусклом свете звезд стройный силуэт Оливера, шагнувшего ко мне из тени, выглядел непривычно зловеще. Я инстинктивно отступила назад и, запоздало вспомнив о своем виде, поправила юбку. Как только плотная ткань скрыла обнаженные колени, я почувствовала себя увереннее.

— Что вы здесь делаете? — нахмурившись, спросила я.

Он улыбнулся — успокаивающе, ободряюще, и по моему телу прокатилась дрожь. Та самая сладострастная дрожь, о которой любят писать в романах. Я потрясла головой. С каждой нашей встречей с Оливером мозг будто бы все быстрее подергивался этой отвратительной розовой пеленой, заставлявшей чувствовать себя подростком, которого лихорадит от всплеска гормонов. Впервые в голове мелькнула мысль: а во мне ли дело?

— Я проснулся среди ночи...

— Вообще-то уже раннее утро, — ради справедливости заметила я и тут же замолчала, получив новую улыбку в ответ.

Если бы он пустил мне пулю в висок, результат был бы примерно тот же.

— ...и, подойдя к окну, заметил вас, — продолжил Оливер. — Я решил, что вам не следует гулять в одиночестве. Если вы не против, я составлю вам компанию.

— М-м-м... — промычала я и — о чудо! — все-таки выдала что-то членораздельное. — Я уверена, что справлюсь и без посторонней помощи.

Еще не хватало, чтобы у моих первых и неуклюжих попыток преодолеть полосу препятствий был свидетель! К тому же близость Оливера иррациональным образом пугала.

Задумавшись, я отвлеклась и скользнула взглядом по темно-зеленому полю, в столь ранний час подернутому легким туманом. Шепот Оливера, обжегший ухо, заставил испуганно вздрогнуть:

— Ариана, вам вовсе не нужно со всем справляться одной... — Его губы почти коснулись мочки, и тело замерло от восторга, а мозг (та его часть, что еще соображала) — от паники. — Я рядом. Я всегда буду рядом. И если вы позволите...

«Нет!» — хотелось крикнуть мне, но язык словно примерз к небу. Слова Оливера были очень правильными, и возможно, исходи они от кого-то другого, я бы расчувствовалась. Вот только в самом Оливере проскальзывала завуалированная уверенность плута, смошенничавшего в карточной игре. Я не смогла бы сказать, что именно меня в нем настораживало, ведь внешне он казался идеалом — красивый, внимательный, чуткий молодой мужчина. Но с ним точно было что-то не так.

Словно в замедленной съемке я увидела, как его губы приближаются к моим. Все повторялось: это уже случалось на вечеринке. Тогда мне удалось перебороть странную слабость и томление, навалившиеся как камень, но в этот раз я словно упала в липкую паутину: не пошевелить ни ногой, ни рукой. Краем глаза я заметила, что Плющик, свернувшийся браслетом, спокойно посапывал. Правильно, ведь в его понимании ничего страшного не происходило: моей жизни никто не угрожал. Глупый, глупый питомец!

Ладонь Оливера легла мне на шею сзади, притягивая для поцелуя, и я отстраненно подумала: являются ли его действия насилием? Ведь формально я не сопротивляюсь. Со стороны мы наверняка смотримся как влюбленная парочка.

В тот момент, когда я уже смирилась с неизбежным, с моей груди что-то сорвалось и устремилось к лицу Оливера. Раздался полный боли крик, и он отшатнулся от меня, держа за щеку.

— Что ты делаешь?!

— Это не я!

Над головой Оливера зависла брошь, подаренная Эйверли. На расправленных крыльях неизвестной птицы алыми каплями сверкнула кровь. Я сглотнула.

— Прости, это...

— Защитный артефакт! — зло выкрикнул Оливер, разом растеряв все свое очарование. — Я знаю, что это! Зачем же так жестоко?

— Прости, — ошарашенно повторила я на автомате, — но о чем ты?

— Еще и древний артефакт, — выплюнул он, разглядывая грозно веявшую над ним брошь. — А они особенно кровожадны!

Я не стала спрашивать, как он это понял, — возможно, догадался по сверкнувшей на броши руне. Вместо этого я шикнула на не вовремя проснувшегося Плющика и поинтересовалась:

— Ты владеешь ментальной магией?

Оливер промолчал, но как-то странно на меня посмотрел. Почти в ту же минуту я ощутила необычное спокойствие, почти умиротворение... которое тут же исчезло, стоило броши впиться в плечо Оливеру.

— Да чтоб тебя! — снова заорал он. На его белой рубашке проступило красное пятно. — Отзови эту дрянь!

Угу, знать бы, как это сделать! Эйверли не снабдил меня инструкцией. Эйверли!

Я прищурилась. Значит, вот к чему был этот неожиданный презент... При взгляде на морщившегося от боли Оливера, мало походившего на рыцаря из женских романов, головоломка в моей голове сложилась окончательно. А я-то думала, что причиной всему взывавшие гормоны нового тела!

— Я же права, верно? Ты как-то на меня воздействовал.

— Ладно, ты меня раскусила. — Он дернулся от броши, попытавшейся его ужалить. — В одном только ошиблась: я не менталист, а двусторонний эмпат. Я могу вызвать у людей любые эмоции: гнев, обиду, злость, страсть... Осечек еще не бывало!

— Все случается впервые.

— Как ты догадалась? Я не распространяюсь о своем даре, потому что еще до поступления в академию подписал контракт. Короне пригодятся мои умения. Даже преподаватели и те не в курсе!

От главы Тайной Канцелярии сложно что-то скрыть. Но об этом как-нибудь в другой раз.

— Демоны тебя дери! — совершенно не по-аристократически рявкнул Оливер. — Да убери ты артефакт! Не буду я на тебя воздействовать. Тем более все равно получается кривовато. Ты очень хорошо сопротивляешься!

Я куснула щеку изнутри. Интересно, почему у меня получается противостоять его магии? Возможно, дело в том, что я иномирянка?

Не найдя ответа, я подняла руку, и брошь, шугнув Оливера напоследок, с чувством собственного достоинства вернулась ко мне на блузку. Плющик ревниво рыкнул и увеличился в размерах, словно демонстрируя, что он тоже не лыком шит. Нашел время хвастаться!

При виде моего питомца во всей красе Оливер побледнел и отступил. Две недлинные, но глубокие красные полосы на его лице напоминали боевую раскраску индейцев, вступивших на тропу войны.

— Ты еще пожалеешь! — бросил он, лишь усиливая эту ассоциацию. — Я хотел все решить по-хорошему. Ты сама все испортила.

Я хмыкнула. Ну да, не дала манипулятору выиграть — вот уж правда, все испортила!

— Думаю, тебе пора, — многозначительно сказала я.

Плющик ощерил пасть, подтверждая, что вечеринка окончена.

— Ты не понимаешь, — пяясь, сказал Оливер. — Тебе все равно придется выйти замуж. Со мной ты хотя бы будешь чувствовать себя счастливой.

— Угу, как в наркотическом сне, — согласилась я и отрезала: — Спасибо, не интересует!

Оливер продолжал отступать. Оказавшись достаточно далеко, он отряхнулся как кошка и крикнул:

— Тебе это так просто не сойдет с рук! Встретимся в суде!

— В каком еще суде? Ты что, решил вкатить мне иск? Это ты на меня воздействовал!

Он осклабился:

— Докажи.

Прежде чем я успела возмутиться, он ретивым зайцем исчез в белесом тумане. Я еще немного постояла, судорожно обдумывая услышанное. Взгляд метнулся к полю, но тут же скользнул к высившемуся с другой стороны основному зданию академии — сейчас явно не время для тренировки. Для начала придется решить пару других, более важных вопросов.

Вздохнув, я вновь зашагала к мужскому общежитию. Интересно, Нортроп сильно удивится, если я спрошу у него номер комнаты Эйверли?

Глава 12

Старикан сумел меня поразить. Он мало того, что оказался на своем посту — в крошечной комнатке под лестницей, — так еще и крайне флегматично отреагировал на мой вопрос. Ни удивления, ни попытки прочесть лекцию о нравах современной молодежи — лишь приподнятая бровь и каменное выражение лица. Вот это я понимаю — умение владеть собой!

— Комната триста шесть, крайняя по коридору, — сказал Нортроп. — Половица перед порогом скрипит, поэтому, будьте добры, перешагните ее. Если, конечно, в ваши планы не входит привлечь внимание.

— Нет, мне это ни к чему, — отозвалась я и искренне проговорила: — Спасибо, Нортроп!

Я чуть не сказала, что он не такой сухарь, каким кажется, но вовремя промолчала. Думаю, ему бы это не понравилось.

— Чуть не забыл. К вам еще вечером заходил секретарь рина Абрамса, но не найдя вас, попросил передать это.

Я с опаской взяла протянутое письмо. На печати вспыхнула защитная руна и тут же погасла, стоило мне коснуться конверта. Не ожидая ничего хорошего, я распечатала письмо.

«Ариана Роук, вынужден сообщить, что не считаю возможным продолжить ваше обучение из-за огромного количества исков, поступающих на наш адрес. Это наносит вред не только вашей репутации, но и пятнает позором имя самой академии. Если вы не решите эту проблему в ближайшее время (не обзаведетесь мужем, способным вас защитить), ваш контракт будет разорван.

С уважением,

рин Ной Абрамс».

У меня перехватило дыхание. Мне показалось, что у меня выбили почву из-под ног. Смяв письмо, я спрятала его в карман юбки и решительно устремила к лестнице.

Возле нужной двери я ненадолго заколебалась, а затем, воровато оглянувшись, тихонько постучала. Не знаю, что бы я делала, окажись у главы Тайной Канцелярии крепкий сон, — барабанить со всей силы и будить половину общаги мне бы точно не хотелось, но, к счастью, дверь отворилась почти сразу. В проеме появился Эйверли в черных брюках и рубашке нараспашку. Его обычно вежливо-равнодушное лицо пугало восковой бледностью.

— Отвратительно выглядите! — невольно вырвалось у меня.

Он поморщился:

— Благодарю. Вы пришли, чтобы одарить меня комплиментом?

Я спохватилась и снова оглянулась: никого, но в любой момент это может измениться.

— Нет, я хотела вернуть вам подарок.

— Не припомню, чтобы был настолько щедр.

Я молча ткнула пальцем в брошь. Эйверли хотел что-то сказать, но вдруг побледнел еще больше. Качнувшись, он едва не упал на меня, но успел ухватиться за дверной косяк и устоял на ногах. Я бы заподозрила, что он пьян, но в воздухе не чувствовался запах алкоголя. Мгновение непонимания сменилось прозрением: сбоку, там, где Эйверли прижимался к двери, рубашка потемнела от крови.

— Вы ранены?

— Вам показалось, — заверил он меня и попытался выпроводить: — Вам пора.

— Ага, — легко согласилась я и тут же переступила порог, не забыв про скрипучую половицу.

Будь Эйверли в тонусе, у меня едва бы получился этот фокус. Но в таком состоянии не составило труда заставить его чуть подвинуться и пропустить меня внутрь.

— Не припомню, чтобы звал вас в гости

— Да, провалами в памяти вы не страдаете. Я пришла без приглашения.

Эйверли вопросительно приподнял бровь. Это бы выглядело насмешливо, не будь он сейчас в таком жалком состоянии. Черные волосы были взлохмачены, прядь упала на вспотевший лоб. Надеюсь, дело не дошло до лихорадки...

— Вам нужно к лекарю.

Он мотнул головой:

— Я справлюсь и сам.

Я закатила глаза.

— Серьезно?

— Ценю ваш сарказм и желание помочь, но да. — Он кивнул на какой-то камень на столе. — У меня есть артефакт.

Словно желая подтвердить свои слова, он, пошатываясь, шагнул к столу. Камень в его руках вспыхнул теплым желтым светом. Солнечные нити, пронзившие его, скользнули по телу Эйверли. Его лицо перестало казаться маской мертвеца, обретая естественный румянец, но в следующее мгновение все исчезло: и появившийся румяней, и магическое сияние.

— Демоны дери! — выругался Эйверли, обессиленно опираясь на стол. — Я забыл обновить артефакт.

Я, не колеблясь, молча подошла и взяла камень из его рук.

— Вам повезло, не придется бегать за зарядкой.

— Что?

— Простите, просто шутка.

Я прикрыла глаза и сконцентрировалась. С каждым разом это получалось все проще. Я не была уверена, что с артефактом работает тот же принцип, что и с магами, но мне повезло. Прозрачный камень замерцал, на его гранях промелькнула радуга.

— Как это работает? — деловито спросила я.

— Нужно приложить к пострадавшему месту, — устало пояснил Эйверли. Кажется, он смирился с моим присутствием как с неизбежным злом. — Дайте, я сам.

Я покачала головой.

— Не уверена, что, если отпущу, он продолжит сиять. Так что лучше уж я. Поднимите рубашку.

Эйверли прожег меня скептическим взглядом, а затем, к моему удивлению, не тратя время на споры, молча содрал с себя рубашку. При виде раны на боку к горлу подкатила тошнота — выглядело это ужасно. И пугающе.

Впрочем, вслух я этого, конечно, не сказала. Вместо этого молча протянула руку, поднося артефакт ближе.

— Где это вы так?

Эйверли усмехнулся:

— Упал.

— На нож?

— Да, тот лежал на редкость неудачно.

Я хмыкнула. Ладно, не хочет рассказывать — не нужно. В конце концов секреты есть у каждого из нас. А уж у главы Тайной Канцелярии они должны быть по определению. И все-таки я не удержалась от маленького уточнения:

— Надеюсь, это был не тот нож, что украли из хранилища академии?

— Нет, к тому делу случившееся не имеет ни малейшего отношения. Поверьте, у меня полно и других хлопот.

У меня не было оснований ему не доверять, поэтому между нами снова повисло молчание. Оно не было тягостным, скорее спокойным и деловитым. Я искоса оглядела комнату. Лаконичная, даже спартанская обстановка не несла в себе отпечатка ее владельца — безликая серая спальня без всяких безделушек и украшений. На кровати не виднелось привычной россыпи мягких подушек с цветочной вышивкой. Лишь на одной из стен темнел стеллаж из красного дерева, на котором высился ряд книг.

— Зачем вы пришли, Ариана?

Вопрос прозвучал обыденно, без намека на обвинение или угрозу.

— Вернуть вам брошь, — честно ответила я и, помедлив, добавила: — Могли бы просто сказать, в чем заключается дар Оливера.

Эйверли чуть пожал плечами, и его лицо исказилось болезненной гримасой — артефакт еще не закончил свою работу.

— Это было бы не так весело. Да и разглашать такого рода сведения я не имею права.

— Но первое в приоритете, верно?

— Вы угадали.

Я снова хмыкнула. Взгляд уткнулся в обнаженную грудь Эйверли, и я с запозданием отметила, что он в прекрасной физической форме: не той, что позволяет щеголять кубиками на прессе, нет. В подтянутом теле чувствовалась природная сила и грация хищника, привыкшего к изматывающим гонкам на скорость и жесткой охоте. Краем глаза я оценила, как плотно на нем сидят черные брюки, подчеркивавшие длинные ноги.

— Вы можете оставить ее себе.

Я с радостью ухватила за предложенную тему. Лучше разговаривать, чем бессмысленно и, подозреваю, не очень скромно пялиться на полуобнаженное мужское тело.

— Нет уж, спасибо, — протянула я. — Мне и так влили столько исков, что с ними вовек не разобраться. Не хочу усугублять ситуацию. К тому же мне показалось, что ваш подарок несколько... кровожаден.

— Да, он может убить, — рассеянно ответил Эйверли, смотря в стену. Видимо, ему тоже было несколько неудобно встречаться со мной взглядом. — Древняя магия никогда не отличалась щепетильностью.

— Пожалуй, пока мне хватит обвинения в краже, — решила я. — В убийстве — уже перебор.

— Ваше право, — согласился он.

Снова повисла пауза. В этот раз она оказалась полна неловкости. Я стояла так близко, что чувствовала запах Эйверли — аромат мыла и крови, к которому примешивалось

вкрапление пот. Странно, но это не отталкивало. Стремясь отвлечься от неуместных мыслей, я заговорила первой:

— Есть какие-то подвижки в этом деле? Я знаю, что допрашивали не только Райли, но и работников хранилища.

Эйверли дернул уголком губ.

— Неплохая попытка, Ариана. — И тут же, без промедления, поинтересовался: — Как вас зовут на самом деле?

Я замерла. Он первый, кто спросил об этом. Я никогда не была сентиментальной, но почему-то в глазах защипало. Пришлось моргнуть и прочистить горло, прежде чем ответить:

— Алиса.

— Вам подходит. — Эйверли помедлил и вдруг ошарашил меня: — Хотите я буду звать вас прежним именем?

— Нет! — слишком резко, почти грубо откликнулась я, а затем пояснила: — Мне стоило большого труда привыкнуть к новому. Ни к чему беречь старые раны.

И правда, стоило только вспомнить о том, что я оставила за чертой, вновь хотелось не то сжимать кулаки, не то реветь. Хватит. Я наплакалась за тот первый месяц, что провела в деревне.

— Понимаю, — откликнулся Эйверли, и почему-то казалось, что он не кривит душой.

— Вы тоже меняли имя? — с подколкой уточнила я.

Ответ меня удивил.

— Нет, только жизнь.

Рана под артефактом почти затянулась. Дыхание Эйверли становилось все ровнее, и я догадывалась, что разговор подходит к концу. От этой мысли становилось тоскливо. Возможно, глава Тайной Канцелярии и вызывал у других ужас, но мне с ним было легко. А еще он едва ли не единственный, кто общался со мной на равных, без надоевшего до зубовного скрежета снисхождения.

— Поделитесь?

— Если только в общих чертах, — уклончиво ответил Эйверли. — Я родился в трущобах Ист-Лэнда. Мой путь наверх не был усыпан розами.

Я замерла, боясь, что ослышалась.

— Разве вы не благородного происхождения?

Он негромко рассмеялся.

— Едва ли. Отца я помню с трудом, но в моих воспоминаниях он никак не тянет на рина. А матушка зарабатывала на жизнь шитьем. Пока не умерла от бубновой лихорадки.

Пальцы чуть дрогнули, и я едва не уронила артефакт. Определенно, Эйверли умеет удивлять.

— Как же так получилось, что вы попали во дворец и стали главой Тайной Канцелярии?

— Я хорош в своем деле.

— Насколько?

— Настолько, что мне пожаловали титул.

Я присвистнула.

— Звучит и правда впечатляюще.

Эйверли хмыкнул, но без всякого тщеславия. Похоже, его позабавила моя реакция, но не более того. Артефакт предупреждающе затрещал, а затем, мигнув, погас. Я медленно убрала руку. Рана полностью затянулась, от нее не осталось и следа.

— Спасибо, — коротко поблагодарил Эйверли и тоже помедлил, прежде чем натянуть на себя рубашку, которую сжимал в ладони. — Конечно, я бы справился и сам...

— Естественно. — Я беззлобно фыркнула.

— Но с вами вышло интереснее.

— Сочту за комплимент.

Я осторожно отцепила от блузки брошь и положила ее на стол. Слова Эйверли заставили удивленно обернуться.

— Можете звать меня Джонатаном.

Это несколько отличалось от «зовите меня просто Майклом» или «просто Оливером», но я никак не могла сформулировать, чем же именно. Возможно, все дело было в интонации... или в чем-то еще.

— Вам подходит, — после мгновенного промедления заметила я.

Он кивнул и, сложив руки за спиной, склонил голову набок. Казалось, он ждал чего-то. Я уже шагнула к порогу, когда порывисто застыла и медленно повернулась на каблуках. Решение пришло внезапно и показалось мне самым разумным вариантом из всех, что были.

— Я тут подумала... Может, вы женитесь на мне?

Надо отдать должное Джонатану: на его лице не дернулся ни один мускул.

— Боюсь, вынужден отказаться от столь заманчивого предложения.

Возможно, кого-нибудь бы оскорбил такой отказ, но моя фантазия уже подсунула картину светлого будущего, где мне не грозила ни долговая тюрьма, ни внимание сокурсников.

— Бросьте! — вкрадчиво сказала я. — Я могу оказаться вам полезной.

— Вот как?

Я горячо закивала.

— У меня богатый опыт в расследованиях! — Невольно скопировав сказочных персонажей, добавила: — Я вам пригожусь, вот увидите!

— Это, конечно...

— А еще я могу стать вашим Проводником! — торопливо вставила я.

Джонатан окинул меня нечитаемым взглядом. Чувствовалось, что в его голове ведется напряженная работа, но о чем он думал, оставалось загадкой. Я затаила дыхание. Неужели даже перспектива получить «зарядку» его не вдохновит? Он никогда не проявлял интереса к моему дару, но не может же быть такого, чтобы он не соблазнился этим предложением?

Я и сама не заметила, как, поддавшись азарту, легко отошла от принципа «ни за что не выйду замуж!». Все-таки гораздо приятнее ощущать себя в роли хищника, а не добычи.

Пауза затягивалась. Я уже смирилась с отказом и даже заготовила ироничный ответ, как Джонатан разлепил губы и негромко произнес всего одно слово:

— Хорошо.

— Собственно, я так и предполагала, — не слушая его, саркастично сказала я и тут же замерла. — Подождите, что?

— Встретимся в девять утра в кабинете ректора, — уже по-деловому продолжил он. — Не опаздывайте. После заключения брака вас ждет учеба, а меня — дела.

Я молча уронила челюсть. Почти в буквальном смысле.

— О, ладно. Приду вовремя.

Чувствуя себя участницей фантазмагорической пьесы, я открыла дверь и выскочила в коридор. Уже пройдя несколько шагов, заставила себя вернуться.

— Что-то еще? — вежливо поинтересовался Джонатан, аккуратно застегивая рубашку на мелкие пуговицы.

Я проследила за его длинными пальцами и тряхнула головой, возвращаясь к реальности.

— Брак будет фиктивным. Через какое-то время вы дадите мне развод.

И вновь взгляд Джонатана стал нечитаемым, но всего лишь на мгновение.

— Конечно, — после паузы согласился он.

Вот так я оказалась в кабинете ректора перед документом, который должен был полностью изменить мою жизнь. К худу или к добру? Я не была уверена в ответе.

— Ариана? — В мысли ворвался нетерпеливый голос ректора, прерывая вспышки флешбеков. — Вы поставите свою подпись?

Я взглянула на Джонатана, безразлично рассматривавшего пейзаж за окном, сжала кончик пера так сильно, что на бумаге проступила клякса, и тихо выдохнула:

— Да.

Один-единственный росчерк, и я официально стала женой Джонатана Эйверли. Возможно, если бы я знала, к чему это приведет и какие события вскоре спровоцирует, сказала бы «нет» и сбежала обратно в деревню. Но даром предвидения я никогда не обладала.

Глава 13

— Ты и правда вышла замуж за Эйверли! — с восторгом прошептал Оуэн.

Патрик посмотрел на него укоризненно, но тот лишь отмахнулся. Мы сидели на предпоследнем ряду в лекционном зале с большим окном. Солнечные лучи проходили через цветные витражи и плясали на листах бумаги, разложенных на парте. Патрик чуть прикусил кончик пера, старательно копируя выведенные мэтром Акроном руны. Магия иллюзий была интересным предметом, но сейчас мои мысли бродили далеко за пределами этого зала.

— Ты стала женой главы Тайной Канцелярии! — не унимался Оуэн.

На него зашикали другие студенты. Мэтр Акрон ненадолго отвлекся от доски, а затем переложил мел из одной пухлой ладони в другую и продолжил тихий бубнеж — расслышать отсюда его слова было просто нереально. Понятия не имею, как у Патрика получалось это. Наверное, у него слух как у кошки.

— Не так громко, пожалуйста, — сквозь зубы попросила я.

— Да ладно, новость уже облетела академию, — беззаботно откликнулся Оуэн, но послушно перешел на театральный шепот. — Посмотри на их лица, все же понятно!

Я проследила за его рукой, указывавшей на ближайших соседей и была вынуждена согласиться. Зайдя в аудиторию, я никак не могла понять, что же изменилось. И только спустя несколько минут до меня дошло: взгляды — любопытные, задиристые, похотливые — исчезли, испарились, будто их никогда и не было. Теперь при моем появлении мужчины отводили глаза и предпочитали смотреть в сторону или под ноги. А если и обращались, то исключительно вежливым тоном и только по делу. Ни намека на флирт. Признаться, я даже проверила прическу и платье. Нет, все в порядке. Невидимкой меня сделало не пятно на юбке, а замужество. На мне будто поставили штамп «чужая собственность», и это вызывало смешанные чувства, среди которых выделялись облегчение и раздражение.

Мэтр Акрон обернулся к классу и громко сказал:

— Сейчас я продемонстрирую вам принцип работы иллюзии.

Я, забыв об Оуэне, вытянула шею. Акрон взмахнул рукой, и вдруг на месте мела в его толстых пальцах появился дирижерский смычок. По залу прокатился удивленный вздох. Акрон сдержанно улыбнулся и поправил жилет на объемном животе, став будто бы выше ростом.

— А теперь попробуйте повторить с любым предметом рядом с вами.

Он принялся прохаживаться между рядами. Я откинулась на спинку скамьи, молча осматривая аудиторию. Мне как Проводнику недоступен этот фокус, но интересно взглянуть на то, как с ним справятся другие.

Судя по первым минутам, из рук вон плохо.

— Рин Чапман, — раздавшийся совсем рядом голос Акрона заставил вздрогнуть, — чудесно! У вас получилось лучше всех!

На щеках Патрика проступил смущенный румянец. Он горделиво вскинул голову, встречаясь со мной взглядом, и вдруг волнение омрачило его лицо. Мгновение, и дирижерский смычок превратился в перо.

— Ну что ж, — с сожалением прокомментировал мэтр Акрон, — вам хотя бы удалось удержать нужную форму. Это уже неплохо. А что у вас, рин Далтон?

Акрон, потеряв к Патрику интерес, двинулся к другому столу. Я с сочувствием покосилась на сникшего друга.

— Не переживай, ты молодец, — утешила я.

— Я ничтожество, — грустно бросил он и отвернулся.

Мы с Оуэном переглянулись.

— У меня вообще не вышло повторить эту руну, — включился тот, но без особого энтузиазма.

Было видно, что утешать других у мальчишки не особо получалось. Странно, со мной он был более тактичен. Наверное, потому что я девушка.

— Ариана Роук, — вспомнив о моем присутствии, сказал Акрон, — попробуйте тоже поучаствовать в практическом задании. Вам следует почаще прибегать к своему дару.

Я пожала плечами и придвинулась к Оуэну, намереваясь помочь ему, но мэтр остановил меня.

— Нет, не хочу обидеть рина Оуэна, но он совсем слаб в иллюзии. Попробуйте увеличить потенциал рина Далтона.

Оливер, сидевший впереди, нервно вздрогнул и нехотя повернулся в мою сторону. Его каштановые волосы были безукоризненно уложены на прямой пробор, и эта аккуратность контрастировала с двумя длинными царапинами на щеке, портившими благородный мужской профиль.

После утренней встречи мне меньше всего хотелось контактировать с Оливером, но неаргументированным отказом я могла привлечь ненужное внимание, а усугублять ситуацию не хотелось.

Молча поднявшись, я пересела к Оливеру. Тот тоже не выглядел ошарашенным таким поворотом событий. Его глаза мрачно блеснули, а губы сжались в одну линию. Надо же, а мне казалось, он более сдержан. И куда только девается мужское дружелюбие после женского отказа?

— Приступайте, — с воодушевлением скомандовал мэтр Акрон.

Мои пальцы легли на плечо Оливера. Тот напрягся, видимо, мысленно выводя руну, а затем взмахнул рукой — ничего.

— Странно, — пробормотал Акрон и даже завис над нами, пытаясь разобраться в случившемся. — Рин Далтон, вы правильно скопировали руну?

— Да, мэтр, — уверенно ответил Оливер и попробовал снова.

Я ощутила магическое волнение, но оно словно прошло мимо. После короткой паузы в руках Оливера все-таки возник смычок. Акрон радостно хлопнул в ладоши, но зря. Почти тут же иллюзия развеялась.

— Ариана, вы не усилили потенциал рина Далтона? Кажется, возникшая иллюзия — это лично его заслуга, а не ваша.

Я хотела было возмутиться, что нечего обвинять меня в неудачах других, но застыла. В голову запоздало пришла мысль, что я и правда не чувствовала магические потоки, обычно ластившиеся как кошки.

— Э-э-э... Я не уверена.

На мне впервые за утро снова скрестились взгляды всех присутствовавших. Акрон пожевал губами и глубокомысленно изрек:

— Кажется, вы по собственному желанию можете блокировать свой дар.

— Но я не желала ничего такого!

— Значит, делаете это инстинктивно. Занятно.

Так ничего больше не добавив, Акрон вернулся к доске и продолжил урок. Я с облегчением пересела обратно.

— Это потому что ты злишься на Оливера? — предположил Оуэн.

Я не посвящала его во все подробности, пересказав наше столкновение с его родственником лишь в общих чертах, — сделала скидку на его возраст.

— Не знала, что это работает именно так, — растерянно заметила я.

— Можно поискать книги на эту тему в библиотеке, — негромко предложил Патрик, торопливо водя пером по бумаге. — Дар Проводников мало изучен, но наверняка есть те, кто уже задавался похожим вопросом.

Я кивнула. Что ж, это и правда может помочь.

Лекция пошла своим чередом. Я старательно записывала слова мэтра, когда плеча коснулось что-то легкое и острое. Опасливо дернувшись, я не сразу заметила спланировавший на пол листок бумаги, свернутый самолетиком. Не ожидая ничего хорошего, я подняла его и развернула.

«Поздравляю с замужеством!

P.S. Лихо ты с Оливером».

Я резко обернулась. Позади обнаружился лениво развалившийся Майкл. Он подмигнул мне, а затем как ни в чем не бывало уткнулся в конспект.

Я смяла листок бумаги и бросила в мусорную корзину. Нет, мне никогда не понять Майкла Берча. Что-то с этим парнем определенно не так.

Возможно, он просто играл по неизвестным мне правилам.

«Нам выделили комнату в северном крыле. Можно было бы проигнорировать столь щедрый жест рина Абрамса, но это вызовет вопросы. Советую собрать вещи и до вечера переехать на новое место.

Эйверли».

Я еще раз перечитала переданную посыльным записку. Сердце екнуло. Общая комната? Не то чтобы я об этом не думала, но... Ладно, не думала! Вот же черт!

— Еще, пожалуй, возьмем вот эту книгу...

Патрик ловко вскарабкался по приставной лестнице и вытащил толстенный том с почти полностью истершимся названием.

— Угу, — не глядя согласилась я.

Оуэн остался в классе мэтра Акрона — отрабатывать руны иллюзии, которые у него никак не получалось освоить. Мы же с Патриком наведались в библиотеку. Мне хотелось как можно больше узнать о нюансах дара Проводника. Кажется, мало кто из мэтров мог просветить меня на этот счет. Во всяком случае Акрон легко отговорился незнанием и посоветовал обратиться к ректору или изучить этот вопрос самостоятельно.

У кабинета Абрамса вновь копошились полицейские, поэтому я решила начать с того, что попроще, — с книг, не стремившихся повесить на меня ложное обвинение в краже.

— Наверное, эту тоже можно просмотреть.

Патрик быстро спустился и легко спружинил на ноги. Так непринужденно, что я удивленно моргнула: слишком привыкла видеть его неуклюжим.

— Я провожу тебя, — сказал он и тут же стушевался. — Если т-т-ты не п-п-против, конечно.

Он поправил съехавшие на нос очки указательным пальцем и прижал стопку книг к груди, словно редкую драгоценность.

— Нет, не нужно, — вздохнула я и, боясь его задеть, поторопилась пояснить: — Мне

сначала придется зайти к Ларкинзу. Это займет время.

Патрик понимающе закивал.

— Я хотел позаниматься в библиотеке. Здесь тихо. — Он спохватился и снова крепко обхватил книги руками. — Но я соберу все, что мы нашли, и принесу тебе в комнату.

— Спасибо! — искренне поблагодарила я. Тащиться с талмудами, по весу сравнимыми с кирпичами, мне не хотелось. — Я теперь буду жить в северном крыле.

Патрик не удивился. Наверное, все, кроме меня, понимали, что переезд — вопрос решенный.

Коротко попрощавшись, я вышла сначала в извилистый коридор с гулявшими по нему сквозняками, а затем — на улицу, где ярко светило солнце и пели птицы. Вдалеке зеленело тренировочное поле, и я не спеша направилась к нему.

Я уже прошла половину пути, когда меня окликнули. По тропинке, придерживая длинную юбку, спешила Гвен. Ее рыжие волосы были сколоты набок, пару локонов упало на покрасневшее от быстрого шага лицо. Я невольно отметила, что она невероятно хорошенькая.

— Ариана, подожди.

Она нагнала меня и, задыхаясь, остановилась.

— Гвен, рада тебя видеть, — сдержанно откликнулась я. — Прости, мне нужно идти. Мэтр Ларкинз ждет.

— Конечно. Мне тоже как раз в ту сторону.

Я окинула ее скептическим взглядом, но завела руки за спину и неторопливо продолжила путь. Гвен засемила рядом. Несколько минут прошли в неудобном молчании, а затем девушка проговорила:

— Я обдумала все, что ты сказала.

— Что ты имеешь в виду?

Она замялась, а потом порывисто выпалила:

— Ты права, мы должны держаться вместе!

В туфлю попал мелкий камешек, и я, пользуясь этой заминкой, остановилась, чтобы вытрясти его и подумать. Уловив мое волнение, Плющик поднял голову, ощерил пасть, но, не найдя обидчика, разочарованно прикинулся браслетом.

«Плохая хозяйка! И покусать некого», — эта невысказанная мысль буквально повисла в воздухе.

— Мне казалось, ты разделяешь позицию Оливии, — не сдержавшись, уколола я.

Гвен смутилась.

— Она такая властная и уверенная... Сложно сопротивляться ее напору.

Я искоса взглянула на Гвен. Она и правда напоминала того, кто с готовностью последует за лидером. Подождите, это что, теперь я лидер?

— Д-да, пожалуй, — задумчиво хмыкнула я и протянула руку для рукопожатия. — Ладно, давай заключим альянс.

Гвен с непониманием оглядела мою руку. Так привыкший к угощению зверек с подозрением смотрит на пустую ладонь.

Я закатила глаза. Ладно, обойдемся без реверансов.

— Я могу помочь тебе со многими дисциплинами, — радостно прошептала Гвен. — Я уже на третьем курсе, поэтому, если с чем-то возникнут трудности, — обращайся.

— Спасибо, — пробормотала я. Перемена в Гвен случилась так быстро, что я не успела перестроиться. — Пока я справляюсь сама.

— Ты молодец! — похвалила она и продолжила вышагивать рядом. Цокот ее каблучков звучал на редкость деловито. — Идешь к Ларкинзу, верно?

— Да, он...

— Поставит тебе зачет! — перебила Гвен и улыбнулась. — Правильно, ты же теперь замужем. Ни к чему сверкать ногами, пытаясь преодолеть эту полосу препятствий. Все равно девушке это не по плечу. Так все мужчины говорят.

Меня покорибили ее слова, но я промолчала. Попросту не успела возразить: она уже перескочила на другую тему.

— Слышала, ректор выделил вам с ринем Эйверли отдельную комнату. Поздравляю! Мы с мужем редко видимся... — Она взгрустнула, но тут же снова оживилась: — Если хочешь, я помогу с переездом!

Я с сомнением покосилась на хрупкую Гвен. Она станет таскать коробки? Хотя у меня и вещей-то кот наплакал, какие уж там коробки. Учебники уместятся в портфеле, а форма — в одном-единственном чемодане. Но все-таки отказываться я не стала.

— Буду благодарна, — вежливо откликнулась я.

Гвен совершенно по-детски захлопала в ладоши.

— Здорово! Я принесу пирог.

— Мне кажется, ты не совсем верно понимаешь значение слова переезд, — с сомнением вставила я, но захлопнула рот, взглянув в чистые и наивные зеленые глаза Гвен. — Пирог подойдет, спасибо.

— Я чувствую, будто снова оказалась в церковной школе, где училась с девочками. Мы были так близки! У нас совершенно не было секретов друг от друга.

— М-м-м...

— А как у тебя получилось захомутать Эйверли? Он же убежденный холостяк!

Я предпочла ответить честно:

— Это вышло случайно.

Гвен явно истолковала мои слова по-своему. Хихикнув, она приложила руку к губам.

— Он влюбился в тебя с первого взгляда, верно? Ты такая красotka!

К счастью, мне не пришлось лихорадочно придумывать правдоподобную чушь (рассказывать о нашем уговоре с Эйверли я не собиралась). Мы с Гвен уже пришли. Ларкинз прогуливался между скамеек с рупором в руке.

— Рин Картер! Начните уже анализировать ситуацию! Это третий раз, когда вы рухнули с моста. Следующий станет последним!

— У, грозно звучит, верно? — склонившись ко мне, прошептала Гвен. — И охота этим парням терять время попусту?

— Какая у тебя специализация? — между делом спросила я, махнув рукой Ларкинзу.

Тот, заметив меня, выразительно вздохнул и отложил рупор в сторону.

— Целительство, — вставила Гвен.

— Ариана Роук, рад вас видеть, — буднично произнес Ларкинз. — Я так понимаю, вы, как и рина Лойс, — он кивнул на Гвен, — решили воспользоваться правом замужней дамы и потребовать поставить вам зачет автоматом?

Последовавший за этим ответ поразил не только Ларкинза, но и меня саму.

— Нет, я хотела договориться об отсрочке.

— Простите, не понял. Что вы имеете в виду?

Я посмотрела в его нахмурившееся лицо и решительно выпалила:

— Я пройду полосу препятствий, но мне нужно время, чтобы подготовиться.

За моей спиной громко ахнула Гвен, а пробежавший мимо студент споткнулся на ровном месте и растянулся в двух шагах от нас с Ларкинзом.

— Вы уверены?

Нет, точно нет!

— Абсолютно.

Вот же че-е-ерт!

— У меня, если честно, не все гладко с дисциплиной Ларкинза, — неохотно признался Оуэн. — Но я готов помочь чем только смогу.

— Даже встанешь в полпятого утра? — беззлобно поддела я.

У мальчишки вытянулось лицо.

— Почему так рано-то?!

— Терпеть не могу зрителей. Особенно если они не заплатили за вход.

Я сорвала с вешалок всю одежду разом и отправила ее в картонную коробку. Переезд шел полным ходом.

— Ты же знаешь, что после этого форму придется гладить? — с неодобрением поинтересовался Оуэн и патетично добавил: — А камердинера, которого я мог бы тебе одолжить, у меня больше нет!

— Постараюсь пережить эту трагедию, — серьезно пообещала я.

— Кому пирога?

В комнату заглянула Гвен. В ее руках покоилось блюдо, источавшее сладкий аромат фруктов и ванили.

Мы с Оуэном переглянулись. Пожалуй, небольшой перерыв мы заслужили. Тем более что вещей у меня было немного и дело уже подходило к концу.

— Не откажусь, — сказал Оуэн и первым шагнул к Гвен. — Пахнет вкусно.

— Я сама испекла, — лучась улыбкой, ответила она. — Люблю домашние хлопоты.

Бывают же счастливые люди! У меня от одной фразы «домашние хлопоты» сводило скулы. Готовка так и вовсе теперь прочно ассоциировалась с жестяным ведром на костре. Спасибо жизни в деревне за столь экзотичные воспоминания!

— Так ты уже собралась? — Гвен оглядела комнату. — Даже баночки со стола убрала.

— У меня их и не было. — Я потянулась к пирогу и отправила кусочек в рот. Горячее тесто таяло на языке, оставляя после себя сладость фруктов. — Ты волшебница! — искренне воскликнула я.

Гвен мило покраснела, отмахнулась и тут же уцепилась за то, что, очевидно, ее задело.

— Так у тебя нет косметики? Совсем?

Я, увлеченная пирогом, молча покачала головой.

— Мы это исправим! Обязательно сходим с тобой в лавку на выходные!

— На территории академии есть магазины? — искренне удивилась я. — Ни одного прежде не видела.

— Нет конечно. — Гвен улыбнулась и, поставив блюдо на стол, опустилась в кресло. Я мельком подумала, что сапфировый оттенок ее платья прекрасно гармонировал с рыжим цветом волос. — Но они есть в городе, от которого академия отгорожена защитным куполом.

— Академию нельзя покидать без разрешения ректора, — напомнил Оуэн.

— У меня оно уже есть, — не без нотки гордости отозвалась Гвен. — Муж приезжал две недели назад и оформил его для меня. Думаю, тебе, Ари, тоже его сделают. Ты же новобрачная! Тебе нужно порадовать мужа новыми платьями!

— Вряд ли глава Тайной Канцелярии согласится ради меня сменить гардероб и переодеться в платье, — заметила я.

Оуэн подавился пирогом и закашлялся. Пришлось постучать его по спине. Гвен на пару минут замолчала, лихорадочно обдумывая мои слова, а затем рассмеялась.

— Ари, ты так смешно шутишь! — Она тут же сменила тему и с волнением посмотрела на меня. — Ты же не против, если я буду звать тебя так? Или тебе не нравится? Если так, то...

От щебетанья Гвен и скорости смены ее настроения у меня разболелась голова, но я постаралась не показывать виду. В конце концов, пусть мы и разные, но обе девушки, а значит, должны помогать друг другу.

— Нет, все в порядке, — сказала я. — Ари мне нравится.

Гвен захлопала в ладоши. Я подумала, что на фоне вечно молчаливого и смущавшегося Патрика такой бьющий фонтан эмоций, каким была Гвен, смотрелся забавно. Что ж, завтра же их и познакомлю. Патрик как раз закончит доклад, с которым окопался в библиотеке.

— Значит, решено, в выходные мы идем по магазинам.

Угу, представляю, как удивится фиктивный муж, когда я вернусь с огромным счетом.

— Вообще-то нет, — вставила я. Гвен непонимающе, даже обиженно посмотрела на меня, и пришлось пояснить: — У меня нет денег.

В комнате повисла пауза.

— У Эйверли достаточно средств, чтобы обеспечить жену, — медленно, словно не веря услышанному, проговорил Оуэн.

— Дорогая, он что, не дает тебе денег? — Гвен ахнула и, приблизившись, сочувственно сжала мои ладони. — Это ужасно!

Я потрясенно распахнула рот, но не сразу смогла выдавить связный ответ. Боже, как же все-таки сильно отличаются местные порядки от тех, к которым я привыкла. Даже в таких мелочах!

— Нет, то есть да... В смысле я просто не спрашивала. — Пришлось сделать глубокий вдох, чтобы успокоиться. — Я не стану брать деньги у мужа. Если мне что-то потребуется, я куплю это сама. Только сначала устроюсь на подработку, конечно.

Повисла такая гулкая тишина, что на мгновение показалось, будто я оглохла. Оуэн, очевидно, уже привыкший к моим чудачествам, отмер первым.

— Иномирянка, — сказал он, обращаясь к Гвен, и выразительно покрутил пальцем у виска. — Она и замуж не хотела выходить.

— Не может быть!

— Так. — Я едва удержалась от того, чтобы не топнуть ногой. — Вообще-то я все еще здесь и прекрасно вас слышу.

Гвен проявила тактичность и снова сменила тему.

— Хорошо, — задумчиво проговорила она, обходя комнату, — что еще вы не сложили? Я могу помочь.

Мой взгляд метнулся к одинокой коробке с одеждой и доверху набитому учебниками портфелю.

— Пожалуй, мы уже и сами управились, — честно сказала я.

Гвен потрясенно замерла.

— Иномирянка, — все таким же трагическим шепотом напомнил Оуэн.

Правда, в этот раз хоть у виска не покрутил, и на том спасибо!

Глава 14

Я как раз развесила одежду в шкафу, когда дверь комнаты распахнулась и порог переступил Джонатан.

— Добрый вечер, — вежливо поздоровался он.

Я покосилась на окно. И правда, на улице уже сгущались сумерки. Занятая сначала учебой, затем переездом, я и не заметила, как день подошел к концу. К тому же Оуэн и Гвен оставили меня одну всего пару минут назад.

— Добрый. — Я кивнула и захлопнула шкаф. — Я немного обжилась здесь. Если вы не против.

— Было бы странно, начни я протестовать, — рассеянно заметил Джонатан и скинул плащ.

В его руках высилась пачка писем.

— Что это?

Джонатан ослабил ворот рубашки и весьма грациозно опустился в кресло, закинув ногу на ногу.

— Аннулированные иски от тех, кто вызывал вас в суд. Вместе с извинениями, конечно.

— Вот как? — не без сарказма поинтересовалась я и, рухнув в соседнее кресло, дотянулась до ближайшего письма. — Передо мной извинились все пятьдесят семь человек?

— Вообще-то они извинились передо мной, а не вами. — Джонатан позволил себе легкую насмешку. — И не пятьдесят семь, а шестьдесят два. Еще пятеро выразили сожаление, что уже составили письменную претензию, но не успели отправить ее юристу.

Конверт выпал из рук и спланировал на ковер.

— Вы серьезно?

— Можете пересчитать письма.

Я потрясла головой и сложила руки на груди, словно защищаясь.

— Нет, я вам верю.

Джонатан несколько секунд изучал мое лицо, словно искал ответ на какой-то вопрос, а затем легко поднялся на ноги.

— Даже непривычно слышать эти слова в свой адрес.

— Почему?

— Мне редко такое говорят. — Он, не оборачиваясь, открыл дверцу прикроватной тумбочки. — Выпьете что-нибудь?

Я хотела съязвить насчет хранения алкоголя в тумбочке рядом с кроватью, но, поразмыслив, не стала этого делать. Нам с Джонатаном придется какое-то время жить вместе, и лучше не дразнить его. В конце концов по законам этого мира теперь я — его собственность. Да, он согласился на фиктивный брак, но моя безопасность ограничивается только его понятиями о порядочности.

— Нет, спасибо, — после паузы отказалась я: пить в компании новообретенного мужа показалась не лучшей идеей.

— Как знаете, — легко согласился Джонатан. — Тогда и я не стану.

Я вскинула бровь. Однако занятно. Если это была попытка спойть меня, то какая-то

вялая.

Мой взгляд пропутешествовал со стопки писем на огромную двуспальную кровать. Полог был отдернут, поэтому я с трудом отвела глаза от россыпи маленьких круглых подушек и переключила внимание на камин, в котором, несмотря на теплую погоду, горел огонь. Новая комната оказалась гораздо больше предыдущей. Обстановка смущала роскошью: керамические вазы с цветами, картины в роскошных рамах, позолоченная люстра... Все это было мне чуждо. На этом фоне Джонатан не казался таким уж незнакомцем. С ним у нас явно было что-то общее.

Ну да, мы же теперь женаты.

Я хмыкнула, и Джонатан это заметил.

— Простите, просто вспомнилось кое-что забавное.

— Вот как?

Я кивнула и решила, что лучше рассказать о разговоре с Гвен и Оуэном.

— Пожалуй, вас могут счесть скупцом. Я пообещала своим друзьям, что не возьму у вас денег.

Джонатан засунул руки в карманы. Его спина оставалась идеально прямой.

— Поверьте, меня давно не интересует общественное мнение.

Во мне снова проснулся профессиональный журналист. Я едва не зашарила рукой в поисках диктофона.

— Почему?

— Оно слишком предсказуемо и легко поддается корректировке.

— Интересно. Значит, я могу рассказывать о вас все что угодно?

Джонатан усмехнулся.

— Вряд ли любая из ваших фантазий хоть как-то навредит моей репутации. Обо мне и без того ходит множество неллицеприятных слухов.

Я помолчала и, постукивая указательным пальцем по губе, уточнила:

— Тех самых слухов, рождению которых вы сами же и поспособствовали?

Я била наугад, но, судя по тонкой улыбке Джонатана, попала в цель.

— Возможно, — ответил он и резко сменил тему: — По дороге мне встретился мэтр Ларкинз. Беднягу сильно смутило ваше желание сдать зачет самостоятельно. Кажется, он решил, что таким хитрым образом его проверяет Тайная Канцелярия. Пришлось разубеждать его в этом все четверть часа, что он преследовал меня.

Я фыркнула, стараясь не показать охватившего меня волнения. Не думала, что моя затея вызовет такой шум!

— У вас получилось его переубедить?

— Не уверен. В итоге я ушел порталом на середине его фразы. Учитывая, что он твердил одно и то же, вряд ли я упустил что-то интересное.

Сложенные в замок пальцы нервно хрустнули. Я поморщилась и, положив руки на подлокотники, сменила положение. Теперь я сидела, откинувшись на спинку кресла. Наверное, тем самым пыталась увеличить и без того немаленькое расстояние между мной и Джонатаном. Забавно, что я почти не колебалась перед Ларкинзом, но сейчас чувствовала себя на редкость... уязвимо.

— Знаю, это выглядит странно... — медленно протянула я, устремив взгляд чуть выше

его плеча, — посмотреть в лицо почему-то было неловко. — ...Но мне действительно важно получить этот зачет самостоятельно. Без каких-либо поблажек.

Джонатан серьезно кивнул и отошел к окну. Теперь он и вовсе стоял в противоположном углу комнаты. Между нами, как символ пропасти, лежал ковер.

Вот только, несмотря на все это, я не могла отделаться от чувства, что мы с Джонатаном сближаемся. Пожалуй, даже быстрее, чем можно было бы подумать.

— Можете не подбирать слов. — Он повернулся ко мне вполоборота и чуть отодвинул портьеру, чтобы взглянуть на раскинувшийся под окнами парк. — Я вас понимаю.

— Правда?

Он чуть выждал с ответом, словно раздумывал, стоит ли продолжать.

— Как ни странно, да.

Я вновь ощутила срочную потребность включить микрофон или хотя бы начать записывать. Подавшись вперед, я уточнила:

— Почему это должно быть странно? То есть, почему я удивляюсь вашей реакции, понятно. Но вы... Разве вы не привыкли ставить себя на место предполагаемого преступника и мыслить, как он?

Джонатан скупо улыбнулся.

— Вы заметили, что сравнили себя с нарушителями закона?

Я отмахнулась:

— Это просто метафора. А может быть и нет. Я часто игнорирую местные правила, так что меня вполне можно считать маргинальной и крайне подозрительной личностью. На вашем месте я бы поступила именно так.

Он обернулся и искоса посмотрел на меня. Я снова не смогла прочесть его взгляд.

— Ваши слова вторят моим мыслям. Тем забавнее становится тот факт, что я действительно вас понимаю.

Между нами легко молчание. Оно было таким тяжелым и физически ощутимым, что давило на плечи. Я помедлила, а затем профессиональный интерес взял верх над осторожностью и здравым смыслом.

— С самого начала вы единственный человек, относящийся ко мне как к равной. Можно поинтересоваться почему?

Если бы мы играли в пинг-понг, мяч бы ударил Джонатана в лоб и с глухим стуком отскочил в сторону.

— Кем вы были в прошлой жизни? — вдруг спросил он.

— Той, кто любил задавать вопросы.

По лицу Джонатана скользнула тень одобрения.

— Возможно, в этом все дело. Я тоже люблю ответы, но предпочитаю находить их без подсказок в виде скучных разговоров.

Мне бы обидеться, но я лишь развеселилась.

— Некоторые разговоры бывают на редкость занимательны.

— Сложно с вами согласиться.

Прозвучало это не очень вежливо, но я уже успела понять, что в случае с Джонатаном слова не так важны. Гораздо показательнее интонации. Сейчас в его голосе прозвучали

задумчивые нотки. Я не рассчитывала на продолжение и удивленно вскинула голову, когда он снова заговорил.

— Я всегда воспринимаю неприятеля всерьез, — негромко сказал он, смотря на меня в упор. — В этом ошибка многих благородных ринов: они считают тех, кто стоит ниже их на социальной лестнице, априори слабыми и глупыми. Я же никогда не позволяю себе недооценивать противника.

Я сглотнула. В воздухе пронеслось предчувствие шторма. Даже как будто стало темнее, словно солнце затянуло грозовой тучей.

— Это вы к чему?

Он пожал плечами:

— Вы спросили, почему я отнесся к вам без снисхождения. Я пояснил: потому что считаю вас опасным игроком, как и любого, чьи мотивы вызывают у меня сомнения. Пусть другие обманываются и видят лишь хрупкую девушку с милым личиком. Вы сложнее этого образа.

Пришлось прочистить горло и только потом вполголоса заметить:

— Впервые мне делают столь противоречивый комплимент. Даже не знаю... Наверное, спасибо?

Джонатан чуть склонил голову, принимая благодарность.

— В следующий раз я постараюсь выражаться более тактично, — то ли пошутил, то ли всерьез пообещал он.

— Боюсь представить, что мне в этом случае придется услышать, — хмыкнула я и, словно пробираясь по льду, добавила: — Я не уверена, что справлюсь одна. — Поймав его взгляд, я со вздохом пояснила: — Речь идет о тренировках перед зачетом по боевым искусствам.

Джонатан ответил с раздражающим равнодушием:

— Тогда придется поискать того, кто согласится вам помочь.

Я закатила глаза и с трудом поборола желание запустить в него книгой с полки. Даже Плющик, уловивший мое раздражение, проснулся и воинственно приподнялся в поисках врага. Не найдя такого, обиженно засопел и вновь обернулся браслетом.

— Намеков вы не понимаете, да?

— Отчасти, но не в этот раз. Простите, Ариана, но я не могу стать вашим учителем.

Меня окатило волной разочарования. Не то чтобы я всерьез надеялась, но все же... Перед глазами предстала картина нашей тренировки на рассвете. Почему-то в моей фантазии происходящее было окрашено в интимные сумрачные оттенки. Так-так-так, я что, увлеклась собственным фиктивным мужем?

Я потрясла головой, отгоняя наваждение.

— У меня нет времени и подходящей квалификации. Я не силен в боевых искусствах. Предпочитаю другие методы ведения дела.

— А еще это не очень интересно, верно? — наугад предположила я.

Джонатан кивнул и без намека на угрызения совести согласился:

— Вы правы.

Мне оставалось лишь горделиво фыркнуть. Ладно, я найду к кому можно обратиться за помощью. Предлагать что-то подобное фиктивному мужу было неразумно, я действовала импульсивно.

За время нашего разговора солнце почти село и в комнате действительно стало темно. Я, вспомнив нужную руну, щелкнула пальцами, но люстра не вспыхнула ровным желтоватым светом. Язычки пламени заплясали на свечах лишь после вмешательства Джонатана. Я поморщилась, ощутив себя бытовым инвалидом. Моей магии не хватало даже на такие простые вещи.

— Мне нужно отлучиться, — никак не прокомментировав мое фиаско, проговорил он. — Вернусь уже утром. Ложитесь спать без меня.

Взгляд снова метнулся к огромной кровати. Нам же еще и ночевать придется вместе! Интуиция подсказывала, что глава Тайной Канцелярии не согласится спать на ковре у камина.

— Хорошо, — после паузы откликнулась я. — Спасибо, что предупредили.

Он не ответил и молча активировал артефакт, открывший портал. Как только Джонатан исчез в чернеющем проеме, я с облегчением перевела дух.

Если каждая наша беседа будет такой же напряженной, самое время запастись валерьянкой и нюхательной солью.

«Таким образом на древнюю, зачастую темную магию при правлении короля Карла IV был наложен частичный запрет. Окончательно же от нее отказались, когда на престол вззошел его сын — Яков II. Опасные артефакты убрали под замок и отправили в ссылку в наиболее защищенное и отдаленное место королевства — в магическую академию, где за ними могли присмотреть должным образом».

Я захлопнула книгу и с раздражением отодвинула ее прочь. «История магии» была несложным, но скучным предметом. Ее вел седовласый мэтр, годившийся мне в дедушки. Его лекции отличались монотонностью и вызывали зевоту даже после десятичасового сна. Впрочем, не только у меня.

Патрик оторвался от учебника и пальцем поправил дужку круглых очков.

— Ты закончила с этим пособием?

— Да, и не только с ним, — устало сказала я и потянулась.

Затекие от долгого сидения мышцы громко хрустнули.

В читальном зале мы с Патриком были одни, так что никто не сделал мне замечания. Завтра утром у меня числился первый зачет — по истории магии, и я готовилась к его сдаче вместе с Патриком. Тот не только с легкостью нашел указанную преподавателем литературу, но и принес несколько дополнительных книг по этой теме. В библиотеке он ориентировался, как рыба в воде. Среди высоких колонн и холодных мраморных арок он смотрелся на редкость органично. Здесь к нему привыкли и даже частенько пускали в закрытые залы, позволяя самостоятельно выискивать нужные талмуды.

Конечно, заучивать давно потерявшие актуальность факты можно было бы и в комнате, но меня нервировало присутствие Джонатана. Вообще-то все три дня, что мы жили вместе, я видела его лишь по вечерам и то недолго — он куда-то вечно исчезал, — но сама вероятность его присутствия отвлекала от мыслей об учебе.

— Пожалуй, на сегодня все, — решила я и поднялась с жесткого стула. — Иначе еще немного, и голова взорвется от избытка информации. Ты идешь?

Живот негодуяще заурчал. Ему вторило порывивание раздраженного Плющика. В учебном порыве я напрочь забыла об обеде. И если я не замечала голода, то мой питомец явно считал иначе. Взгляд скользнул к настенным часам. Если поторопиться, можно успеть на ужин. На то, что от него осталось.

— Я еще немного позанимаюсь, — смущенно сказал Патрик. — Мне очень нужна стипендия.

С губ сорвался разочарованный вздох. Я тоже о ней мечтала, но чем дальше, тем с меньшим пылом. Мало того, что приходилось нагонять материал первых двух месяцев,

так еще пришлось столкнуться с тем, что никто толком не знал, как учить Проводника. Руны в моем исполнении не работали, и понять, заучила ли я материал, было сложно. Пока меня заставляли пересказывать теорию, но, чувствую, это временное решение...

— Ты не знаешь, где можно найти подработку?

Глаза Патрика потрясенно сверкнули за толстыми стеклами очков.

— Ты... тебе нужны деньги?

— Посоветуешь спросить у мужа, и я тебя покусаю, — честно предупредила я.

Он испуганно дернулся и, словно защищая, придвинул стопку книг, лежавшую на столе, поближе к себе.

— Я поспрашиваю. Возможно, найдется какая-нибудь вакансия.

— Буду благодарна, — со вздохом сказала я и добавила уже теплее: — Спасибо, что помогаешь мне с учебой!

Он снова смутился и кивнул.

— Мне несложно, правда.

Я улыбнулась и, коротко попрощавшись, направилась в столовую.

Как я и думала, ужин уже подходил к концу, поэтому я торопливо выставила на медный понос пару тарелок сразу и заняла столик у окна. На улице стремительно темнело, поэтому по начищенному до блеска паркету скользили тени от сотни свечей, ярко горевших в рожках люстры над головой. Я скормила Плющику несколько кусков мяса и уговаривала съесть немного гарнира (это плотоядное чудовище не особо жаловало вегетарианство), когда ко мне под села Гвен. В руках она держала кружку, от которой поднимался легкий пар.

— Решила выпить молока с медом перед сном, — с улыбкой пояснила она и обхватила кружку ладонями. — А у тебя хороший аппетит.

Я посмотрела на пустые тарелки, затем на сонного Плющика.

— Не только у меня.

В столовую зашла Оливия. Поставив на поднос одинокую тарелку, она обвела взглядом зал и при виде нас с Гвен едва заметно вздрогнула. Гордо подняв голову, Оливия прошла мимо и опустилась за стол напротив.

Я вновь сфокусировалась на непривычно тихой Гвен.

— Что-то случилось?

— Небольшие проблемы с курсовой, — уклончиво ответила она и улыбнулась через силу. — Ничего, я справлюсь. У тебя есть планы на завтра?

Я внимательно посмотрела на ее бледное лицо, задержала взгляд на появившейся морщинке между бровей, но решила не лезть в душу. Сейчас Гвен явно не хотела развивать неприятную для нее тему.

— Да, моя главная завтрашняя цель — не провалиться на зачете.

Гвен рассмеялась — негромко, но заразительно. Оливия неодобрительно покосилась на нас и поджала губы.

— А после того как справишься с этим, не хочешь немного развяться?

Я напряглась и отложила салфетку в сторону.

— Если ты о походе в лавку, то...

— Нет-нет! — Она замахала руками. — Я уже поняла, что тебе не нравится эта идея. Завтра к нам приедет выставка древностей. Обещают привезти драгоценности первых королей! — Видимо, моя реакция ее не впечатлила, потому что она торопливо вставила: — Я подумала, вдруг тебе это будет интересно.

Я вопросительно вскинула бровь, и Гвен со вздохом добавила:

— Вход бесплатный.

— Тогда я пойду.

Она просияла улыбкой, и я мельком подумала, что ее дружелюбие проснулось после объявления о нашем с Джонатаном браке. Солгу, если скажу, что меня это не напрягало, но в конце концов я могла и накручивать себя. А после хлестких слов Оливии о том, как нелегко девушке получить место в академии, я испытывала к Гвен сочувствие, смешанное с солидарностью. Это немного притупляло тщательно влепляемую в прошлой жизни подозрительность. К тому же мне безумно хотелось обрести подругу в этом чисто мужском обществе. Я впервые в жизни готова была проигнорировать голос интуиции.

Слух царапнул резкий скрип отодвигаемого стула. Оливия грациозно поднялась со своего места и, по-прежнему едва мазнув по нам взглядом, покинула столовую.

Мы с Гвен еще немного поболтали, а затем разошлись: теперь наши комнаты располагались в разных крыльях академии.

Поднимаясь по бесконечно длинной лестнице, я вновь погрузилась в сухие исторические факты, вычитанные в библиотеке, поэтому не сразу заметила, что свернула не в тот коридор. Лишь уткнувшись в тупик, почти полностью скрытый темнотой, я негромко чертыхнулась и уже развернулась, чтобы идти назад, когда чей-то протяжный стон заставил меня остановиться.

Кому-то нужна помощь?

Напрягая слух, я устояла в темноту, отделенную от меня невысокой аркой. За ее колонной угадывалось какое-то шевеление. Плющик проснулся и беззвучно клацнул зубами. Я на цыпочках подошла к стене, сняла ближайший факел и, выставив руку с ним, неуверенно шагнула вперед.

— Эй, вам плохо?

Яркий свет факела прогнал тени, плясавшие на стенах, и выхватил из темноты два страстно прижимавшихся друг к другу силуэта. Еще мгновение, и я рассмотрела лица. Мужские лица. Одно из них принадлежало Майклу.

А еще спустя мгновение до меня дошло, что стон мало походил на стон боли. И судя по распухшим от поцелуев губам застывшей в ужасе парочки, если кому-то здесь и требовалась помощь, то скорее мне, чем кому-либо еще.

— Э-э-э... Ладно, мальчики, я поняла. Простите, что помешала.

Я принялась торопливо отступать. Разинувший пасть Плющик никак не уменьшался (возможно, тоже подзавис), поэтому я потащила его за собой, как собачку на слишком длинном поводке.

— Ариана Роук! — рявкнул Майкл. — А ну стой!

— Не припомню, чтобы мы переходили на «ты»! — на ходу огрызнулась я и ускорила шаг.

За спиной после небольшой заминки раздалось негромкое: «Я сейчас вернусь» — и прозвучало это как-то не очень дружелюбно. Я выскочила в коридор, свернула к лестнице и, перескакивая через ступеньку, устремилась к спасительной двери спальни. Дыхание сбилось моментально, на лбу выступили капельки пота. Мельком в голову пришло, что с такой физической подготовкой мне никогда не сдать зачет у Ларкинза. Вот и стоило ли выделываться? Только себя опозорю.

Пальцы уже коснулись ручки, когда Майкл нагнал меня. Его тяжелая ладонь легла на мое плечо.

— Нам нужно поговорить.

Я неохотно обернулась. Плющик оживился и, извиваясь на манер кобры, затанцевал у лица Майкла. Тот поморщился, но не сдвинулся с места.

— Убери его. Тебе ничего не угрожает.

Я окинула Майкла оценивающим взглядом. Он выглядел мрачным и серьезным, синие глаза потемнели. В них можно было легко рассмотреть тревогу. На его губах не играла привычная похабная улыбка, из-за чего черты лица казались более жесткими, чем обычно.

— Ладно, давай поговорим.

— Не здесь. В коридорах полно ниш и тупичков.

Я усмехнулась.

— Говоришь со знанием дела.

Майкл напрягся, но сконфуженно промолчал. Я шикнула на Плющика и толкнула дверь.

— Заходи, чувствуй себя чуть менее комфортно, чем дома.

Майкл дернул уголком губ, оценив завуалированное предостережение, и настороженно перешагнул порог.

— Твой муж на работе?

Я заглянула в небольшую ванную комнату — никого.

— Можно поискать под кроватью или в шкафу, но похоже, что да.

Майкл немного расслабился и, покрутив головой, опустился в кресло. Поразмыслив, я последовала его примеру.

— Что ты думаешь? — резко спросил он и закинул ногу на ногу.

Я невольно оценила, насколько начищены у него туфли. Блестят так, что глазам больно. Вообще в его облике всегда сквозил эдакий небрежный шик, но мне и в голову никогда не приходило связать это с его ориентацией. Да и в принципе от него за версту разило такой маскулинностью, что я до сих пор задавалась вопросом, не показалось ли мне.

Впрочем, судя по реакции, я все поняла правильно. Вряд ли он обнимал того парня, чтобы продемонстрировать какой-нибудь борцовский прием. Не припомню ни одного правила по самообороне, начинающегося с совета поцеловать нападающего.

— Думаю, что переход на «ты» был весьма неожиданным. Но теперь уже глупо «выкать».

Майкл раздраженно дернул бровью.

— Я серьезно.

Он был весь как натянутая струна, как игрок, вынужденный блефовать с плохими картами, и я смягчилась.

— Слушай, то, что тебе нравятся мальчики, — только твое дело. Меня это вообще не волнует. Хотя нет, подождите-ка! — Я обвиняюще навела на его грудь указательный палец, как дуло пистолета. — Зачем, ради богов, ты преследовал меня, если женщины тебя не интересуют?!

Он поморщился — с легким сожалением и раздражением одновременно. Его длинные

пальцы нервно сжали подлокотники кресла.

— Прости, — проговорил он, и, как мне показалось, вполне искренне. — Это было жестоко. Особенно тот поцелуй в столовой в первый день знакомства.

— Тот несостоявшийся поцелуй, — поправила я.

— Да, ты тогда ловко осадил меня, — с одобрением заметил Майкл. — И вовремя!

Я хмыкнула. Ситуация становилась все более забавной.

— Если тебе так противна мысль о поцелуе со мной, мог бы не наседать.

Вместо ответа раздался тяжелый, полный страдания вздох. Он разбудил во мне любопытство, и я подалась вперед.

— Что, все так плохо?

— Не представляешь, как сложно жить во лжи. Постоянно приходится держать в голове массу вещей... Иногда я хожу по самому краю обрыва и думаю, что в этот раз уж точно сорвусь.

Я чуть помедлила, уже понимая, что услышу, но все равно поинтересовалась:

— Почему ты не признаешься родным?

Он вскинул голову. Его лицо с красиво очерченными скулами будто одеревенело и превратилось в маску. На нем ярко горели лишь глаза, но в них плескался ужас.

— Могу я надеяться, что ты никому не скажешь? Понимаю, ты хочешь отомстить, но, поверь, весь этот цирк и мне не приносит никакого удовольствия.

— Так почему не прекратишь его?

Майкл сжал руку, лежавшую на подлокотнике, в кулак. Костяшки его пальцев побелели.

— В обществе такое... поведение считается недопустимым. Если я скажу о том, что женщины меня не интересуют, подвергнусь насмешке и презрению. Родные отвернутся от меня и лишат наследства, о хорошей работе после завершения учебы можно тоже забыть.

— Не самые радужные перспективы.

Видимо, я сказала это слишком спокойно, потому что Майкл сверкнул глазами, а потом отвел взгляд в сторону.

— Я вынужден постоянно распускать слухи о своих любовных победах, поддерживать репутацию ловеласа, что, поверь, непросто. Но несмотря на все мои старания, отец все равно что-то заподозрил! Именно его письмо заставило меня при нашем знакомстве... повести себя так резко.

Сердце кольнуло сочувствие. Конечно, наличие у него проблем никак не оправдывало того факта, что он создавал их мне, но почему-то злиться уже не получалось.

— На вечеринке у Оливера, — медленно начала я, — ты ведь был не так уж и пьян, верно?

Майкл чуть нервно дернул носком туфли.

— Я сильно перебрал, но соображал, что делаю. Мы с Оливером заключили договор. Я пугаю тебя, он — героически спасает из моих грязных лап.

Последнее он произнес с нотками пафоса. Его губы чуть дрогнули в намеке на улыбку.

— Так себе план, — честно сказала я и фыркнула.

Майкл лишь развел руками:

— Его разрабатывал не я.

Мне вдруг стало весело, и пришлось куснуть щеку изнутри, чтобы не рассмеяться.

— Да, твои решения обычно более изящны: например, напасть в столовой, чтобы публично скомпрометировать.

Майкл насупился, но ненадолго. Видно, завышенной самооценкой он не страдал.

— Туше. Твоя взяла.

Повисла пауза. Я лениво размышляла, должна ли предложить ему чаю, или уже можно выпроводить за дверь. Новость о сексуальной ориентации Майкла меня ошарашила, но не потрясла. В прошлой жизни мне доводилось узнавать и более шокирующие новости из жизни идеальных с виду людей. Да и потом, это не мое дело.

— Послушай, — Он тоже подался вперед и уперся локтями в колени, — я не знаю, что предложить тебе за молчание. У меня есть деньги, но тебе они вряд ли нужны.

С моих губ сорвался нервный смешок. Наверное, Майкл еще ни разу в жизни не ошибался так, как сейчас. Возможно, Джонатан и был богат, но одалживать у него казалось мне кощунством. Так что я бы не отказалась от денег. Но, конечно, не от полученных шантажом.

— Не волнуйся, я умею хранить тайны. Мне ничего от тебя не нужно.

Майкл смерил меня скептическим взглядом, словно сомневаясь в правдивости моих слов, и, качнув головой, медленно продолжил, будто перебирая варианты:

— Я могу помочь тебе с зачетами. Мой дядя — ректор, и если я сильно попрошу...

— Мне действительно ничего не нужно. Забудь.

Майкл досадливо цокнул языком.

— Я не привык быть в долгу. Да и мне самому будет спокойнее. Брось, должно же быть что-то, чем я могу быть тебе полезен?

Я уже хотела горделиво фыркнуть и все-таки выставить его за дверь без всякого чаепития, как меня осенило.

Откинувшись на спинку кресла, я скрестила руки на груди и склонила голову набок. Под моим долгим взглядом ему стало неловко.

— Что? — спросил он.

— Ты выглядишь спортивным, — заметила я.

— И?

— Скажи-ка, а как у тебя с дисциплиной Ларкинза?

— Я лучший на курсе.

По моим губам скользнула хищная улыбка. При виде нее Майкл напрягся еще больше.

— Значит, по рукам, — решила я. — Ты натаскиваешь меня, помогая сдать зачет, а я храню в тайне твой секрет.

Он засмеялся, а затем закашлял и под конец придушенно выдавил:

— Ты не шутишь, да?

Я едва не процитировала Эйверли: «Если я пошучу, вы это заметите» — но вовремя прикусила язык. Вот ведь! Не зря говорят, что с кем поведешься, от того и наберешься.

Многозначительное молчание сказало все за меня.

— Да ты с ума сошла! — в ужасе выдохнул Майкл. — Ни одной девушке не пройти полосу препятствий!

— Немного не так. Просто ни одна девушка ее не проходила, но это не значит, что это невозможно в принципе.

Он ослабил шейный платок, а затем и вовсе сорвал, будто тот душил его.

— Тебе разве не предлагали поставить зачет автоматом?

— Да, было такое. Но мне это неинтересно.

— Боги! Вот же жена досталась Эйверли! Хорошо, что хоть не мне...

«Присмотритесь к рину Берчу. С ним не будет хлопот».

Эти слова, сказанные Джонатаном на вечеринке у Оливера, вспыхнули в памяти и рассыпались золотистыми искрами. Я потрясенно приоткрыла рот. Значит, он знал об ориентации Майкла?

— А он не станет протестовать против наших тренировок?

Я подняла глаза от ковра на полу на сидевшего напротив Майкла. Кажется, он смирился с неизбежным. Во всяком случае выглядел мрачно и торжественно, как на похоронах дальнего, не особо близкого родственника.

— Нет.

— Уверена?

— Тебе принести письменное разрешение?

Он кисло посмотрел на меня.

— Пойми правильно, никому не хочется злить главу Тайной Канцелярии. Вот и я не стремлюсь получить в качестве подарка коробку с отрезанной головой своего любимого кота.

— У тебя есть любимый кот?

— А остальную часть фразы ты пропустила мимо ушей?

В этот момент по двери пробежало защитное заклинание, и ручка дернулась. Порог переступил Джонатан.

Глава 15

При виде моего мужа Майкл резко вскочил на ноги, сделал два торопливых шага, зацепился носком ботинка за ковер и едва не рухнул на пол. Я удержалась от иронии и не поинтересовалась, точно ли он лучший на курсе по дисциплине Ларкинза. Сейчас его ловкость вызывала вопросы.

— Рин Эйверли! — воскликнул Майкл с таким пылом, будто ждал моего мужа как минимум несколько лет. — А я... я зашел к вашей жене за книгой. Вот за этой.

Он не глядя схватил ближайшую книгу с письменного стола. Ее название тускло блеснуло в свете свечей и заставило меня возмущенно подняться.

— Рин Берч, вы, наверное, имели в виду вот эту книгу. — Я быстро подменила том в его руках на другой, тоже утащенный со стола. — А по той, что вы хотели забрать, мне завтра сдавать зачет.

Майкл смутился, но ненадолго. Почти тут же он воспрял духом и одарил меня светской улыбкой.

— Конечно. Простите, перепутал.

Джонатан вопросительно вскинул бровь.

— Не думал, что вам может понадобиться женский сонник.

Мы с Майклом одновременно уставились на книгу в его руках. Точно! Этот сонник притащила Гвен пару дней назад, когда я пожаловалась на кошмары. Вот же черт!

— Никогда не знаешь, что именно пригодится, — как ни в чем не бывало заметила я и решительно подтолкнула Майкла в спину. — Вернете, как сможете. Не благодарите.

— Не буду, — сквозь зубы прошипел он и, чуть склонив голову перед Джонатаном, торопливо метнулся к выходу. — Всего хорошего, рин Эйверли!

Вообще-то я тоже здесь! Мог бы и со мной попрощаться.

Хлопнула дверь, и мы с мужем остались наедине.

— Это не то, что вы могли подумать, — на всякий случай сказала я.

Скорее на автомате, чем из желания оправдаться.

— То есть вы не стали просить рина Берча позаниматься с вами, чтобы подготовиться к зачету у мэтра Ларкинза?

Я хмыкнула. Наверное, со стороны Джонатан и казался скучным и пугающим типом, но разговор с ним всегда доставлял мне наслаждение. Было что-то в его манерах и речи, вызывавшее уважение и желание соответствовать. А еще почти всегда в его словах мне чудилась легкая усмешка умного взрослого человека, вынужденного на равных общаться с детьми из песочницы.

— Что ж, тогда вы все поняли правильно, — со вздохом облегчения проговорила я и тут же добавила: — Вы знали.

— О чем? — рассеянно поинтересовался он и скинул с себя плащ, предварительно вытащив из кармана письмо.

— О том, что Берча женщины не волнуют вовсе.

Я с нетерпением ждала ответа и была немного разочарована, получив вместо него небрежное пожатие плеч.

— Мне казалось, это очевидно, — после паузы все-таки сказал он и протянул мне конверт. — Это вам.

Я недоверчиво покосилась на письмо.

— Очередное извинение?

— Нет, весточка от ваших родных.

Я неуверенно подняла руку и несмело взяла послание. В душе зародилось нехорошее предчувствие. С чего бы им мне писать? Наши отношения едва ли можно было назвать теплыми.

— Не думала, что они вспомнят обо мне.

— На днях я связался с ними, чтобы известить о нашем браке, и заодно отправил ту сумму, что вы им обещали.

— Вы... что?!

Я ослышалась. Наверняка! Не мог же он в самом деле взять на себя мои обязательства! Наш брак фиктивный.

— Это был импульсивный поступок, которым я не горжусь. Так что не заставляйте меня повторно делать это признание. Уверен, вы все поняли и с первого раза.

Джонатан прошел мимо меня и с легким раздражением открыл шкаф. Я, пытаясь переварить информацию, молча смотрела на то, как он раздевается. Лишь когда его пальцы принялись за пуговицы на рубашке, я спешно отошла к окну.

— Зачем?

— Чувствую себя виноватым за то, что рассказал всем о вашем даре и заставил поступить в академию.

Я задумчиво провела по рисунку на портъере и чуть отодвинула ее в сторону, чтобы слепо уставиться в темное окно. За ним медленно вступала в свои права ночь. Краем уха я уловила шуршание одежды. Джонатан решил окончательно раздеться? Нет, понятно, что это и его комната тоже, но раньше он предпочитал спать где-то в других местах, и я расслабилась.

— Хорошо, что вы это сделали, — медленно произнесла я. — Иначе бы мне пришлось сгинуть в этой деревеньке. Ужасное место.

На память пришла сцена в столовой. Наверное, разговор с Майклом разбередил воспоминания о первом дне в академии, потому что на память пришла сцена в столовой. Помнится, тогда я видела там Джонатана в первый и последний раз. Значит ли это, что он, чувствуя вину, беспокоился обо мне?

Я посмотрела через плечо и, натолкнувшись взглядом на мужской торс в узких черных брюках, торопливо повернула голову обратно к окну. Вот только мысли теперь носились не так далеко от этой комнаты, поэтому в темном стекле я разглядела не только свое отражение, но и Джонатана тоже. Обнаженного Джонатана.

Я сглотнула. Несмотря на некоторую нечеткость, картина была довольно привлекательная. Понятия не имею, почему он сказал, что не силен в боевых искусствах. Сложен он был так, будто прекрасно мог постоять за себя: крепкие мышцы спины и плеч, хороший пресс, пусть и без кубиков, длинные мускулистые ноги... Джонатан стоял ко мне боком, так что я успела хорошенько все рассмотреть. Ну, почти все.

Пришлось ущипнуть себя за руку, чтобы вспомнить суть разговора.

— Я верну вам деньги.

— В этом нет необходимости.

— Вот уж неправда!

Я по-прежнему стояла спиной к нему, поэтому не смогла рассмотреть его лица, но тот едва слышный обреченный стон разобрала вполне отчетливо. Вместо развития темы

Джонатан, как обычно, предпочел ретироваться. Хорошо, что в этот раз без помощи портала!

— Полагаю, вам не нужна ванная комната?

Интересно, если я сейчас отвечу, что очень даже нужна, он оденется или будет ждать в обнаженном виде? Станные вещи меня волнуют, ох странные...

— Она в вашем полном распоряжении.

Мои слова сопровождал хлопок двери и раздавшийся следом шум воды. Вопрос Джонатана носил явно риторический характер. Во всяком случае ответ его не интересовал.

Я обернулась и, нервно заложив руки за спину, прошлась по комнате. Взгляд то и дело возвращался к огромной кровати с откинутым балдахином. Ладно, я взрослая независимая женщина! У меня даже кот был. В прошлой жизни. Уж как-нибудь переживу ночевку с фиктивным мужем. Тем более что размер постели внушал оптимизм: при желании на ней разместилась бы если не рота солдат, то небольшой полевой отряд. Если тихонько лечь с краю, шансы, что Джонатан даже не заметит моего присутствия, весьма велики. Ну а на остальные случаи у меня есть Плющик и команда «фас!».

Прислушиваясь к шуршанию льющейся воды за тонкой дверью, я торопливо разделась и, оставшись в одной нижней рубашке, нырнула под одеяло. Тут же раздалось недовольное сопение Плющика — он не любил темноту. Пришлось вытянуть руки поверх покрывала и замереть на манер благовоспитанной выпускницы женского пансионата: идеально ровная спина, руки по швам, одеяло натянуто по самую грудь. Даже волосы заплетены в косу, так что наверняка я выгляжу, как сама скромность. Ни намек на непристойные мысли, одолевавшие меня пару минут назад. Тем более что они быстро уступили место панике. Усложнять наши с Джонатаном и без того своеобразные отношения не стоит. Поэтому натягиваем одеяло повыше и делаем вид, что спим.

Вживаясь в образ, я сонно засопела, но вышло на редкость фальшиво. И потом, не будет ли моя внезапная дрема выглядеть слишком фальшиво? Все-таки десятый час. Поздно, конечно, но не настолько, чтобы улечься спать.

Поколебавшись, я воровато выскочила из постели, схватила со стола учебник по истории магии и снова запрыгнула под одеяло. Вот так, пожалуй, лучше. Займусь делом, ведь завтра с утра меня ждет зачет.

Дверь в ванную комнату приоткрылась. Я, состряпав самое невозмутимое лицо, затаила дыхание. Мимо прошел Джонатан в темно-коричневом мягком халате. Его волосы были мокрыми и немного взъерошенными. Видно, он подсушил их полотенцем. До меня донесся слабый аромат мыла с нотками сандала, и я с еще большим энтузиазмом уставилась в учебник, но строчки расплывались перед глазами.

— Скучная книга?

— С чего вы взяли?

— Вы держите ее вверх ногами. Я подумал, для того, чтобы интереснее было читать.

Я раздраженно скрипнула зубами и, поморщившись, как от касторки, перевернула учебник.

Вспыхнул свет ночника, стоявшего на тумбочке со стороны Джонатана. Он тоже устроился в постели и раскрыл книгу с едва читаемым, истершимся названием. Как я ни всматривалась, смогла разглядеть только первое слово «Ритуалы». М-да, неудивительно, что о нем ходили пугающие слухи — вряд ли речь о брачных ритуалах.

Вспомнив о весточке из деревни, я с разочарованием покосилась на письменный стол, куда бросила ее, пока раздевалась. Если я хочу заглянуть в послание, придется встать. С одной стороны, совершенно нет желания мелькать перед фиктивным мужем в нижней сорочке. С другой стороны, дома даже летние сарафаны выглядели более провокационными, чем это рубище в пол.

Пока я терзалась нравственными вопросами, Джонатан легко повел рукой. Пальцы так мимолетно вывели руну, что я даже не опознала ее. Конверт на столе дернулся, словно от порыва ветра, и спланировал мне на колени.

Я вскинула бровь. Определенно, от главы Тайной Канцелярии сложно что-то утаить. Если он даже невысказанные вслух желания умеет предугадывать.

— Спасибо.

Он равнодушно кивнул и молча перевернул страницы. Его глаза быстро скользили по строчкам. Казалось, он снова забыл о моем присутствии.

Я пожала плечами и потянулась к письму. Сломав печать, вытащила листок дешевой желтой бумаги и попыталась разобрать скачущий почерк Иона. Из всей семьи он единственный умел читать и писать. Во многом это была заслуга заезжих магов. Некоторые из них обучали детей грамоте. Правда, большинство деревенских мальчишек игнорировали эту ненужную премудрость, но Ион довольно легко ее освоил. Почти освоил.

Я с трудом пробралась сквозь обилие орфографических ошибок, чтобы уловить суть: «родители» счастливы, что я нашла себе щедрого мужа. Мой долг перед ними полностью уплачен, но если я буду так добра, что когда-нибудь возьму к себе в услужение кого-нибудь из младших... Я проскочила эти полные фальшивого самоунижения строки, написанные явно под диктовку, и мазнула глазами по финальному абзацу. Ион спрашивал, все ли у меня хорошо. Пустой конверт показался слишком тяжелым, и я вновь заглянула внутрь. Еще одно письмо? Нет, вместо него меня ждал... одинокий, местами погрызенный леденец. Вряд ли его вложил кто-то из «родителей». В глазах защипало. Не могу сказать, что мы были близки с «братишкой», наверное, поэтому его детская забота тронула меня до слез. Представляю, чего ему стоило оторвать от сердца леденец и отправить мне. В этом было что-то такое искреннее, что сама мысль, будто он сделал это, чтобы «задобрить» меня, казалась кошунственной. В конце концов Ион всегда был порывистым и добрым мальчишкой.

Я бережно вернула письмо в конверт и отложила на тумбочку. Настроение читать учебник окончательно пропало. Впрочем, уснуть я бы тоже не смогла. Покосившись на сосредоточенного Джонатана, не удержалась от вопроса:

— Вы любите книги?

— Да.

В памяти всплыла сцена допроса в кабинете ректора. Тогда он тоже читал.

— Почему?

На лице Джонатана снова промелькнуло страдальческое выражение, которое я стала замечать при попытке вытянуть его на откровенность. Такое чувство, что он боролся с желанием огреть меня подушкой.

— Есть несколько причин, — неохотно отозвался он.

— Например?

Я ничего не могла поделать со вновь вспыхнувшим любопытством. Тайнственность и немногословность Джонатана буквально подталкивали меня к расспросам. Подозреваю, что со стороны это выглядело назойливо и даже неприлично.

— Знание — сила. Ее можно найти в книгах. Это первая причина.

Я куснула губу, чтобы не влезть с замечанием о том, что для многих знание — это бремя. Джонатан и так отвечал медленно, будто колебался, и спугнуть его мне не хотелось.

— А вторая?

— Чтение убивает скуку.

— Как во время моего допроса?

По его губам скользнула тонкая улыбка.

— Например, да. Детектив Хопер меня разочаровал. Слушать его было бы пустой тратой времени.

Я хмыкнула, встречаясь с прямым взглядом Джонатана. Его темно-зеленые колдовские глаза смотрели на меня без прежней отстраненности. Несмотря на размеры кровати, он лежал на расстоянии ладони от меня. Откинутое в сторону одеяло не скрывало халат, чуть распахнутый на крепкой груди. Почему-то эта картина заставила смутиться. Впрочем, я все равно успела заметить его скрещенные лодыжки и мускулистые поджарые ноги, видневшиеся в полах халата.

Я моргнула и предпочла уставиться в потолок. Слава богу, до зеркальных потолков здесь пока не додумались!

— Что-нибудь еще? — кашлянув, поинтересовалась я, с трудов вспомнив, о чем вообще шла речь.

Джонатан помолчал и, когда я уже перестала ждать ответа, заговорил вновь:

— Книги — предмет роскоши, хотя благородные рины вряд ли об этом задумываются. Бедняк, выбирая между куском хлеба и книгой, всегда выберет первое. — Он отвернулся. Сердце кольнуло сочувствие. Его профиль на фоне наполовину откинутого балдахина выглядел одиноко и отчужденно. — В детстве я с жадностью проходил мимо книжной лавки — единственной в своем районе. Я не заходил внутрь, потому что хозяин, только завидев меня, гнал прочь. Денег у меня, конечно, не было, и он знал об этом. Я был бы рад просто поддержать в руках увесистый том, провести пальцами по кожаному переплету, но мне не позволяли этого сделать.

— Это жестоко, — тихо сказала я и тут же пожалела об этом.

Джонатан вновь замолк. Казалось, мое замечание спугнуло его, как шорох охотника, заставляющий зайца торопливо залечь обратно в нору.

— Простите, я не должна была комментировать, — виновато призналась я. — Иногда я не могу сдержаться. Особенно когда дело касается несправедливости.

— Да, вы довольно импульсивны, — согласился он и обернулся. — Это было понятно уже на болоте. Вы полезли спасать чужого вам человека, рискуя жизнью. О своем даре, как я понимаю, вы тогда не знали.

— Нет, не знала.

— Даже сложно сказать, чего больше в таком поступке: благородства или безрассудства.

Почему его сухие слова вызвали у меня румянец на щеках? В них проскользнул завуалированный комплимент или мне показалось?

— Наверное, это неважно, — сказала я скорее себе, чем Джонатану.

— Возможно, — согласился он и захлопнул книгу, будто подводя итог. — Думаю, уже поздно.

— Да, конечно.

Я тряхнула головой, отгоняя яркую картину, где маленький голодный мальчик заглядывает в окна книжной лавки, и торопливо положила учебник на тумбочку.

— Не могли бы вы снять браслет?

Я напряглась и с опаской покосилась сначала на Джонатана, затем на Плющика.

— Зачем? — поинтересовалась я с подозрением.

— Временами мой сон довольно беспокойный. Меньше всего мне бы хотелось, чтобы ваш

питомец среди ночи посчитал меня угрозой.

— Плющик не нападает без причины!

— Уверен, что так, но рисковать не стану. Впрочем, у вас всегда есть выбор.

Проследив за направлением его руки, я помрачнела: спать в кресле мне вовсе не улыбалось. Образ несчастного маленького Джонатана мгновенно потускнел. Тяжело кому-то сочувствовать, когда злишься на него.

— Благодарю покорно, — огрызнулась я, — сами спите в кресле, раз оно вас так привлекает.

Под его настойчивым взглядом мне все-таки пришлось расстаться с питомцем и положить его на тумбочку. Плющик моментально ожил, заплясал на отполированной поверхности, а затем снова свернулся браслетом.

— Спасибо, — коротко сказал Джонатан. — Если почувствуете, что среди ночи я перебрался на вашу половину, просто разбудите меня. Во сне я плохо себя контролирую.

Я сощурилась.

— Надеюсь, вам не стоит напоминать, что наш брак фиктивный, и объяснять значение этого слова?

— Нет, не стоит тратить на это время, — вежливо проговорил он и выключил ночник. — Спокойной ночи.

— И вам тоже, — мрачно откликнулась я.

Ночь прошла на удивление спокойно. Проблемы начались позже.

Глава 16

— Значит, он питается мясом?

Карандаш в руках Райли поспешно скользил по бумаге. Мэтр записывал мои слова, сидя за столом. Чуть поодаль, среди горшков с растениями, увивавшими лабораторию, копошился Плющик. Он развлекался тем, что ловил языком летающих среди цветов пчел. Судя по смачному причмокиваю, они казались ему забавным деликатесом — хрустящим и немного остреньким.

— Да, он плотоядный. Ни разу не видела, чтобы у него вызывали интерес крупы или овощи.

— Очень любопытно, — пробормотал Райли и вернулся к опросу. — Как часто он покидает вас?

— Крайне редко. Только если я сама снимаю его с руки.

— Такая сильная привязанность?

— Да, наверное.

В лаборатории, больше напоминавшей теплицу, было душно и влажно. Аромат сотни цветов смешивался с запахом мокрой земли и заставлял голову кружиться. Естественный свет здесь заменяли магические лампы и иллюзия ясного неба. Если бы я не чувствовала магические потоки и не помнила, что лаборатория находится в подвале, никогда бы не подумала, что глаза меня обманывают. Райли настоял встретиться сразу после зачета по истории магии, чтобы понаблюдать за Плющиком в «полевых» условиях. С момента той злополучной пары, на которой пропал кинжал, мы встречались уже дважды. Сценарий у таких деловых свиданий был один и тот же: я отвечала на множество разных вопросов, а Райли записывал мои ответы. В прошлый раз он попытался измерить Плющика по основным показателям (рост, вес и длина зубов), но не особо в этом преуспел. Мой питомец обладал норовом, с которым даже я не всегда могла совладать.

— Уверен, что к концу месяца у меня будет достаточно сведений для выступления на конвенции магов, — довольно заметил Райли, ненадолго отвлекаясь от своего отчета.

На его длинном и худом лице проступила победная улыбка, и я ненадолго отвернулась, чтобы фыркнуть в сторону. Его тщеславие скорее забавляло меня, чем отталкивало. В конце концов именно оно сохранило жизнь Плющику.

Мысли невольно вернулись к тому дню, когда это произошло, и я, поколебавшись, осторожно спросила:

— Полиции удалось найти артефакт? Тот кинжал, что пропал.

— К сожалению, нет, — без всякого интереса ответил мэтр, не отрываясь от записей. — Ну, вас-то после такого удачного замужества это не должно волновать.

От подобных комментариев у меня скоро начнет дергаться глаз. Почему-то все вокруг были уверены, что, выйдя замуж, я должна перестать волноваться обо всех земных проблемах разом. Как будто бы Джонатан был волшебником, способным решить все мои проблемы.

Я постаралась отмахнуться от раздражения. В конце концов всего полчаса назад я сдала зачет по истории магии. Конечно, оставалось еще четыре предмета (включая дисциплину Ларкинза), но настроение у меня все равно было отличное. Не позволю его испортить.

— И все-таки, пока не найдут артефакт, мне будет беспокойно, — больше себе, чем Райли, сказала я.

Мое собственное расследование зашло в тупик, так и не начавшись. Меня сильно подкосила вечеринка у Оливера и последовавшие за этим события, из-за которых вопрос

выживания затмил остальные. Затем на меня навалилась учеба. Так что к тому инциденту с кинжалом я не возвращалась даже в мыслях.

— Главное — не попадайте больше в неприятности, — рассеянно посоветовал Райли и, сощурившись, растянул сантиметровую ленту в руках, а затем навел ее на Плющика. — Хм... Примерно так.

— Непременно, — пообещала я и сменила тему. — Мэтр, я видела объявление на доске в холле. Вы ищите человека, который бы помогал вам в лаборатории?

Джонатан отправил деньги «отцу», но я была полна решимости вернуть ему долг.

— Да. У вас есть кто-то на примете?

Я кашлянула и скромно потупилась, вновь примеряя на себя роль выпускницы пансиона благородных девиц.

— Есть. Я.

Райли оторвался от бумаг и недоуменно нахмурился. Прошла целая вечность, прежде чем он ответил:

— Нет.

Я едва не взвыла от разочарования. За время долгой паузы я уже всерьез понадеялась, что услышу совсем иное.

— Но почему? Если вас волнует то, что я не справлюсь...

— Меня волнуют возможные недопонимания со стороны вашего мужа, — холодно отрезал Райли и, убрав со лба прядь медных, как ржавая проволока, волос, заметил: — Удивительно, насколько мы с вами разные. А ведь говорят, что иномирнин иномирнина видит издали...

Я замерла. Мозг лихорадочно заработал, обдумывая информацию.

— Вы... тоже не местный?

Он кивнул.

— Обмен произошел давно, еще в детстве. Мне повезло, что мой возраст в прошлой жизни совпал с возрастом в этой. Как-то я разговаривал со стариком, угодившим в тело годовалого малыша...

Я оглянулась, нашла глазами стул и торопливо придвинула его к столу, чтобы устроиться поудобнее. Рука зашарила в поисках микрофона, и я раздосадованно цыкнула, не обнаружив его. Пришлось покоситься на записи Райли и вежливо попросить не только пару чистых листов, но и карандаш.

Мэтр крайне удивился, но просьбу выполнил. Осуждающих ноток в его голосе я постаралась не заметить.

— Расскажите поподробнее о своем опыте, — деловито начала я. — Что вы почувствовали? Как быстро привыкли к новой реальности?

Вопросы сыпались из меня один за другим. Я чувствовала себя как рыба в воде, и, видимо, эта уверенность смутила Райли и заставила не выгнать сбрендившую студентку за дверь, а вступить с ней в диалог.

Ну и, думаю, в не меньшей степени тому поспособствовала репутация Джонатана. Никто не хотел его злить и обижать его жену. Пожалуй, я все-таки удачно вышла замуж.

— Значит, вы довольно легко адаптировались?

Райли снова кивнул. По его словам выходило, что он попал сюда из того же мира, что я (или из очень похожего места, которое тоже называли Землей), но из другого временного отрезка: прямиком из начала двадцатого века.

— Вы не пытались воссоздать те технические штуки, которые видели дома? Например, телефон.

— Нет. Во-первых, будучи ребенком, я никогда не интересовался принципом их работы, а во-вторых, оглянитесь! Мы живем в магическом мире. Магия здесь заменила технику. Зачем изобретать лампочку, когда есть негаснущие волшебные свечи?

Я торопливо кивнула. Вопрос я задала для проформы и чтобы сравнить впечатления. Сама я пришла к этому же выводу еще на вечеринке у Оливера, когда увидела у Джонатана подслушивающие устройства. Этот мир развивался не так, как мой. В каких-то вещах прогресс почти нагонял мое время, но в других отставал со страшной силой. Думаю, причина крылась именно в магии.

Записывая рассказ Райли, я понимала, как странно выгляжу со стороны, но чувствовала себя счастливой: ко мне вернулся кусочек прошлой жизни, пусть и ненадолго. Чем дольше длилось спонтанное интервью, тем охотнее говорил Райли. Войдя в раж, он уже не напоминал холодную рыбину, с которой прочно ассоциировался до этих пор.

— Как приятно встретить столь эмпатичного человека, — радостно заметил он на прощание. — Редко кто умеет так внимательно слушать!

— Благодарю, — скромно откликнулась я, мысленно усмехаясь: тщеславие и здесь сыграло с Райли злую шутку. — С вами очень интересно разговаривать. Вы не будете против, если некоторые детали нашего с вами разговора станут достоянием общественности?

— Что вы. Уверен, вы нашли для себя несколько бесценных мыслей, которые могут пригодиться и остальным. А как именно вы хотите предать это огласке?

— У меня есть одна идея, — уклончиво ответила я. — Если не возражаете, я сообщу вам детали позже.

Райли разочарованно кивнул и, заинтересованно вытянув длинную цыплячью шею, проводил взглядом сделанные мною записи, которые я подхватила со стола.

— Буду ждать, — коротко сказал он.

Я подозвала наевшегося пчел Плющика и посадила на руку. Тот сонно свернулся браслетом и, кажется, задремал. Уже повернув в сторону кабинета ректора, я вспомнила, что обещала Гвен сходить с ней на выставку. Взглянув на часы, я тихо чертыхнулась и направилась к общежитию. Ладно, слово нужно держать, а к Абрамсу зайду попозже.

При виде открывшей дверь Гвен я вскинула брови.

— Кажется, я не вовремя?

Она оглядела себя с ног до головы и смущенно прикрыла особо заметное пятно на груди.

— Нет, прости! Я заработалась и совсем забыла о нашей прогулке.

Я перешагнула порог и перевела любопытный взгляд с платья Гвен, расцвеченного пятнами, на обстановку ее спальни. Если бы я не знала, что Гвен замужем, решила бы, что комната принадлежит подростку: такого количества нежно-розового цвета в интерьере я давно не встречала. Каминная полка оказалась заставлена фарфоровыми кошачьими статуэтками, а стены были украшены безвкусными рисунками животных. Кажется, они принадлежали руке Гвен (она упоминала о чем-то подобном), так что я решила не задавать вопросов.

— Я сейчас почищу платье, и мы пойдем, — сказала она и принялась чертить в воздухе руны. — Пятна от реактивов сложно отходят, но на этот случай у меня есть особое заклинание...

Ее слова заставили меня обратить внимание на письменный стол, уставленный маленькими склянками с разноцветной жидкостью. В некоторых колбах она кипела и источала пар, хотя никакого огня поблизости не было.

— Вот так! — радостно воскликнула Гвен, оглядывая совершенно чистое и отглаженное платье. — Все-таки хорошо владеть магией! Раньше бы мне пришлось звать горничную и просить ее помощи. А теперь всего одно бытовое заклинание, и я...

— Свободна?

— Прекрасно выгляжу, — поправила меня Гвен.

Я понативно кивнула. У каждого свои приоритеты.

— Что это?

Я шагнула поближе к столу и с интересом покосилась на склянки, стараясь ничего не трогать руками.

— Моя исследовательская работа, — со вздохом пояснила Гвен так трагично, будто речь шла о жизни и смерти. — Я бьюсь над ней уже почти год, но никак не могу сдвинуться с места. Моих сил попросту не хватает.

— Почему ты не попросишь кого-нибудь о помощи?

Гвен смущенно потерела кружево на юбке и рассеянно заглянула в ящик комода, чтобы вытянуть из него перчатки. Я мельком подумала о том, что платье Гвен выглядит слишком роскошно, чтобы носить его дома во время работы с химикатами. Либо она настолько богата, что не боится испортить такую дорогую вещь, либо...

— Тогда придется сделать его соавтором моей исследовательской работы. А я опасаясь такого поступка из-за гранта.

Я оперлась ладонью на край стола, продолжая наблюдать за сборами Гвен. От меня не укрылась некая суетливость ее движений, но она и прежде не отличалась чрезмерным спокойствием.

И все же мне казалось, что она тянула время.

— Грант?

— Академия каждый год разыгрывает грант за лучшую исследовательскую работу среди студентов. Мне бы не хотелось, чтобы на титульном листе, кроме моей фамилии, стояла какая-либо другая.

Я задумчиво куснула губу. Из голоса Гвен ушли привычные беззаботные нотки, и она больше не скакала с темы на тему, как сорока, перебирающая украшения. Перемена в ней настораживала.

— Вот как? Не хочешь ни с кем делиться славой? — полушутя спросила я.

— Не совсем так. — Она смутилась. — Скорее боюсь, что ее украдут. — Ее голос упал до шепота. — Мужчинам в этих вопросах нельзя доверять. Они так тщеславны...

Я невольно вспомнила Райли и не смогла не согласиться. Гвен что-то замалчивала, и я почти не удивилась, когда она после паузы заговорила вновь.

— Может быть, ты...

— Что?

— Поможешь мне? Я работаю над одной лекарственной формулой. Все ингредиенты на месте, и в теории все прекрасно. Но... эффект совсем не тот, на который я рассчитывала.

Я с недоумением передернула плечами, нутром чувствуя, что Гвен юлит.

— И что от меня потребуется?

— О, сущий пустяк! — Она оживилась. — Твои способности Проводника усиливают врожденный потенциал, а это мне как раз и необходимо! Возможно, если я вложу в руну чуть больше магии, все получится. Ну а если нет, значит, где-то в формуле ошибка, и

мне придется пересмотреть расчеты. Но в любом случае дело сдвинется с мертвой точки, а это самое главное.

Она сложила ладони в молитвенном жесте и с такой надеждой взглянула на меня, что я не смогла отказать.

— Хорошо, давай попробуем.

Гвен бросилась ко мне с объятиями, а затем так же поспешно отпустила.

— Спасибо тебе! Если все получится, и я получу рабочий образец лекарства, грант достанется именно мне!

Я скептически посмотрела на Гвен и покрутила кистями, разминая их.

— Даже если лекарство не смогут повторить другие маги?

— Их проблемы, — отмахнулась она и тут же стушевалась. — Я уверена, что их сил хватит. Это просто мой потенциал слабенький.

Мне показалось, что Гвен сознательно принижает уровень своих возможностей, но обдумать эту мысль я не успела: девушка уже повернулась ко мне спиной и сама положила мою ладонь себе на плечо. Пришлось прикрыть глаза и сосредоточиться на потоках, которые уже толкались мне в руку. Мгновение, и Гвен вновь сорвалась с места, чтобы, почти не дыша, взять в руки колбу с зеленой жидкостью и осторожно вылить ее содержимое в горшок высохшего растения. Послышался негромкий хлопок, словно мы были участниками фокуса, и сухие ветки цветка покрылись изумрудными листочками и тонкими побегами. Наверное, я так и не привыкла к магии, потому что ущипнула себя за руку. Настолько увиденная картинка напоминала сон.

— Потрясающе... — протянула Гвен и задумчиво встряхнула колбу. — Здесь примерно на десять порций.

— Это важно? — уточнила я.

Она вскинула голову, улыбаясь и снова сосредотачивая внимание на мне.

— Нет, совершенно не важно. Ари, я очень благодарна тебе. — Она аккуратно поставила колбу на стол и потянула меня за руку. — Пойдем! Мы опоздаем на открытие выставки.

— Мы доберемся порталом?

— Да, но придется им воспользоваться уже на выходе из академии, предъявив стражникам разрешение. Иначе могут возникнуть проблемы.

Я кивнула и рефлекторно сжала подписанное ректором разрешение. Его оставил Джонатан, когда я заикнулась о том, что хочу сходить на выставку. В некоторых моментах равнодушную вежливость мужа было приятно трактовать как врожденную галантность и тактичность.

— Хорошо, тогда идем.

Мы вышли в коридор. Спускаясь по мраморной лестнице и слушая щебетание Гвен, я никак не могла отделаться от мысли, что мною ловко воспользовались. Причем я не понимала причины этого. Неужели Гвен думала, что, если бы она просто попросила о помощи, я бы ей отказала? Испачканное выходное платье, сплошные намеки вместо прямой просьбы — что это? Особенности характера, разница культур или... что-то еще?

Уже на улице Гвен вдруг вскинула голову и с опаской взглянула на чистое, прозрачное небо.

— Сегодня обещали дождь, — с сомнением заметила она.

Я со скепсисом заметила:

— Не похоже, что прогноз сбудется.

— И все-таки я вернусь за зонтом, — после колебаний решила она и сверкнула смущенной улыбкой. — Подождешь?

— Конечно.

Я отошла от входа, возле которого толпились студенты, и сделала несколько шагов по посыпанной гравием дорожке. В свежем, пахнувшем поздней весной воздухе, носилось предчувствие чего-то светлого. В голове пронеслись воспоминания совместного пробуждения с Джонатаном. После предупреждения насчет беспокойного сна я была готова полночи прислушиваться к его дыханию и крепко держать оборону своей половины постели, но мне не пришлось этого делать. Мы проснулись на разных краях кровати, и, признаться, почему-то я почувствовала укол разочарования. Это было странно, непривычно и немного пугающе.

— Ариана!

Я вздрогнула от окрика и, отвернувшись от клумбы с цветами, увидела приближавшегося Оуэна. В последние пару дней, занятая подготовкой к зачету, я встречалась с ним лишь на парах и успела соскучиться.

— Привет! — радостно воскликнула я.

— Не представляешь, что случилось!

Я чуть отступила на шаг и оглядела мальчишку с головы до ног, пытаюсь нащупать подсказку.

— М-м-м... Ты наконец-то совладал с утюгом и погладил рубашку?

— Лучше! — Лицо Оуэна выглядело таким просветленным, что любой духовный наставник обзавидовался бы. — Отец вернул мне камердинера!

Я едва не рассмеялась, но сдержалась и постаралась быть серьезной.

— Отличная новость.

— Гардероб отец пока не отдает, — воодушевленно продолжил Оуэн, — но я уверен, что это дело времени. Еще пару недель, и он забудет про ту выходку в деревне.

Я с готовностью покивала. Мне безумно хотелось потрепать Оуэна по макушке, но останавливало понимание того, что он посчитает такой жест слишком покровительственным и обидится.

— Слушай, давно хотела спросить, а почему тебя с таким придыханием называют наследником Лингов? Это означает что-то особенное?

Он слегка поморщился.

— Нет, всего лишь титул, не более того. Напоминание, что именно ко мне перейдет все состояние нашей семьи. А учитывая его размеры... Неудивительно, что у кого-то перехватывает дыхание.

Я хмыкнула. В словах Оуэна не было ни капли бахвальства. Кажется, он относился к собственному богатству на редкость спокойно. Впрочем, наверное, если растешь в достатке, так оно и должно быть.

— Рин Оуэн, рада вас видеть! — Гвен, сбегавшая со ступенек, торопливо подошла к нам и чуть виновато добавила: — Не смогла найти зонтик. Наверное, это знак, что дождя не будет.

— А обещали осадки? — Оуэн тоже удивился и вскинул голову, присматриваясь к небу за куполом. — Ну не знаю, кажется, маги-прогнозисты снова ошиблись. Да и защитный барьер не пропустит дождя. Он, если и пройдет, то только в городе.

Гвен смущенно кивнула:

— Мы как раз туда и собираемся.

— Правда?

— Мы идем на выставку древностей, — пояснила я. — Хочешь с нами?

Гвен как-то странно дернулась. На мгновение почудилось, что ей не понравилось мое предложение, но затем на ее губах расцвела светская улыбка.

— Рин Оуэн, составьте нам компанию! Выставка обещает быть интересной.

Его не пришлось уговаривать. Он согласился моментально.

Глава 17

В городе было холоднее, чем в академии, и я довольно скоро пожалела, что не захватила с собой накидку. Под носками туфель похрустывали покрытые тонким льдом лужицы.

— Защитный купол не только охраняет академию от неожиданных гостей, но и поддерживает примерно одну и ту же комфортную температуру в течение всего года, — клацнув зубами, просветил меня Оуэн. — Я так давно не выбирался в город, что уже и забыл об этом.

Я с сочувствием посмотрела на него. Вряд ли пиджак особо греет, но мне, разгуливавшей в одной блузке, было еще хуже.

— Выставка буквально за углом, — успокоила нас Гвен и тоже поежилась. — Можем нанять извозчика, если хотите.

От этой мысли мы, поколебавшись, отказались и, стараясь обходить лужи, направились вниз по проулку. Я с интересом рассматривала витрины лавочек и окна жилых домов — чаще одноэтажных, но встречались и высокие здания. По дороге цокали копыта лошадей, раздавались крики мальчишек, продававших газеты, а впереди громко посмеивались две девушки. Их руки были заняты большими коробками с покупками. При виде них я вспомнила то, о чем уже давно хотела спросить.

— Гвен, а что происходит с девушками, которым не позволяли учиться в академии?

Оуэн сразу посмурнел, и это не укрылось от моего внимания.

— Их дар запечатывают, — ответила Гвен и отмахнулась от очередного зазывалы, гостеприимно распахнувшего перед нами двери в кабак.

— Заходите, не стесняйтесь!

— Нет, спасибо, — крикнул Оуэн.

Зазывала переключился на кого-то другого.

Я едва не налетела на впереди идущего прохожего. Тот обернулся и хотел было что-то сказать, но Плющик грозно вскинул голову и оскалится. Прохожего как ветром сдуло.

— Разве так можно? — пробормотала я, обращаясь не то к Плющику, не то к Гвен.

Та пожала плечами, а Оуэн добавил:

— Необученный маг опасен. Поэтому академию нельзя покидать без разрешения.

Я посмотрела на него с подозрением.

— Надеюсь, у тебя оно есть? А то я не подумала об этом.

— Конечно. У меня оно долгосрочное.

— Да, — рассеянно заметила Гвен. — Мужчинам его проще оформить.

Мы миновали еще несколько лавочек, где в витринах были выставлены женские платья, и я возобновила разговор.

— Но как они живут с запечатанным даром?

Что-то внутри меня сжалось. Мой дар был совсем крошечный, но сама мысль погасить его искру вызвала паническую дрожь.

— Как правило, это рано или поздно сказывается на здоровье. — Гвен приподняла юбку, обходя очередную лужу. — Поэтому девушек с даром не любят брать в жены. Нет гарантий, что она выносит и родит детей. Да и до старости такая не доживет.

Я невольно глянула на Оуэна, не веря в такую жестокость, но тот отвел глаза.

— Понятно, — пробормотала я.

Желание продолжать разговор окончательно пропало. Пожалуй, мне повезло очутиться в теле Арианы. Ее родители в силу обстоятельств воспринимали мой дар не как проклятие, а как подарок богов.

Гвен не обманула, и нужную вывеску мы нашли довольно быстро.

Толкнув дверь и оказавшись в тепле, я расслабилась. В мраморном светлом холле нас встретил распорядитель выставки — представительный седовласый мужчина — и, предупредив, что витрины лучше не трогать руками (может сработать охранное заклинание), проводил нас в соседний зал.

К моему удивлению, народа было немного.

— Сегодня наш последний день работы, — заметил распорядитель, словно догадавшись о моем вопросе. — После обеда мы покидаем город и возвращаемся в королевскую резиденцию. Вы пришли вовремя: еще немного, и я прекращу пускать посетителей. Прошу вас, проходите.

— Спасибо, — поблагодарила Гвен и устремилась к витрине с золотой короной. — Вы только посмотрите на это!

Мы с Оуэном не разделяли ее трепет, но с готовностью покивали. Уже через пару минут мы разбрелись по залу, рассматривая экспонаты. В большей степени они представляли собой древние артефакты, заключенные в форму драгоценностей. О способностях каждого было написано мелким шрифтом на грифовой доске возле входа. Я пробежала глазами по витиеватым строчкам и присвистнула: пожалуй, я бы не хотела брать в руки вечно отравленный гребень с рубинами. А вот от бокала-антидота не отказалась бы: полезная штука. Особенно если ты король, а твои придворные точат на тебя ножи.

В торжественной тишине, царившей в зале, даже шепот походил на раскаты грома, но посетители почти не переговаривались. Я осмотрела все артефакты и откровенно заскучала. Оуэн ходил за мной по пятам и, видимо, уже пожалел, что согласился на эту прогулку. Одна Гвен сохраняла восторженный настрой и медленно переходила от витрины к витрине.

Дверь снова отворилась, и в зал вошли еще двое посетителей. Они были уже в возрасте. Один и вовсе опирался на трость, и это натолкнуло меня на мысль, что восторг эта скучная выставка может вызывать разве что у умудренных опытом людей.

Я зевнула и прикрыла рот рукой. За спиной, разрезая сонную тишину, раздался грохот и женский всхлип. Я резко обернулась и наткнулась на покрасневшую до корней волос Гвен. Она лежала на полу. Ее чуть задрывшаяся пышная юбка оголила щиколотку, которую девушка обхватила ладонью.

— Простите, — пробормотала Гвен. — Пол такой скользкий... Мне так неловко!

— Как ты? — Я бросилась к ней и осторожно присела рядом. — Встать сможешь?

— Рина, послать за лекарем? — вмешался один из посетителей.

Гвен обступили полукругом, и она, видимо, непривыкшая к такому вниманию, смутилась еще сильнее. Даже распорядитель, оставив пост, выбежал на шум и теперь стоял совсем рядом. Его взволнованный взгляд был прикован не к Гвен, а к ближайшей витрине — абсолютно целой и невредимой.

— Нет-нет, благодарю. — Она попыталась встать, опираясь на мою руку, и снова охнула.

— Я схожу за лекарем, — вызвался Оуэн. — Тут совсем рядом есть больница.

— Очень здравая мысль, молодой человек, — одобрил посетитель с тростью. — Рина так сильно упала, что могла себе что-нибудь повредить. Поверьте, — он постучал тростью по полу, — лучше подстраховаться.

Оуэн кивнул и выскочил за дверь. Я с тревогой повернулась к Гвен.

— Давай все-таки попробуем встать? — мягко предложила я.

— Да, мы поможем, — вновь вклинился все тот же сердобольный посетитель. — Девушке нельзя лежать на холодном.

Гвен чуть закусила губу, будто сдерживая стон боли, и протянула мне руку. Пронесшаяся перед глазами вспышка света ослепила меня, а затем разум резко заволокло туманом. Последнее, что я запомнила, перед тем как отключиться, — теплота пальцев Гвен, сжавших мою ладонь.

Заслышав лязг двери, я торопливо поднялась с жесткой скамейки, где провела последние полчаса, и обхватила прутья решетки.

— Немедленно выпустите меня! — потребовала я.

Пыла за последние тридцать минут у меня поубавилось, но виной всему был холод в камере, куда меня посадили. Причем меня одну. Остальных свидетелей ограбления увели куда-то в другое место. В этом похожем на муравейник полицейском участке черт ногу сломит! Разве можно так обращаться со свидетелями?

— Выходите и следуйте за мной, — вежливо, но непреклонно сказал стражник и загремел связкой с ключами.

Мне пришлось сцепить зубы, чтобы не огрызнуться.

Голова болела немилосердно, а к горлу то и дело подкатывал кислый ком, но об этом я не переживала: о реакции на дурман я была осведомлена. А вот Плющик, впавший в спячку и не откликавшийся на имя, вызывал приступы паники.

Я не запомнила, как отключилась. Помню только, что склонилась к Гвен, а затем — пахнувшую сиренью темноту. Когда пришла в себя, вокруг уже царил хаос. Оказалось, что не только я упала в обморок, но и остальные посетители. Чем и воспользовались воры, вскрывшие витрину и вытащившие один из артефактов. Судя по панике распорядителя выставки, безумно дорогой и древний.

Естественно, пришлось вызвать полицию. И нас, всех немногочисленных свидетелей, отправили телепортом в участок, где в коридорах я столкнулась с Хопером. Мне абсолютно не понравилось выражение его лица — хищное и довольное. Кажется, он снова сделал ложные выводы и спешил подвести под них все найденные факты.

— Куда мы идем? — мрачно спросила я.

Последовал немедленный ответ:

— На допрос, рина. Его проведет детектив Хопер.

— Я могу связаться с родными? — деловито поинтересовалась я.

Руки мне наручниками не сковывали, ничем не угрожали, видимость вежливости поддерживали — возможно, ситуация все же не так плоха. А холодная камера... Может, других у них нет?

— Лучше уточнить у детектива, — посоветовал стражник.

Мы остановились возле одной из деревянных дверей, и он толкнул ее, пропуская меня внутрь. При виде Гвен, испуганно сидевшей за тяжелым столом, я удивленно моргнула.

— Детектив сейчас придет, — сказал стражник и вышел.

В замочной скважине скрипнул поворачиваемый ключ. Нас закрыли?

— Дорогая! — Гвен всхлипнула. — Это так ужасно! Я так расстроена.

— Да, я тоже, — пробормотала я и покосилась на Плющика. Тот так и не очнулся. — Как твоя нога?

— Небольшое растяжение. Мне вызвали врача и сделали перевязку. Куда тебя уводили?

Она встревоженно нахмурилась. Я опустилась на стул рядом с ней и оглядела небольшую кабинет без окон. Стол, три стула, магические свечи — вот и все, что здесь было. М-да, аскетично, ничего не скажешь.

— В не самое приятное место, — уклончиво ответила я. — А вас?

— Нас попросили подождать в какой-то комнате. — Гвен наморщила носик. — Там было много людей и отвратительно пахло дешевой едой.

Я задумчиво потерла кончик замерзшего и наверняка покрасневшего носа. Интересно, почему только мне повезло оказаться в холодной камере? Неужели Хопер меня в чем-то подозревает и стремится таким образом напугать и подавить?

— Что за артефакт пропал, знаешь? — тихо спросила я.

Гвен ненадолго замолкла, а затем неуверенно проговорила:

— Насколько я поняла, чаша Благодати Богов.

— А что тебе о ней известно?

— Только то, что прочитала на доске перед входом на выставку. — Гвен смутилась и шепотом пояснила: — Я не очень сильна в артефактике и истории.

Я придвинулась поближе, но не успела задать новый вопрос: дверь снова отворилась, и порог пересек Хопер. При виде его победного оскала хищника, загнавшего зайца, мне захотелось застонать. Да, он точно что-то себе придумал. Я даже догадываюсь, что именно.

В конце концов я уже во второй раз оказываюсь неподалеку от пропавшего артефакта.

Хопер прогрохотал по полу тяжелыми, начищенными до блеска сапогами и, придвинув стул, опустился за стол напротив нас с Гвен.

— Прошу прощения за ожидание, — мельком извинился он и достал листы бумаги и перо. — По закону я не могу допрашивать девушек по одиночке — только вместе или в присутствии третьих лиц. Поэтому нам придется поговорить втроем.

Невольно вспомнился предыдущий разговор с Хопером, состоявшийся в кабинете ректора. Тогда нас было пятеро. Забавно, не знала, что это обусловлено тонкостями местных законов.

— Детектив, я так хочу пить, — жалобно призналась Гвен. — И моя нога! Она ужасно болит!

— Потерпите, рина, — проговорил Хопер. — Совсем скоро вы будете свободны. Жаль, что я не могу обещать того же вашей подруге.

Я оцетинилась:

— Не подскажите, почему?

Гвен испуганно поджала губы и вцепилась в мою руку.

— Дорогая, не стоит так переживать. Уверена, детектив ничего такого...

— Вы уже второй раз попадаете в поле внимания полиции, Ариана. Как думаете, что это значит?

— ...Не имеет в виду, — потрясенно выдохнула Гвен.

— Это значит, что в жизни происходят еще и не такие случайности, — решительно сказала я. — И это не повод закрывать свидетеля в холодной камере.

Гвен прикрыла рот ладонью.

— Тебя что, запирали, как преступницу?

— Свободных комнат нет, — рявкнул Хопер, — а вам, Ариана, явно стоит подумать, понравилось ли вам находиться в камере или нет.

— Я это вам скажу сразу и без всяких тестов, — выплюнула я. — Мне это не нравится.

— Отлично, значит, вы понимаете, чем рискуете.

Хопер ослабил, и меня замутило уже не от последствия дурмана, а от предчувствия неприятностей. В душе липкой паутиной разрастался страх. В этом мире у женщин нет прав, и кто знает, как далеко в отношении меня может зайти представитель закона.

Я насупилась и под столом сжала руки в кулаки. Главное — сохранять трезвую голову и не удариться ни в гнев, ни в панику. Я смогу, точно смогу пройти это испытание.

Но мне не пришлось ничего делать.

Дверь вспыхнула вязью охранного заклинания и снова отворилась.

— Попрошу вас не мешать! — раздраженно прикрикнул Хопер и, обернувшись, застыл.

На пороге стоял Джонатан. Черный плащ на нем чуть запылел, словно его владелец гнал лошадь во весь опор. Ну или возился в пыли на чердаке. В случае с моим мужем никогда не знаешь, какой вариант окажется верным.

— Рин Эйверли. — Хопер встал со стула и коротко поклонился. — Чем обязан вашему визиту?

Джонатан встретился со мной взглядом. Я затаила дыхание, боясь пошевелиться. Если он скажет, что пришел допросить меня лично, я...

— Моя жена опаздывает на лекцию. Я намерен лично проследить за тем, чтобы она не пропустила ее. На ваши вопросы она ответит позже и в моем присутствии.

— Ваша... кто? — Хопер вытаращился на Джонатана, будто не веря услышанному.

— Жена, — любезно повторил тот. — Ариана Эйверли. Она сидит прямо перед вами.

Я всерьез испугалась, что Хопера сейчас хватит удар. На его лбу выступили мелкие капельки пота, а дрогнувшая рука с трудом ослабила ворот рубашки, будто тот душил его.

— Не знал, что вы женились, — просипел он.

Джонатан чуть повел плечами:

— Мы решили не устраивать пышную свадьбу, поэтому новость еще не достигла полицейского участка.

— Да, я понимаю, — пробормотал Хопер.

Он выглядел таким подавленным, что мне даже стало его жаль. Казалось, мысленно он уже проклинал тот миг, когда впервые столкнулся со мной.

Повисла небольшая пауза, которую Джонатан прервал с легким раздражением.

— Моя жена, детектив.

Я поморщилась. Прозвучало так, словно речь шла о вещи. Мол, верните на место чужое. Но несмотря на легкое раздражение, внутри все равно разрасталось горячее чувство благодарности, смешанное с облегчением.

— Да, конечно! — Хопер вскочил со стула. — Вы свободны, рина.

— А я? — робко напомнила о себе Гвен. — Я могу идти?

Хопер посмотрел на нее с досадой, как на жужжащего комара, которого сложно прихлопнуть. Не знаю, что бы он ответил, но я поспешила вмешаться:

— Гвен тоже может прислать ответы на ваши вопросы попозже.

Я искоса взглянула на Джонатана, пытаюсь понять, как он отнесся к моим словам. Его равнодушное лицо не выражало ни одной эмоции, так что я не узнала, сильно перегнула палку или нет. Оставлять Гвен одну мне не хотелось. Вряд ли с ней поступят так же, как со мной (холодная камера — крайняя мера, предназначенная, очевидно, только для меня), но доставить ей несколько неприятных часов офицерам вполне по силам.

— Ладно. — Хопер скрипнул зубами. — Она тоже может идти. Я вызову ее в участок позже. Повестка придет ее мужу.

— Ох, Чарли это не понравится, — обреченно простонала Гвен и торопливо поднялась. — Благодарю вас, детектив, за понимание.

Тот только скривился. Взглядом с Джонатаном он предпочитал не встречаться и спиной к нему не поворачивался, будто ожидал нападения. Эту деталь я отметила, уже переступая порог комнаты для допроса.

— Благодарю вас, рин Эйверли! — счастливо прошептала Гвен. — Ари так повезло выйти за вас замуж! Ах, если бы мой муж был хотя бы наполовину так заботлив, как вы.

Слова Гвен неприятно кольнули меня, заставив нахмуриться и поджать губы. Я едва снова не распахнула дверь в комнату для допросов и не вернула в руки Хопера болтливую свидетельницу. Что это, неужели ревность? В голосе Гвен звучало слишком много восхищенных ноток, а в том, как она рукой в тонкой перчатке дотронулась до ладони Джонатана, я и вовсе усмотрела нечто неприличное.

— Возможно, вашему мужу мешает оказывать знаки внимания возраст, — холодно, но с едва читаемой насмешкой откликнулся Джонатан. — Ариана, не отставайте. Мы вернемся в академию порталом.

Я не сдержала победной улыбки, которой тут же устыдилась. Да, мне понравилось, как Гвен отшатнулась, словно от удара, но я не собиралась в этом признаваться. Даже себе.

— Вы не проводите меня? — жалобно спросила Гвен.

Я мельком подумала, что сейчас, покрасневшая, смущенная, с трепещущими ресницами, она чудо как хороша. Эта мысль снова вызвала внутри целый шквал протеста.

— К сожалению, портал рассчитан на двоих, — вежливо заметил Джонатан. — Но я уже отправил весточку вашему мужу. Уверен, он появится с минуты на минуту.

Гвен торопливо опустила глаза, словно боясь выдать чувства. Вид при этом у нее сделался совершенно несчастный. Я моментально забыла о своем секундном злорадстве и преисполнилась сочувствием. Кажется, ей не хочется встречаться с мужем. Учитывая прозвучавший намек на его старость... Складывалась не самая радужная картинка.

— Я зайду к тебе вечером, — виновато пообещала я.

Гвен натянуто улыбнулась:

— С радостью буду ждать твоего визита... если муж не попросит составить ему компанию в родовом поместье.

Я удивилась:

— Ты пропустишь учебу?

Мой вопрос ненадолго повис в воздухе. Джонатан активизировал портал, и тот вспыхнул мерцающей темнотой совсем рядом.

— Надеюсь, что нет, — по-прежнему неловко ответила Гвен. — Всего хорошего, рин Эйверли. Увидимся, Ари!

Глава 18

Джонатан, деликатно взяв меня под локоть и уже менее деликатно подтолкнул к portalу. Короткая минута замешательства, цветные всполохи под закрытыми глазами, и вот я уже стою в центре спальни и рассматриваю развевающиеся от теплого весеннего ветра занавески — я забыла закрыть окно перед уходом.

Джонатан отпустил меня и, сделав пару широких шагов, захлопнул створки. Шторы, словно парус без ветра, медленно опустились на место.

— Спасибо, — выдохнула я и поежилась: в комнате было прохладно, или, возможно, я еще не отогрелась после холодной камеры. — Очень вовремя.

— Не за что, — спокойно сказал он. — Не люблю сквозняки.

Я нервно хихикнула, но смешок вышел глухим и едва слышным.

— Я благодарила не за это.

— Знаю.

Джонатан отвернулся от окна и посмотрел на меня. Наши глаза встретились, и у меня ненадолго перехватило дыхание. За его словами мне почудился намек, которого наверняка в реальности не было.

Я помотала головой, отгоняя странные, неуместные мысли, а затем обхватила себя руками, не то отгораживаясь, не то пытаюсь согреться. Пальцы скользнули по плечам, а затем задели запястья. Меня как током ударило: Плющик!

— Мой питомец так и не очнулся после дурмана, — сказала и в панике уставилась на зеленый браслет. — Это нормально?

Джонатан подошел поближе и осторожно ткнул в зеленый листочек пальцем. Фиолетовый бутон недовольно дернулся, рыкнул и снова поник.

— Думаю, он просто крепко уснул. Возможно, на него магия действует сильнее, чем на нас, — проговорил он и предложил: — Оставьте его на окне. Я приоткрою форточку. На свежем воздухе дурман из его головы... или что там у него вместо нее, выветрится быстрее.

Я поколебалась, с нежностью погладила стебелек с бутоном, а затем сняла браслет и положила на подоконник. Наверное, так и правда будет надежнее.

Оставшись без Плющика, я почувствовала себя одинокой и снова поежилась.

— Вы выглядите замерзшей, — заметил Джонатан.

— Угу, — согласилась я и вдруг, как ребенок, пожаловалась: — Про холодную камеру вы уже знаете?

Его лицо на мгновение заледенело. Если бы я знала его чуть хуже, подумала бы, что он взбешен. Но Джонатан Эйверли никогда не злится. Ни разу не видела его в гневе.

— Да, я в курсе, — спокойно ответил он. — Вам лучше принять горячую ванну и согреться.

Я кивнула, подумав, что это и правда хорошая идея. Сама мысль о горячей ванне вызвала прилив воодушевления. Ради этого можно даже прогулять лекцию по ясновидению.

Уже ухватившись за ручку двери, ведущей в ванную комнату, я, не оборачиваясь, заметила:

— Вы были грубоваты с Гвен.

Джонатан дернулся, словно застигнутый врасплох. Кажется, он не ожидал таких слов.

— Возможно, в этот раз самообладание все-таки покинуло меня, — после паузы сказал он и вдруг добавил: — Я не железный, даже если кажется иначе.

Это признание заставило меня судорожно сглотнуть. Было в нем что-то по-настоящему драматичное. Я смерила Джонатана долгим взглядом, неторопливо пройдясь по его длинным ногам в узких брюках, белой рубашке, которая натянулась на плечах от того, что он спрятал руки в карманы, и чуть угрюмому выражению лица. Он склонил голову и задумчиво смотрел в сторону.

— Я... никогда так не считала, — серьезно сказала я и ретировалась в ванную.

Там на всю включила кран с горячей водой (ее нагревал артефакт) и принялась раздеваться. Перед глазами стояла нагло ухмыляющаяся морда Хопера, а в ушах звучали слова Гвен: «Тебя что, запирали, как преступницу?» Я рывком содрала одежду и бросила ее на пол. Учитывая, что комплект формы у меня был только один, это было неразумно, но в этот момент мозг уже плохо соображал. Все то время, что я провела в участке, мне удавалось сохранять спокойствие, но сейчас, оказавшись в безопасности, я хотела кричать и плакать одновременно. Слишком много всего произошло за последние несколько дней. Раз за разом сталкиваясь с пренебрежением, я вроде бы научилась не замечать его, но игнорировать открытые угрозы гораздо сложнее. В моем мире правила игры были честнее и понятнее. Зажав зубами костяшку указательного пальца, чтобы не расплакаться, я добавила холодную воду и вступила в ванну. Не опустившись, я стояла и глубоко дышала, пытаюсь сморгнуть выступившие злые слезы. Все хорошо! А с пропажей артефактов я обязательно разберусь. Сейчас только приду в себя и разберусь!

Черт, как же меня достал этот мир, где у меня прав меньше, чем у домашней собачки. Ненавижу!

Я саданула кулаком по бронзовой ванне, стоявшей на толстых ножках в виде львиных лап, и, охнув, потрясла рукой. Лежавший на краю кусок большого пахучего мыла соскользнул и упал на пол, зацепив перед этим еще парочку флакончиков с шампунем. В итоге раздавшийся грохот напугал даже меня.

В дверь деликатно постучали, а затем раздался голос Джонатана:

— Ариана, все в порядке?

Я вздрогнула и, беззвучно выругавшись, потянулась поднять упавшие вещи. Чего я совсем не ожидала, так это того, что дверь распахнется.

Мы с Джонатаном замерли. Я, застигнутая врасплох, пару секунд пораженно смотрела на него, а затем резко присела в глубокую ванну, надеясь, что бортики хотя бы частично скроют мою наготу.

— Вы что делаете? — придушенно возмутилась я.

— Простите. — Он потрясенно моргнул, но почему-то не вышел. — Вы... то есть... Я услышал грохот и подумал, что вам нужна помощь.

Впервые в жизни я видела настолько смущенного Джонатана Эйверли. Привычная маска равнодушия слетела, обнажив его настоящее лицо, — растерянное, немного виноватое и... заинтересованное.

Последнее заставило меня невольно испытать что-то отдаленно напоминающее восторг и предвкушение. Вот же дурочка! Ну да, ему понравилось увиденное, но, подозреваю, большинство мужчин отреагировало бы именно так, наткнувшись на голую девушку в своей ванной.

Пожалуй, разочарован бы был только Майкл Берч. Но у того свои заморочки.

— Помощь мне и правда понадобится, — буркнула я, стараясь скрыть всю ту гамму чувств, что сейчас полыхали внутри. — Например, мне очень нужно, чтобы вы прикрыли дверь. Или дали мне полотенце.

— Да, конечно.

Джонатан тряхнул головой и, как робот, столкнувшийся с противоречащими друг другу заданиями, ненадолго завис, а затем все-таки вышел за дверь. Я нервно хохотнула. Учитывая постановку вопроса, я в какой-то момент подумала, что он воспримет просьбу буквально и просто закроет дверь, оставшись стоять напротив меня.

Мыло пахло травами, и их запах прочно ассоциировался с Джонатаном — именно такой аромат доносился от него каждый раз после того, как он выходил из ванной. Прикрыв глаза, я ненадолго поднесла кусок мыла к носу, а затем, сообразив, что делаю, принялась торопливо намыливать губку. Ладно, Джонатан мне нравится. Пора это признать. Возможно, меня впечатлило его появление в участке, где он, словно герой из дамского романа, явился весь в белом, то есть в черном. Честное слово, ему только породистого скакуна не хватало для полноты картины! Хотя, если начистоту, симпатизировать ему (Джонатану, а не скакуну) я стала гораздо раньше...

Я все еще думала об этом, когда закуталась в теплый махровый халат и, держа в руках смятую форму, которую было бы неплохо привести в порядок с помощью заклипания, заглянула в спальню. Джонатан сидел у разведенного камина и казался полностью погруженным в чтение, но, услышав мои шаги, вскинул голову и поднялся на ноги.

— Я еще раз прошу прощения за свою бестактность, — сказал он, смотря куда-то чуть выше моего плеча. — Мне жаль, что я вас напугал.

Я судорожно облизнула губы. Пожалуй, напугал — это несколько не то слово. Ситуации больше бы подошло определение в стиле «взбудоражил и разбудил неприличные фантазии», но не будем об этом.

— Ничего страшного, — невозмутимо ответила я. Щеки вспыхнули жаром, но, надеюсь, Джонатан этого не заметил.

Ага, как же!

Чуть нахмурившись, он подошел к прикроватной тумбе и, открыв ящик, вытащил флакончик из зеленого бутылочного стекла. Капнув в фужер, захваченный с каминной полки, пару капель, он разбавил содержимое водой из графина и протянул мне.

— Не пей вина, Гертруда, — не к месту процитировала я и с опаской покосилась на фужер. — Что это?

— Яд.

Сказано это было так серьезно, что я на мгновение обомлела. Джонатан чуть дернул уголком губ и сказал:

— Лекарство от простуды. Не хочу, чтобы вы разболелись.

Мне стало неловко. Виновато улыбнувшись, я приняла фужер и, поднеся его ко рту, призналась:

— Знаете, я начинаю понимать, откуда у вас такая репутация. Иногда вы пугаете до дрожи. Причем, уверена, делаете это нарочно. — Я залпом выпила лекарство и поморщилась: вкус у него оказался премемерзкий. Вязкая горечь прокатилась по горлу и скользкой жабой застыла в желудке. — Что за гадость!

— Надеюсь, последнее относилось не ко мне. — Джонатан усмехнулся. — Легкая сонливость после этого лекарства вполне нормальна. Кстати, ваш питомец понемногу оживает. Уверен, через пару часов он отойдет от дурмана окончательно.

Я с тревогой обернулась, высматривая на подоконнике Плющика. Тот по-прежнему лежал, свернувшись браслетом, и я успокоилась. Джонатану можно было верить. Если он говорит, что все нормально, значит, так оно и есть.

Задумавшись, я чуть вздрогнула, когда его пальцы задели мои, чтобы забрать пустой фужер. Это простое прикосновение послало по телу волну мурашек. Инстинктивно я подалась вперед, желая оказаться еще ближе, а затем, поняв, как глупо выгляжу со стороны, отпрянула. Джонатан ничего не сказал. По-моему, он даже не заметил моей реакции. Слава богу!

— Вы расскажете, что произошло на выставке?

Джонатан вернул фужер на каминную полку и неторопливо обернулся. Отблески огня играли на его лице, придавая ему еще больше притягательной загадочности. Рукава белой рубашки были закатаны, и почему-то вид его сильных рук по-настоящему волновал и вызывал учащенное сердцебиение. Пришлось сделать глубокий вдох, чтобы напомнить себе о том, что действительно важно, — о пропавшем артефакте.

— Я помню лишь то, что отключилась, — торопливо вставила я. — А когда очнулась, чаша уже пропала. Распорядитель выставки тут же вызвал полицию.

— Видите, — уклончиво ответил Джонатан, — вы и так знаете довольно много.

— Хотелось бы знать больше.

Он вздохнул и опустился в кресло, жестом предложив мне сделать то же самое. Я приняла его приглашение, с непривычной тщательностью следя за тем, чтобы в полах халата не промелькнуло ничего лишнего. Прямо-таки поборница нравственности, не иначе!

Джонатан закинул ногу на ногу, чем ненадолго отвлек меня, и не очень охотно вернулся к разговору.

— Тот, кто похитил артефакт, воспользовался дурманом. На полу, под одной из витрин, полиция обнаружила крошечный ртутный шарик — остатки того самого наркотического зелья. Предполагаю, что достаточно было открыть стеклянный флакончик и незаметно капнуть дурман на паркет, чтобы добиться столь масштабного обморока у посетителей. Тем более что время было выбрано на редкость удачно. Распорядитель выставки как раз перестал пускать людей и готовился к закрытию.

— Да, о чем-то таком он нас и предупреждал, — рассеянно согласилась я и, задумавшись, подтянула коленки к груди. Так сидеть было гораздо удобнее и привычней.

Джонатан потрясенно моргнул, ненадолго отвернулся, а затем вновь уставился на меня, старательно не опуская взгляд ниже моего подбородка. Я, погрузившись в воспоминания, этого не заметила.

Помнится, на выставку последними зашли двое мужчин. Могли ли они оказаться пособниками преступника?

— Полиция опросила всех свидетелей? — спросила я.

— Да, — ответил Джонатан, и его голос прозвучал чуть глуше, чем обычно. — Всех одиннадцать посетителей выставки. Даже рина Оуэна, хотя на момент кражи он как раз вошел в здание больницы. Его беседу с врачом готовы подтвердить сразу несколько людей.

Я кивнула с облегчением. Ну хотя бы ему не пришлось хлебнуть проблем из-за нашей с Гвен прогулки. И то хорошо!

— Что особенного в этой чаше? — поинтересовалась я, постукивая по подлокотнику кресла. — Кому она может пригодиться?

По губам Джонатана скользнула усмешка. Он склонил голову и коснулся пальцами губ, словно стирая ее.

— Я бы задал другой вопрос.

— Какой?

— Кто хочет подставить вас?

Я потрясенно замерла. Мысли в голове разлетелись, словно кегли, падающие под ударом тяжелого шара.

— Что-о?

Джонатан чуть сместился. Теперь он подался вперед, его локти упирались в колени. Я запоздало поняла, что сижу несколько фривольно, бесстыдно демонстрируя фиктивному мужу обнаженные ноги (что в этом мире наверняка сочли бы вульгарным!) и поспешно опустила ступни на пол.

— Знаете, почему я согласился на брак с вами?

Его глаза смотрели так прямо и неотрывно, что я судорожно сглотнула. Но несмотря на это, ответ вышел довольно ироничным:

— Наверное, я ошибусь, если предположу, что вы решили помочь деве в беде?

Он едва слышно хмыкнул. Его взгляд весело вспыхнул, а затем медленно потемнел. Впервые с момента нашего договора я задалась вопросом, а зачем же Джонатан и правда в это ввязался? Прежде я старалась не думать об этом, подсознательно понимая, что здесь скрыт подвох. А ждать подвоха от человека, который протянул мне руку помощи, не хотелось.

— После пропажи первого артефакта я подозревал вас, — спокойно сказал он. Его пальцы сплелись в замок. — Поэтому дал послушать, о чем болтают другие студенты на вечеринке у рина Далтона, — хотел увидеть вашу реакцию.

— И как? — негромко спросила я, пытаюсь понять, обижают меня его слова или нет. — Это помогло вам?

— Пожалуй. — Джонатан кивнул. — Я сделал вывод, что вы либо действительно здесь ни при чем, либо очень хорошая актриса.

— Мне лестно, спасибо, — на автомате, почти без сарказма огрызнулась я.

Джонатан чуть передернул плечами. Мол, не стоит благодарностей.

— Я не собирался связывать с вами свою жизнь, но когда вы предложили брак...

— Фиктивный, — вставила я.

— Да, тот самый, — с легкостью согласился он, — я подумал, что это неплохой способ понаблюдать за вами, ведь оказаться ближе уже попросту невозможно.

Мне припомнилось, как Джонатан первые дни ночевал в других местах, будто избегая наших встреч, и я усомнилась в его словах. Кажется, все было не совсем так. Но спорить я не стала.

— Чем больше я узнавал вас, тем сильнее уверялся в мысли, что вы тут ни при чем, — продолжил он. — Не то чтобы расследование исчезновения кинжала было моим заданием, но, скажем так...

— Оно вас заинтересовало, — закончила я и сдула упавшую на лоб мокрую прядку волос.

Джонатан кивнул, а затем потянулся ко мне и, опустившись на колено рядом с моим креслом, осторожно заправил прядку за ухо. Костяшки его пальцев обожгли, словно открытое пламя, и я, растерявшись, замерла. Его лицо оказалось прямо напротив моего, но ни один из нас не торопился отодвинуться.

— Вы успели неплохо изучить меня, — негромко сказал он. Его пальцы все еще касались моей щеки. — Иногда не понимаю, кто тут за кем наблюдает...

Носа коснулась его легкая туалетная вода с горькими нотками полыни. Я дернула ноздрями, погружаясь в этот аромат и абсолютно греховную фантазию, вдруг промелькнувшую в голове. Глаза Джонатана казались непривычно темными, а взгляд — голодным.

Это было так легко — ухватиться за ворот его белой рубашки и, притянув к себе еще ближе, поцеловать. Можно было скользнуть ладонью по его затылку, запутаться пальцами в волосах и найти его губы. Именно это подсказывало мне сердце. Но разум занудно напоминал, что не стоит переносить свои чувства на других, тем более на

Джонатана. Это мне кажется, что он не против такого исхода, но кто знает, что у него на уме на самом деле? В конце концов он ни разу не намекнул на что-то подобное.

А еще это все усложнит. Да, нужно помнить об этом.

— Не отвлекайтесь, — пробормотала я, вспоминая таблицу умножения, чтобы заставить мозг заработать. — Вы как раз подошли к той части своего рассказа, где поняли, что я не преступница.

На лице Джонатана промелькнуло разочарование, от которого на мгновение что-то внутри меня сжалось. Я почти пожалела о своих словах, когда он кивнул и разом будто помрачнел, впрочем, всего на пару секунд — те самые, что ему понадобились, чтобы вернуться в кресло. Застыв напротив меня, Джонатан снова стал собранным и... равнодушным. Разделяющий нас пушистый ковер на полу казался пропастью.

— Собственно, добавить уже особого нечего: вы второй раз оказываетесь возле артефакта, который похищают сразу же после вашего появления. За время нашего знакомства я успел сделать вывод, что вы не глупы. Импульсивны, да, но обладаете довольно проницательным умом. Так откровенно рисковать и привлекать внимание полиции вы бы не стали.

— Но зачем кому-то меня подставлять? — негромко спросила я, пытаясь не смотреть на пальцы Джонатана, сплетенные в замок. Я вспомнила их теплоту на своей щеке, и по телу разлилось чувство потери.

— Хороший вопрос. На него я и ищу ответ.

Я помедлила, прежде чем задать следующий вопрос: не знала, имею ли на него право. Признание Джонатана о мотивах, движущих им при заключении брака, не вызвало протеста. Возможно, только чуть-чуть задело женское самолюбие, которое у меня все-таки было, пусть я и не хотела об этом вспоминать.

— Вами движет только азарт... или что-то еще? Речь идет о расследовании пропажи артефактов, — после паузы пояснила я.

Он заколебался и не успел ответить. На дверь обрушился град ударов, и почти тут же раздался взволнованный голос Оуэна:

— Ари, ты там?

— Кажется, у нас гости, — заметил Джонатан и вопросительно добавил: — Ари?

— Гвен так сокращает мое имя, а он подхватил от нее.

— Понятно. Вам не подходит.

Я с трудом спрятала улыбку — настолько не к месту, уверенно и по-собственнически это прозвучало.

— Защитное заклинание, — напомнила я. — Оуэн так просто не уйдет.

Спохватившись, Джонатан щелкнул пальцами, выводя руну, и дверь, вспыхнув золотым огнем, пропустила гостей. На пороге застыл Патрик, смущенно рассматривавший меня через стекла очков, а Оуэн метнулся ко мне, наплевав на все правила этикета.

— Ну как ты? — встревоженно бросил он и, заметив Джонатана, не подумал притормозить. — Добрый день, рин Эйверли.

— Добрый, — откликнулся тот и легко поднялся. — Прошу простить, меня ждет работа. А вы располагайтесь поудобнее.

Проводив удаляющуюся спину моего мужа, друзья резко повернулись ко мне.

— Рассказывай! — выдохнул Оуэн. — И как ты во все это вляпалась?

— Что ты имеешь в виду?

— Тебя подозревают в краже артефакта, — тихо проговорил Патрик, бочком уstraиваясь на стуле. — Вся академия только об этом и говорит.

Я страдальчески вздохнула. Ну, конечно! Разве могло быть иначе?

Глава 19

В итоге на урок ясновидения мы опоздали, но все же пришли. Удача! Особенно учитывая, что после допроса в полиции я не рассчитывала осчастливить мэтра Фоула своим присутствием.

Цветное стекло оконных витражей рассекали лучи яркого послеполуденного солнца. В голове с трудом укладывалось, как одно несчастное утро могло вместить в себя столько событий: сдачу зачета, разговор с Райли, кражу на выставке, стычку с Хопером... Немудрено, что голова шла кругом. Впрочем, возможно, тому виной вонючие благовония, которыми мэтр Фоул щедро окуривал комнату для практических занятий. Его голос, полный блаженного спокойствия того, кто достиг нирваны, раздавался между рядами и подбадривал.

— Вглядитесь в шар получше, — мягко советовал мэтр Фоул. — Повсюду разлитое знание о будущем. Все, что вам необходимо, — найти в себе решимость взглянуть в глаза правде. Отрешитесь от земных забот и...

Я мрачно фыркнула, продолжая тупо пялиться в шар. Ну да, отрешишься тут от проблем, когда то артефакты перед носом воруют, то фиктивный муж начинает вызывать недвусмысленный интерес. Признаться, даже сложно сходу сказать, что нервировало меня больше.

— Пусть ваш разум достигнет состояния, когда в голове не остается ни одной мысли, — продолжал мурлыкать мэтр Фоул. — Это поможет приоткрыть врата истины.

В памяти всплыла картина полуобнаженного Джонатана, отражавшегося в темном стекле окна, и я с досадой уставилась в стеклянный шар. Откроешь тут врата, ага.

Почему-то слово «врата» вызвало странную и совершенно неприличную цепочку ассоциаций с замочком и ключом. Щеки вспыхнули жаром, и я сдалась: ладно, ясновидение — точно не мое. Впрочем, с моим даром Проводника никто и не ждал от меня чего-то особенного.

— Ну как? — шепотом спросила я у сидевшего напротив Оуэна.

Мальчишка неопределенно передернул плечами, его взгляд приобрел пугающую отстраненность. За предыдущие занятия у мэтра Фоула я успела понять, что Оуэн, к собственному неудовольствию, весьма неплох в предсказании ближайших событий. Его видения были туманны, но сбывались достаточно часто. В прошлый раз он предсказал Орроу боль в груди, и тот пару дней стороной обходил тренировочное поле, боясь, что виной этой боли станет удар, а в итоге слег с воспалением легких. Кто бы мог подумать, верно?

— Я не уверен... — тихо, почти безразлично ответил Оуэн. Его голос во время транса всегда становился невыразительным. — Слишком темно...

— Так, позвольте. — К нам, обойдя Патрика, приблизился мэтр Фоул и с интересом всмотрелся в стеклянный шар. Видимо, не увидел ничего интересного, поэтому нацепил на нос дужки очков и снова разочарованно цокнул языком. — Ариана, будьте добры, помогите вашему другу. Кажется, он поймал видение, но ему не хватает опыта, чтобы расшифровать его.

Поймать видение — звучит как сленг наркоманов. Естественно, я не сказала об этом вслух, а лишь молча поднялась с коврика, на котором до этого сидела в позе лотоса, и встала за спиной Оуэна. Любопытные взгляды одноклассников обжигали, но я к ним уже привыкла. Сложнее было не замечать шепотков.

— Как думаешь, в итоге она выберет его?

— Вряд ли муж ей разрешит.

— Но Эйверли всегда говорил, что будет работать один.

— Кто знает, вдруг захочет с женой?

— А даже если нет, неужели отдаст ее в пару другому?

Я потрясла головой, стараясь сосредоточиться. Рассуждения о том, кому же достанется мой дар Проводника, я слышала все чаще. С одной стороны, на всех парах я неизменно выбирала Оуэна в качестве напарника, что, конечно, добавляло тому очков в глазах остальных. С другой — я все-таки девушка несвободная и, следуя логике местного общества, должна «достаться» мужу, но интереса с его стороны никто не замечал, что вызывало вопросы. В общем, сплетен для местных кумушек в штанах вполне хватало.

В ладони ткнулись уже знакомые потоки магии — легкие и теплые, как ласковый майский ветер, и, зажмурившись, я направила их Оуэну. Тот вздрогнул, будто от разряда тока. С его губ полились слова — быстро и почти неразборчиво.

— Я вижу девушку на алтаре... Нет, это камень. — Оуэн чуть сглатывал окончания, чего я прежде не замечала за ним. Да и голос вновь стал чужим. Я стояла за его спиной, поэтому не видела его глаз, но подозревала, что они потемнели и слепо смотрели прямо перед собой. — Точно, большой и холодный камень.

— Что еще ты видишь? — с напряжением поинтересовался мэтр Фоул.

Мне стало не по себе. Прежде Оуэн делился чем-то менее... драматичным.

— Пещера. Темно. Где-то капает вода. Она не одна.

— Кто?

— Девушка. Рядом с ней еще кто-то.

— Хорошо, что потом?

— Она кричит... Нет!

Оуэн дернулся, и от его движения стоявший на низком деревянном столике стеклянный шар покачнулся и сорвался вниз. С глухим ударом он соприкоснулся с полом, но не разбился (высота была не та) и, позвякивая, покатился дальше, пока не замер под ногой Патрика. Тот смущенно поднял его и протянул мэтру Фоулу.

— Что ты увидел? — В голосе преподавателя звучала непривычная тревога — ни следа того спокойствия, которое он обычно демонстрировал. — Говори!

Оуэн резко обернулся, и от выражения его побелевшего лица у меня бешено забилося сердце. Такой смеси ужаса, паники и решительности я давно не видела. Пару секунд, и трясущиеся губы мальчишки сложились в жесткую линию.

— Простите, — немного виновата сказал он и с вызовом вскинул глаза, — но видение было... неприличным. Не уверен, что я осмелюсь его пересказать, тем более в присутствии дамы.

Дама, то есть я, обиженно цокнула языком. Да я столько похабных анекдотов знаю (спасибо работе в мужской компании)! Поручику Ржевскому и не снилось!

— Вот как? — Мэтр Фоул расслабился. На его губах заиграла фирменная просветленная улыбка человека, познавшего дзен. — Ты не намекаешь, что случилось в той пещере?

За спиной раздались глухие мужские смешки. Я тоже невольно улыбнулась, но внутри меня будто бы сжалась стальная пружина. Глаза Оуэна смотрели прямо и честно, но что-то в его выражении лица смущало.

— Врожденное благородство не позволяет мне этого сделать, — тактично проговорил Оуэн.

Его уши горели алым, и, видимо, это заставило мэтра отступить. Вздохнув, он покачал головой:

— Что ж, давайте вернемся к практическому заданию. Кто-нибудь еще может похвастаться интересным видением?

Класс ответил молчанием.

— Жаль, очень жаль. Рин Оуэн, знаю, еще рано думать о распределении, но я бы действительно советовал вам обратить внимание на факультет прогнозирования.

Оуэн поморщился, и я не удержалась от кривой усмешки. Мальчишка так мечтал о боевой магии, но по иронии судьбы дар ему достался совсем другой. Пожалуй, я бы даже пошутила на эту тему, но боюсь задеть его гордость.

И все же... Неужели он правда увидел любовную парочку, которая искала уединенное место? Или дело все-таки в чем-то другом?

— Ноги у тебя неплохие, а вот руки откровенно слабые, — с неодобрением резюмировал Майкл и, пройдясь оценивающим взглядом по моему подрагивавшему от усталости телу, скомандовал: — Давай еще!

Я едва не рухнула на холодную траву, в зелени которой скользили первые робкие лучи утреннего солнца, — светало.

— Ты же говорил, двенадцать! — возмутилась я.

— Сделаем пятнадцать. — Майкл хищно, с издевкой улыбнулся. — Потренируем руки. А ты что, уже раздумала триумфально сдать зачет у Ларкинза?

Я выдержала его саркастичный взгляд и, сцепив зубы, вновь оперлась на ладони и приняла нужное положение.

— Не надейся, — мрачно буркнула я. — Считаю давай.

— Один. Глубже, нужно глубже.

— Я тут вообще-то отжимаюсь, а не шпаги глотаю, — придушенно огрызнулась я скорее по привычке, чем из желания спорить.

С Майклом мы все время препирались. Видимо, были слишком похожи: упрямые, жесткие, неуступчивые... Мы не лезли за словом в карман и не подыскивали пристойных выражений. От тех «теплых» слов, которыми он осыпал меня, мотивируя на физические подвиги, даже у грузчиков завяли бы уши, а у моей школьной учительницы случился бы сердечный приступ. Но, как ни странно, это не задевало. В смысле здоровая злость действительно заставляла меня работать лучше, но обиды не возникало. Майкл был кем-то вроде закланной ехидной подружки, которая, наверное, есть почти у каждой.

— Надеюсь, со шпагами дела у тебя лучше, чем с отжиманиями, — не остался в долгу он.

Я гордо (насколько это возможно, пытаясь от усталости) промолчала. Сама подставилась.

На протяжении последней недели мы тренировались каждый день, и, по ощущениям, подвижки все-таки были, пусть Майкл и закатывал глаза при виде моих попыток преодолеть огромный барьер в виде высокого забора.

— И-и-и, давай-давай! Пятнадцать!

— Закончили упражнение, — рухнув в траву, выдохнула я.

Вся спина была покрыта противным липким потом. Раскрасневшееся лицо дышало жаром, мышцы горели. Я всерьез опасалась, что уже не встану с земли. Даже хорошо, что она холодная — на ней так приятно лежать. Если еще и глаза прикрыть...

— Отдохнула? Вставай, нас ждет центрифуга. С нее постоянно слетают во время забега по полосе препятствий. Хорошо, если без последствий. Кенси, например, сломал ногу.

Я, приподнявшись, с опаской покосилась туда, куда указывал Майкл. Круглая деревянная площадка мало того, что вращалась, так еще и ходила ходуном, то поднимаясь, то опускаясь. И это я еще не упомянула о натыканных на каждом шагу ловушках. Наступишь не на ту половицу — и получишь шипастым железным шаром в лицо. Так себе перспектива, скажем честно.

Вообще, без преподавателя эта штука не включалась, но Ларкинз, заслышав о моем желании потренироваться, выдал нужный артефакт и с любопытством пожелал мне удачи.

Подозреваю, на зачет он придет с попкорном. Как и большинство студентов. Сложно их осуждать за это... Чем больше я занималась на поле, тем отчетливее понимала, что несколько переоценила свои силы. Но отступить было уже поздно.

— Ладно, давай, — сказала я. — Только недолго. Уже светает.

Майкл вскинул голову, будто только сейчас спохватился о времени, и, кивнув, подал руку. Я оперлась на нее и, чувствуя себя едва ли не калеккой (болело все тело), поднялась на ноги.

— Говорят, ты вчера давала показания в полиции? — не то спросил, не то констатировал факт он.

Я поморщилась, не желая вспоминать вчерашний разговор с представителями правопорядка. Пусть он и прошел весьма деликатно (Хопер вокруг меня разве что танец с бубнами не организовал), но оставил какой-то неприятный осадок. С одной стороны, я была очень благодарна Джонатану за поддержку, с другой — было неловко, оттого что ему пришлось тратить время на мои проблемы. Вид главы Тайной Канцелярии, вытянувшего ноги и неспешно распивающего кофе в кабинете для допросов, надолго застрял в моей памяти.

— Да, было дело, — неохотно отозвалась я, не видя причин скрывать. — А что?

Майкл усмехнулся:

— Страшно тренировать возможную преступницу, вот что. Но отказать Эйверли еще страшнее. Ты в курсе, что он мне на днях письмо прислал?

Я едва не споткнулась на ровном месте.

— Только не говори, что любовное! — почти искренне взмолилась я.

За секунды, которые отделяли меня от ответа Майкла, я успела себе такое вообразить... Может, я вообще зря переживала, что муж видел меня голой?

Почему-то эта мысль вызвала панику и разочарование.

— Нет. А жаль.

Вот тут я едва снова не споткнулась, но удержала равновесие и с подозрением воззрилась на Майкла, смотревшего чуть в сторону.

— Тебе нравится Джонатан?

— Учитывая, что он твой муж, вероятно, я должен промолчать.

— Вероятно, — поддакнула я.

— Но вообще-то он и правда довольно привлекателен. А уж эта атмосфера тайны, окружающая его мужественную фигуру...

На его лице проскользнуло мечтательное выражение.

— Знаешь, после таких признаний в женском обществе принято трепать соперницу за космы, — с раздражением, ставшим для меня открытием, заметила я.

Сердце будто кольнуло острой холодной иглой.

— Да брось, он не по моей части, — ответил Майкл с легкой улыбкой. — Расслабься. Я могу хоть из штанов выпрыгнуть, но это ничего не изменит. Да и не настолько он мне нравится, если уж начистоту.

— Оставайся, будь добр, в штанах, — мрачно сказала я. — Особенно при моем муже. А то

я могу и разволноваться. Поверь, не стоит меня нервировать.

— О, кто-то ревнует?

Что, неужели снова? Это глупо, нас с Джонатаном ничего не связывает.

— Так что было в письме? — Я с трудом вернулась к началу беседы.

Мы подошли к центрифуге и остановились возле нее.

— Он действительно советовал помочь тебе с зачетом. Кажется, он переживает.

— Из-за чего?

— Скорее за кого...

На душе потеплело, а на губы скользнула улыбка. Пришлось потрясти головой, чтобы вернуться в реальность. Нет, не думаю, что Майкл прав. Наверное, тут дело в другом. В поступках Джонатана всегда есть двойное дно.

— Я просила его потренировать меня, — зачем-то призналась я. — Он отказался.

Брови Майкла взлетели.

— Странно. Эйверли — один из лучших в боевых искусствах. Он даже зачет получил автоматом, но, поверь мне, не за красивые глазки.

Его слова будто окатили меня ледяной водой. Расцветавшая внутри робким цветом надежда тут же увяла.

— Так что ты ошибаешься. Он не переживает, — подвела черту я и полезла на центрифугу. — Засечешь время?

— Да, — бросил Майкл и добавил: — Любопытные у вас отношения для мужа и жены.

Сказано это было так пронизательно, что я чертыхнулась. Еще не хватало, чтобы он догадался о фиктивности нашего брака.

— Что бы ты в этом понимал! — фыркнула я. — Вот сам женись, а потом других осуждай.

— В моем случае это будет проблематично.

— Осуждать?

— Жениться.

Я поколебалась, а потом оглянулась по сторонам — никого. Отлично, надо попробовать.

— Эй! Ты что делаешь?!

— Юбку снимаю. Я в ней точно свалюсь с этой штуки и сломанной ногой не отделаюсь!

— Но я же... мужчина!

— Угу, скажи, что оскорблен в лучших чувствах и намерен упасть в гневный обморок.

— Нет, не настолько.

— Не настолько мужчина?

— Не настолько оскорблен! — огрызнулся Майкл. — И потом, прости, но твои ноги в чулках не вызывают у меня внезапно вспыхнувшей страсти.

— Эх, придется это пережить, — ехидно ответила я и поинтересовалась: — А почему ты не можешь заключить фиктивный брак?

Утренний теплый ветер ласкал ноги. Рубашка была достаточно длинной, чтобы прикрыть все неприличные места, так что я чувствовала себя уверенно. Давно хотела понять,

насколько сильно мне мешает юбка.

— Ни одна девушка не пожелает фиктивного мужа, — после паузы проговорил Майкл. В его голосе прорезалась горечь. — Все они мечтают о детях, а их я не могу обещать.

— Даже если... сильно напиться?

Он усмехнулся.

— Тогда тем более. Готова?

Я кивнула и, прежде чем он активировал артефакт, спросила:

— А если жена забеременеет от кого-нибудь другого?

Его рука ненадолго замерла, а затем продолжила чертить руну на артефакте.

— В моей семье принято проходить ритуал чести: каждого рожденного младенца проверяют. Будет очень странно, если в моем ребенке не окажется ни капли моей крови.

— Оу! — вырвалось у меня. — Тогда и правда все сложно.

Майкл дернул уголком губ.

— Я тоже так думал. А потом посмотрел на твои проблемы и приободрился.

— Что ты имеешь в...

Центрифуга, угрожающе лязгнув, завертелась на месте. Вскрикнув, я едва не упала, но сумела устоять на ногах. Уворачиваться и перепрыгивать ловушки без юбки оказалось гораздо проще, чем в ней, так что я продержалась дольше обычного.

— А ты сильнее, чем кажешься, — с одобрением заметил Майкл и, конечно, не удержался от ехидства: — Подумай о том, чтобы сдать зачет в чулках.

— Непременно, — почти серьезно ответила я.

О том, что не все женщины мечтают о детях, я решила поговорить в другой раз. Когда буду чуть более одетой и менее уставшей.

Глава 20

Я вывела на листочке заголовок «Похищение артефактов» и от него — две стрелочки с кружочками, внутри которых написала «кинжал» и «чаша». Между ними, подумав, неохотно втиснула имя Гвен. Как ни противно было считать ее преступницей, но я не могла отбросить этот вариант. В последнее время ее поведение было слишком подозрительным. Мне припомнилось зелье, которое она приготовила с помощью моего дара. Конечно, считать ее причастной к краже на выставке нельзя — слишком притянуто за уши, но... Почему-то я все время возвращалась к этой мысли. В конце концов ее внезапное дружелюбие сразу насторожило меня. С другой стороны, не слишком ли много я на себя беру? Кто сказал, что весь мир должен вертеться вокруг моей персоны? У Гвен могут быть свои причины вести себя странно (опять же в моем понимании странно). Кстати, что она тогда сказала? «Этого хватит на десять порций», верно? Но свидетелей было больше. Похоже, моя теория (надеюсь, рожденная не из ревности) рассыпалась как карточный домик.

Я пощекотала кончиком пера подбородок и, поколебавшись, вывела еще одно имя. На этот раз Оуэна. Что он увидел в том видении? Последние несколько дней он упорно избегал меня, и это наводило на кое-какие подозрения... Впрочем, зачем ему лгать о той картинке, что он разглядел на уроке ясновидения?

Хлопок двери заставил вздрогнуть и поднять голову от листка бумаги, лежавшего на подлокотнике кресла. Завидев Джонатана, я спустила босые ноги на пол (до этого сидела, поджав их под себя) и выпрямилась.

— Вы уже дома? — с легкой ноткой удивления поинтересовался он.

— Да, — ответила я, сменяя скромный итог своих размышлений, — а что?

Я наклонилась и почесала Плющика, подставившего бутон, как ластящаяся кошка голову. По совету Райли я принесла в комнату горшок с землей и выпустила туда питомца. К моему удивлению, тот пришел в восторг и уже полчаса исследовал новую территорию.

— Ничего, просто последнюю неделю вы возвращались поздно вечером и падали в кровать замертво.

Это потому что все это время я старательно разбиралась с «хвостами». Сегодня моим мучениям наконец-то пришел конец. Хотя не окончательный — у меня все еще висел зачет у мэтра Ларкинза. Его я тоже должна закрыть на днях. И тогда, возможно, всерьез смогу рассчитывать на стипендию. Ну или хотя бы сосредоточиться на том материале, что одnogруппники изучают сейчас, а не пару месяцев назад.

Тем более новый темп тренировок (Майкл настоял на том, чтобы проводить их два раза в день: утром и вечером) уже довел меня до изнеможения. Еще немного, и я правда упаду замертво. Причем явно не в кровать.

— У меня выдалась очень насыщенная неделя, — честно призналась я.

Я даже к ректору не успела зайти. Все хотела обсудить с ним идею студенческой газеты, которая возникла во время разговора с Райли, но сначала эта кража на выставке с последующим допросом в полиции, затем навалившаяся учеба... В итоге я только вчера вспомнила об этом запасном плане. Надо бы все-таки дойти до Абрамса, ведь вопрос с подработкой так и повис в воздухе. Сколько я ни пыталась, никто не желал связываться с девушкой.

— Как ваши тренировки с ринком Берчем?

Джонатан обошел кресло сзади, искоса взглянул на смятый листок в моей руке, но ничего не спросил.

— Совсем скоро они прекратятся. Как говорится, лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Если я публично опозорюсь, так тому и быть.

— Боевой настрой.

Он стоял за спиной, поэтому пришлось обернуться. На его губах играла усмешка. Мельком я подумала, что сегодня он непривычно разговорчив. Интересно, с чего бы это?

Впрочем, тут я не совсем права. После нашего весьма неловкого столкновения в ванной и последовавшей за ним беседы Джонатан будто раз за разом старался вытянуть меня на откровенность. Мимолетные замечания, ничего не значащие фразы... Кажется, будто мы поменялись местами: теперь он изучал меня, пытаясь растормошить, а я отгородилась стеной молчания.

И не то чтобы я боялась сделать шаг навстречу... Ну ладно-ладно! Боялась. Имею право, между прочим! Мы с Джонатаном заключили сделку, и кто знает, к чему приведет попытка вписать в нее еще и чувства?

— Да, что-то я не настроена на драку, — кисло улыбнувшись, призналась я.

Взгляд выхватил на смятом листке заглавные буквы имен друзей, и я нахмурилась. Все-таки с чего начать? В голове пронеслись недавние слова Майкла, и с губ сорвался неловкий вопрос:

— Вы писали Берчу?

Джонатан чуть ленивым движением поправил манжету рубашки.

— Верно. Вас это смущает?

— Скорее изумляет, — тихо сказала я, не зная, продолжать или нет. А затем, проклиная свой язык, все-таки продолжила: — Вы отказались меня тренировать. Не думала, что вас беспокоит исход моей авантюры.

В голосе все-таки прорезались обиженные нотки, и я мысленно выругалась. Ну и чего я этим добилась? Выставила себя маленькой надувшейся девочкой. Видимо, сильно меня тогда задела его небрежные слова...

Пришлось снова себе напомнить, что Джонатан мне ничего не должен. И это к лучшему.

— У вас сегодня свободный вечер?

Я подняла голову и с недоумением взглянула на мужа. Столь резкая смена темы несколько выбила из колеи. Впрочем, к подобным поворотам пора бы уже и привыкнуть: предугадать поведение Джонатана получалось редко.

— Да.

— Не хотите прогуляться?

Это прозвучало так неожиданно, что пару мгновений я с подозрением всматривалась в его лицо, ища намека на иронию.

— Да бросьте, — довольно дружелюбно сказал он. — Что не так с моим предложением?

Я постаралась не хихикнуть.

— Встреча будет происходить во время захвата особо опасного преступника, где вам потребуется мой дар Проводника?

— Нет.

— Тогда в месте кражи следующего артефакта, где я буду героически держать ваш плащ, пока вы не менее героически станете ловить преступника?

В глазах Джонатана заплесали чертята.

— Нет.

— Тогда, хоть убейте, я не понимаю, куда и зачем мы должны прогуляться.

Вместо ответа он молча прошел к шкафу и открыл дверцу.

— Надеюсь, вы не восприняли мою просьбу об убийстве буквально и не полезли искать пистолет? — любезно уточнила я, сгорая от любопытства.

Что-что, а интриговать Джонатан умел! С ним не соскучишься.

Пожалуй, это было то качество, за которое я его... Хм... В смысле вызывающее уважение и симпатию.

— Наденьте. — Джонатан протянул мне черный плащ с капюшоном. — В городе дождь, а у вас есть только тонкая накидка. Не хочу, чтобы вы промокли.

Я поколебалась, а затем обулась и все-таки схватила предложенную вещь. От нее едва уловимо пахло его туалетной водой, и, закутываясь в непромокаемую ткань, я незаметно втянула аромат носом.

— Куда мы идем?

Он захватил из шкафа зонт, взялся за портал и бросил:

— Получить ответ на один из ваших вопросов.

Я покосилась на Плющика.

— Лучше оставить его дома, — посоветовал Джонатан. На улице довольно мерзко. Ему не понравится.

Подумав, я согласилась. Артефакт перехода вспыхнул, а затем на полу появился горящий чернотой круг. Джонатан протянул руку, и я, не колеблясь, приняла ее. Мы одновременно шагнули за черту.

Темнота под прикрытыми веками вспыхнула россыпью разноцветных звезд, а когда я вновь распахнула глаза, то увидела залитую дождем улицу: на мокрой мостовой в озерцах луж отображались магические фонари и крыши добротных двухэтажных особняков. Мощенные плиткой дорожки пустовали, но учитывая поздний час и не самую приятную погоду, было бы странно ожидать столпотворения в столь тихом благопристойном районе.

Над головой, где на затянутом свинцовыми тучами небе не хватало мерцания жемчужных звезд, раздался щелчок. Мгновение, и я оказалась надежно укрыта от дождя черным зонтом, который Джонатан раскрыл и теперь держал надо мной.

— Спасибо, — поблагодарила я. — Куда нам?

— Здесь недалеко. Следуйте за мной. К сожалению, дом защищен магией, поэтому портал не мог выбросить нас ближе.

— Ничего. — Я усмехнулась. — Не сахарная, не растаю.

— Да, таете вы плохо, — непонятно к чему с легким недовольством заметил Джонатан. — Пойдемте.

Наш путь лежал к одному из белых двухэтажных домов, огороженному изящным кованым забором. Калитка оказалась не заперта, а лай собаки тут же стих, стоило Джонатану строго бросить «Бадди, тихо!». Огромная серая собака, издали похожая на волка, тут же заискивающе припала к земле и завиляла хвостом. Джонатан на ходу потрепал ее по косматой голове, из чего я сделала вывод, что он здесь частый гость. Мы быстро миновали дорожку, ведущую к уютному деревянному крыльцу с креслом-качалкой под навесом. Вместо колокольчика на двери висел железный молоточек в виде когтистой лапы. Джонатан уверенно потянул за нее и постучал.

Нас не заставили долго ждать.

— Рин Эйверли, добрый вечер. Прошу вас.

Дворецкий чуть отступил в теплый, залитый светом люстры холл. После уличного полумрака я сощурилась, рассматривая детали интерьера. Обои с вензелем, паркетные полы, высокие потолки, картины в позолоченных рамах — видимо, мы попали в гости к

высокопоставленной особе. Интересно к кому?

— Позвольте ваш зонт, рин Эйверли. Ваш плащ, рина.

Я с удовольствием отдала намокший плащ и, оставшись в юбке и блузке, чуть повертела головой. В цветовой гамме было много алого и золотого, но, на удивление, такое решение не подавляло. Я переступила с ноги на ногу, сгорая от любопытства. Зачем мы здесь?

— Берни, кто там?

По парадной лестнице, держась за мраморные перила, спускался пожилой мужчина. Его волосы, зачесанные назад, были полностью седыми, походка немного неуверенной, но морщинистое лицо озарила улыбка, стоило ему рассмотреть Джонатана.

— Эйверли! — радостно воскликнул он. — Ты решил навестить старика? Да еще и не один, а со спутницей!

— Добрый вечер, рин Томас, — с улыбкой проговорил Джонатан. Его ладонь ненадолго легла мне на талию, чуть подталкивая вперед. — Позвольте представить вам Ариану Эйверли, мою жену.

Трость, на которую опирался Томас, едва не выпала из его дрогнувшей руки.

— Ты женился! — восхищенно выдохнул он и ускорил шаг. Трость отсчитывала каждую ступеньку во все нарастающем темпе. — Берни, чай! Нет, шампанское! Подай и то и другое в кабинет.

— Конечно, рин Томас, — откликнулся дворецкий.

— Не стоит, — непривычно мягко возразил Джонатан.

Я покосилась на него. Таким расслабленным я его еще никогда не видела. Ни следа привычной холодности. Даже морщинки-лучики вокруг глаз разгладились.

— И правда, — согласился Томас и, оказавшись внизу лестницы, вновь крикнул: — Разве можно праздновать в кабинете? Берни, все в гостиную!

— Конечно, рин Томас, — все с той же невозмутимой интонацией согласился дворецкий.

— Я имел в виду, что можно обойтись без лишнего шума, — с небольшим нажимом сказал Джонатан. — Нам не нужны реверансы.

Но Томас его не слушал. Оказавшись напротив меня, он с трепетом взял мою руку и поцеловал сухими горячими губами.

— Рина, как я счастлив познакомиться с избранницей Эйверли! Признаться, думал этот лис так и помрет в одиночестве: слишком умен, слишком заносчив.

Я спрятала улыбку и, не торопясь убирать руку из морщинистой, покрытой старческими пятнами ладони Томаса, мягко возразила:

— Мне так не показалось.

— Не показалось, что я умен? — уточнил Джонатан, вскинув бровь.

Я гордо сделала вид, что не расслышала его иронии, а Томас расхохотался:

— Вот видите, видите? Абсолютно несносный тип.

— Ну что вы, — вежливо ответила я. — Временами он довольно... мил.

— Насколько? — с интересом уточнил Томас.

— Настолько, что в него почти не хочется запустить книгой.

Томас снова рассмеялся, а Джонатан одарил меня изучающим взглядом из-под

полуопущенных ресниц. Я не поняла, что мы делаем и кого пришли навестить, но четко осознала одно: мне нравится играть эту роль! Нравится строить из себя настоящую жену Джонатана. Его рука на моей талии, мимолетная улыбка, обмен шпильками на публике, будто только нам известным шифром... Все это вызывало волну мурашек по спине и разливающееся тепло в груди.

Ох, как бы не заиграться!

Нас проводили в гостиную с мягкими креслами. В огромном белоснежном камине весело потрескивали дрова. За окном шумел ветер и шелестел дождь, но здесь, в просторной светлой комнате в бежевых тонах, было уютно. На столике осталось стоять шампанское — к нему мы так и не притронулись, а вот от чая никто не отказался.

— И вот, в тот самый момент, когда благородного рина, едва не устроившего дворцовый переворот, поймали... Дорогая, возьмите печенье. Его лично испек мой повар из Арнии. Лучше выпечки вы еще не пробовали!

Я, замороженная рассказом, на автомате утащила печенье из вазочки. Очень хотелось записать слова Томаса, но под рукой не было ни бумаги, ни пера. Оставалось надеяться на память.

— Благодарю, — пробормотала я и подалась вперед. — Так что, говорите, было дальше?

Краем глаза я заметила, что Джонатан, поднеся ко рту чашку с чаем, чуть усмехнулся. Он не протестовал, когда Томас пустился в воспоминания, но и особого восторга не выказывал. Скорее он... наблюдал. Я постоянно ловила на себе его косые взгляды. От этого щеки то и дело вспыхивали, но ненадолго: увлекшись повествованием, я выныривала из него нечасто. В голове неоновым светом вспыхивали разные варианты названия статей для этой истории.

Конечно, Джонатан не даст разрешения на публикацию такого материала, но помечтать-то можно? Все-таки я очень скучала по своей старой работе.

— Благородный рин, имени которого, мы, конечно, не будем называть...

— Конечно, — серьезно согласилась я, снова пряча улыбку.

— ...спросил, кто же «сдал» его. И каково же было его удивление, когда из темного угла комнаты для допросов шагнул Эйверли, — то самое доверенное лицо, в котором он не сомневался!

Воображение ярко нарисовало эту картинку, и, признаться, вышло эпично. Я не сдержалась и восхищенно присвистнула.

— Да-да! — закивал Томас, явно не смущенный моей реакцией. — Представляете? У благородного рина едва удар не случился.

— Это старая история, — заметил Джонатан, впервые за долгое время подавая голос. — Едва ли она стоит нашего внимания.

— Это было твоим первым важным заданием — пробраться к самой верхушке айсберга интриганов, — проговорил Томас и покачал головой. — Никто не верил, что ты справишься. И как же приятно было доказать обратное!

— Вы верили в меня. Пожалуй, только вы, — негромко заметил Джонатан и вдруг перевел тему. — В своем письме вы говорили, что несколько артефактов вышли из строя и нуждаются в подзарядке, но мастера не берутся за них — утеряна формула.

— Да, — с грустью согласился Томас и прошел рукой по седым усам. — Это семейное наследие, память о предках. Жаль, если она утратит силу...

Джонатан отставил чашку в сторону и поймал мой взгляд. Что ж, кое-что проясняется...

— Мы пришли помочь вам с этим, — сказал он. — У Арианы дар Проводника.

— Не может быть! — ахнул Томас. — Вы и правда обладаете таким редким талантом?

Вопрос прозвучал так искренне и восторженно, что я смутилась. Этот старик с непринужденными манерами с каждой минутой нравился мне все больше.

— Да, — вместо меня ответил Джонатан. — Думаю, она сможет решить вашу проблему. Верно?

Он посмотрел на меня, и я лишь кивнула. Почему бы не помочь?

— Я сейчас вернусь, — пробормотал Томас, приподнимаясь из кресла. — Берни нельзя доверить столь ценные артефакты. Минуточку...

Трость застучала по паркету, а затем стихла где-то в коридоре. Я, продолжая прислушиваться к вою ветра за окном и шипению огня в камине, медленно подняла голову и взглянула на Джонатана.

— Кем вам приходится рин Томас?

— Учителем, — негромко ответил он. — И, пожалуй, в каком-то смысле он заменил мне родителей.

— Вот как? — поощрительно уточнила я, боясь ляпнуть что-то не то.

На Джонатана нельзя было давить. В этом мы похожи.

— Да. В пятнадцать, после смерти матери, я попал в плохую компанию — пытался не умереть с голоду. Томас тогда работал детективом. Он, ведомый, вероятно, жалостью, вытащил меня из передраги, пристроил в школу, а затем помог с устройством на работу. Этого хватило, чтобы навсегда выбраться из того болота, где я родился.

— Хорошо, что там не водилось крокодилов, — ляпнула я и прикусила язык.

К моему удивлению, Джонатан лишь фыркнул. На его тонких губах застыла ироничная улыбка. Кажется, ему понравилось такое замечание. Сочувствие бы его оскорбило.

Значит, учитель... И на какой вопрос мне даст ответ знакомство с ним?

Двери распахнулись. В руке вернувшегося Томаса подрагивала деревянная резная шкатулка. Трость снова глухо отсчитала шаги старика. Для своего возраста передвигался он достаточно шустро.

— Вот, рина. — Он водрузил шкатулку на стол и с трепетом открыл ее. — Здесь четыре артефакта, которые дороги моему сердцу как память предков. Магия древняя, опасная, поэтому будьте осторожны при работе с ней.

Я кивнула и с осторожностью подо двинулась поближе. Вещи выглядели безобидно: часы, заколка для волос, пудреница и кольцо. Я не стала уточнять, как именно они должны служить владельцу. Остаток красного магического ареола, окружавшего их, подсказывал, что они не так просты, как кажутся. Похожий ареол был и у той броши, что одолжил мне Джонатан на вечеринке у Оливера.

Я сосредоточилась и, взяв в руки первую безделушку, приступила к работе. Макушкой я чувствовала внимательный взгляд Джонатана, но он не отвлекал. Магия привычной теплой волной устремилась к пальцам. Все, что требовалось, — лишь задать ей нужное направление. Так странно, что сами маги этого не могут сделать.

— Благодарю, — с благоговением проговорил Томас, когда я спустя недолгое время вернула ему шкатулку. — У вас удивительный дар! Берегите себя.

Я улыбнулась, возможно, чуть вымученно. Ладони все еще покалывало, а на тело навалилась усталость. Артефакты и правда были непростыми, и пришлось приложить усилия, чтобы заставить их заработать.

— Обязательно, — пообещала я.

— Впрочем, Эйверли вас в обиду не даст, — вдруг сказал Томас и подмигнул мне — заговорщицки и немного по-детски. — Вы выбрали правильного мужа, дорогая.

Его слова отзывались странной внутренней дрожью и вспыхнувшим чувством предвкушения, смешанного с надеждой. Господи, да о чем я вообще думаю?

— Еще чаю? — любезно осведомился Томас и, не дожидаясь ответа, позвонил в колокольчик.

— Нет, нам пора, — вмешался Джонатан. — Уже поздно.

Я с облегчением выдохнула. Томас действительно вызывал симпатию, и я бы с удовольствием пришла сюда еще раз, но для одного вечера впечатлений было достаточно. К тому же эхо его голоса, осевшего в голове в виде раскатистой фразы «он не даст вас в обиду», заставило ноги чуть подрагивать от странного волнения. Того самого, которое, кажется, я испытывала лишь однажды — во время первой серьезной влюбленности.

Так, это все не к добру... Надо срочно взять себя в руки!

— Навешайте старика почаще, — попросил Томас, снова коротко целуя мою ладонь. — Я с радостью поговорю с кем-нибудь кроме Берни. Он в последнее время рассуждает только о том, что не может найти мальчика-посыльного взамен того, который уволился на днях.

Томас явно пытался шутить. При виде грусти, проскользнувшей по его старческому лицу, я пообещала себе, что обязательно сюда еще вернусь. Видимо, он жил один. Возможно, у него не было родственников и...

Родственники!

— Вам нужен мальчик-посыльный? — быстро уточнила я. — Знаете, у меня есть один на примете.

— Правда? — Казалось, Томас удивился, но с готовностью переключился на новую тему. — Откуда вы его знаете?

— Он мой брат. — О том, что я иномирянка, речь не заходила, так что лишние уточнения сейчас ни к чему. — Его зовут Ион.

В памяти все время сидела просьба «родителей» пристроить младших. Но, пожалуй, из всей «родни» я хотела помочь лишь Иону. Только он проявлял ко мне доброту, тогда как остальные откровенно использовали дармовую рабочую силу.

— Он толковый, — с жаром продолжила я. — Умеет писать и читать.

— Что ж, — задумчиво проговорил Томас, — думаю, это можно устроить. А если он себя хорошо зарекомендует, мы можем отправить его в школу. У меня еще остались связи, — гордо добавил старик и вопросительно посмотрел на Джонатана.

Сначала я не поняла их обмена взглядами, а затем вспыхнула. Конечно, в этом мире женщина не принадлежит самой себе, поэтому, прежде чем в чем-то идти ей навстречу, необходимо получить одобрение ее опекуна, то есть мужа.

Вот же черт!

Эта мысль изрядно испортила настроение. В компании Джонатана я почти всегда забывала об этом. Он предоставлял возможность выбора и уважал мои решения.

Попрощавшись с хозяином дома, мы вышли на улицу. Под ногами хлюпали лужи. Дождь за время нашего отсутствия лишь усилился, а темнота — сгустилась.

— Томас не хотел вас обидеть, — тихо сказал Джонатан и поднял зонт повыше над моей головой. — Он следует традициям.

— А вы?

Не знаю, почему мне было так важно услышать его ответ.

— А я люблю их нарушать.

Его спокойствие передалось и мне. Напряжение, сковавшее тело и душу, отпустило. Запоздало я поняла, что могла бы попросить помощи и у Джонатана. Наверное, он бы пристроил Иона. Но мне даже в голову это не пришло! Забавно.

Это меня так сильно задело его нежелание помочь с тренировками?

Мы вышли на мостовую и зашагали к тому же месту, где нас выбросил портал. Крупные капли дождя стучали по зонту. Брызги ручейков луж грязными разводами оседали на полах плаща. Пожалуй, его придется хорошенько почистить по возвращении домой.

Домой?

Я замерла, оглушенная пониманием того, как далеко все зашло. Джонатан по инерции прошел еще пару шагов, а затем обернулся. Я поспешила за ним. Тех секунд, что я была без защиты зонта, хватило, чтобы основательно намокнуть.

— Извините, — отфыркиваясь, пробормотала я. — Задумалась.

Джонатан несмело протянул ко мне руку. Его пальцы осторожно коснулись ворота капюшона. Тот упал мне на макушку, и я с недоумением вскинула глаза.

— Нужно было сразу это сделать, — тихо сказал Джонатан.

Кончики его пальцев замерли на моей щеке, и я, как замороженная, не смогла ни оттолкнуть его, ни сделать шаг вперед. Мы стояли близко, очень близко друг к другу, укрытые от всего мира зонтом. И казалось, на этом островке спокойствия, за которым шумел ливень, происходило нечто безумно важное.

Сердце пропустило удар, а затем забилось чаще.

— Какой ответ я должна была получить у рина Томаса? — спросила я.

Голос подвел, и получилось едва слышно, почти шепотом.

— Ах, это... — Джонатан смотрел на меня прямо, будто пытался найти что-то в моем лице. — Вы зарядили древние артефакты — семейные реликвии. Это под силу далеко не каждому.

— Да?

Он коротко кивнул, абсолютно серьезный и непроницаемый.

— Я слышал, вы искали подработку. Это может стать изящным решением. Я найду вам клиентов и стану сопровождать. Если хотите.

Хотела ли я?

Я задумалась. Казалось, ответ очевиден, но почему-то он вызывал внутренний протест. Повесить на Джонатана необходимость искать мне артефакты, а потом еще и тратить время на сопровождение? Как будто у него нет других забот! К тому же...

— Простите, но я должна справиться с этим сама, — наконец сказала я. — Это важно, правда.

Джонатан улыбнулся — коротко, едва уловимо и капельку торжествующе.

— Я так и думал, — бросил он. — К слову, это и был ответ на ваш вопрос.

Я нахмурилась, сбита с толку.

— Какой?

— Почему я не стал вас тренировать. Победа, полученная с моей помощью, потеряет для вас всю прелесть. Я никогда не порчу чужую игру. — Помедлив, он добавил: — Если она не мешает моей, конечно.

Пораженная, я молча смотрела на него, не в силах поверить, что кто-то настолько

хорошо знает меня. Даже лучше, чем я сама! А ведь мы знакомы не так давно... Всего...

Я пыталась сосчитать дни, но то и дело сбивалась. Рука Джонатана на моей щеке, его близость и горячее дыхание, щекочущее губы, заставили думать о чем угодно, но не о математике.

— Вы, — медленно проговорила я, — умеете удивлять.

Отблески фонарей, дождь, пустынная улица... Все это вдруг перестало иметь значение. Все, кроме мужчины, замершего напротив меня и смотрящего с голодным вопросом в потемневших глазах.

Я обхватила ладонь Джонатана своей и прижалась к ней щекой. Его взгляд буквально обжег. Забыв о сомнениях, я потянулась к нему.

В этот момент из-за угла резко вынырнула карета и, обдав нас грязью, поспешила дальше. Цокот лошадиных копыт смешался с бранью извозчика и нарушил идиллию.

Запоздало мне пришли на ум все те доводы разума, которые успела не только запомнить, но и возненавидеть.

У нас фиктивный брак. Фиктивный! И в моих интересах, чтобы так оно и оставалось.

Я вздрогнула и отшатнулась от Джонатана. Тот помрачнел, сжал челюсти, но ничего не сказал.

— Нам пора возвращаться, — с нажимом сказала я.

— Конечно, — легко согласился он.

Ночные фонари вспыхнули, а затем растворились в черноте портала.

Глава 21

— То есть вы, рина Эйверли, всерьез считаете, что такому достойному заведению, как наша академия, нужна... газета? Надеюсь, вы не имеете в виду те листки с юмористическими памфлетами, что сейчас так популярны в народе?

Я вздрогнула (новое обращение все еще резало слух), а затем страдальчески вздохнула.

— Не имею ничего против юмора и народного творчества, — с нажимом сказала я, — но вообще-то речь шла о другом.

— Правда? — неискренне удивился Абрамс и протер пенсне, чтобы затем посмотреть через него на меня. — Тогда, боюсь, я не уловил вашу мысль.

Хотелось скрипнуть зубами, но вместо этого я лишь шикнула на ожившего Плющика, улыбнулась и решила начать сначала.

В конце концов я долго готовилась к этому разговору. Речь шла не только о моем желании заработать (будь так, я бы продолжила выгрызать стипендию, шансы на обретение которой заметно выросли за последние пару недель). Если бы дело было только в деньгах, я бы действительно стала заряжать артефакты. Нет, я отчаянно жаждала найти свое место в этом мире. И оно вовсе не за спиной мужа.

— Мы могли бы для начала организовать небольшой стенд в холле, — терпеливо проговорила. — Там, где висит расписание занятий. Не придется вносить глобальных, требующих затрат изменений. Нам потребуется лишь парочка магических досок, на которых мы станем размещать не только информацию, касающуюся учебы, но и более личные вещи.

— Простите, рина, но зачем?

Я сложила руки на коленях и бросилась в атаку.

— Академия — не просто место для получения знаний, рин Абрамс. Все мы здесь — и преподаватели, и студенты — одна большая семья. Еженедельная газета смогла бы подарить чувство сплоченности. Рубрика с историями из жизни преподавателей и студентов сгладит разделяющую их пропасть и позволит взаимодействовать друг с другом более эффективно.

Признаться, это не было моей основной целью, но прозвучало все равно прочувственно. Будь я экранным злодеем, от моей финальной пафосной речи зрители в кинотеатре плакали бы навзрыд.

Но ректор был тем еще кремнем. Когда я, минут десять спустя, все-таки выдохлась, он посмотрел на меня с легкой задумчивостью.

— Даже если вы правы, — медленно протянул он, рассматривая картины за моей спиной, — начинать надо с чего-то более эффектного, чем жизнеописания мэтра Райли.

Абрамс встал и, обогнув стол, задумчиво замер, явно выбирая между двумя портретами.

— То есть теоретически, — уточнила я, не торопясь вскакивать с кресла, — вы не против?

— Как найдете что-то интересное, приходите. Обговорим условия.

Большого я и не ждала. Поднявшись на ноги, я на автомате успокаивающе погладила настороженного Плющика и довольно улыбнулась:

— Непременно. Всего хорошего, рин Абрамс.

— И вам, — рассеянно откликнулся он, уже погруженный в думы о чем-то другом. — Рин Вилкинс или Уинстер?

— Вилкинс, — уже взявшись за дверную ручку, мимоходом сказала я.

Абрамс обернулся. Между его кустистых бровей пролегла глубокая складка.

— Правда? Почему?

Фамилия забавная.

— У него глаза добрые, — невинно пояснила я и выскользнула за порог.

Что ж, первый этап переговоров прошел успешно. Маленький шагок в нужном направлении уже сделан.

Направившись к лестнице, я принялась тихонько насвистывать.

Я начну заниматься тем, чем привыкла. Мне хочется приносить пользу — рассказывать правду, обсуждать важное, потихоньку менять настроение общества. И миру, даже если ему не нравится, придется с этим смириться!

— Ты уверена, что Эйверли не станет злиться?

Я поплотнее запахнулась в плащ, надежно укрывавший меня от посторонних взглядов до самых щиколоток. Конечно, для верхней одежды сегодня было жарковато, но рушить интригу раньше времени было бы кощунством.

Ну а еще я не стремилась получить дисциплинарное взыскание раньше, чем окажусь на полосе препятствий.

— Уверена, — успокоила я Оуэна. — В крайней случае скажу, что ты сопротивлялся до последнего и пал героем.

Он протяжно вздохнул и замолчал. Последние пару дней мальчишка был непривычно тих, и я никак не могла отделаться от мысли, что это связано с его видением. Но, как я ни старалась узнать побольше, Оуэн предпочитал увиливать от ответа.

— Присмотришь за Плющиком? — спросила я и осторожно сняла зеленый браслет с руки. — Мне нельзя взять его с собой. Могу спровоцировать.

— Хорошо. — Оуэн протянул запястье.

Браслет переключался к нему. Плющик сонно приподнялся, зашипел, но, получив от меня недвусмысленный приказ, недовольно затих. Оуэна он знал, но расставаться со мной не любил.

Мы вынырнули из коридоров академии и, пройдя тропинку, ведущую к полю, замерли. Нас оглушил шум голосов.

— Что это там? — удивился Оуэн.

Патрик приостановился и, поправив толстые очки, вгляделся в трибуну перед полосой препятствий. Сердце пропустило удар. Я знала, что соберутся зеваки (еще бы, такое бесплатное представление!), но не думала, что их будет так много....

— Вот же черт! — себе под нос выругалась я.

Оуэн ненадолго замешкался, а затем не нашел ничего лучше, чем пошутить:

— Хорошо, что Гвен не пошла с нами. Места для нее просто не нашлось бы!

Я обежала взглядом занятые скамейки, не нашла среди них свободной и мрачно усмехнулась:

— Пожалуй, ты прав.

Была еще одна причина, по которой я порадовалась, что Гвен не смогла присутствовать на моей сдаче зачета у Ларкинза: неясные подозрения насчет нее никак не выветривались из головы. Наоборот, я со все возрастающим вниманием стала прислушиваться к ее словам, ища в них двойное дно. Кажется, это уже напоминало паранойю.

— Рина Эйверли! — Голос Ларкинза, усиленный магическим рупором, разнесся по всему

полю. — Подойдите, пожалуйста. Немедленно!

Мы с парнями переглянулись и ускорили шаг.

— Что тут происходит? — возмущенно поинтересовался Ларкинз, стоило мне с ним поравняться. — Откуда здесь столько зрителей?

Его взгляд затравленно прошелся по битком набитой трибуне. Наверное, именно так должна выглядеть иллюстрация фразы «яблоку негде упасть».

— Не знаю, мэтр, — честно ответила я и ехидно добавила: — Я никому приглашений не высылала.

Это правда. Мне бы очень хотелось тихонько сдать зачет и забыть о нем. Делать из этого шоу я бы не стала.

— Ладно, — мрачно буркнул Ларкинз. — Зевак мы не разгоним — дело долгое и неблагодарное. Пусть смотрят. Все равно тут не на что... — Он вдруг осекся, вспомнив о моем присутствии и проглотил остаток не особо лестного комплимента. Подозреваю, там было что-то вроде «любоваться». — Вы готовы, рина?

Я покосилась на переговаривавшуюся толпу зрителей и скривилась. На трибуне царила оживленная атмосфера. Для финального штриха не хватало разве что мальчишек, громко предлагающих прохладительные напитки и попкорн.

— Да, мэтр.

— Тогда... Подождите, ваш муж точно не против?

Я мысленно застонала. Как же я устала слышать этот вопрос. Может, попросить у Джонатана письменное разрешение на все возможные шалости? Ну, какое-нибудь нотариально заверенное заявление о том, что я, его жена, нахожусь в полном уме и здравой памяти, а потому имею право на отстаивание собственного мнения? Мне бы такая бумажка точно пригодилась!

— Конечно, — вздохнула я. — Вы уже спрашивали об этом.

— Да, понимаю, — Ларкинз смутился. Его внимание было приковано к чему-то происходящему внизу — на нижних скамейках. — Просто рин Эйверли занял место на трибуне. Видимо, хочет лично понаблюдать за ходом вашего... зачета.

Я резко дернулась и сощурилась, пытаюсь разглядеть в толпе Джонатана. Бесполезно, слишком много людей.

Внезапно меня обдало холодной волной тревоги. В свой план я его не посвящала и не знала, понравится ли ему моя затея. Конечно, он говорил, что любит идти против правил, но... Так ли сильно, как я?

Чувствуя себя раненым гладиатором, над которым склонился лев, я сглотнула. Ладно, надеюсь, Джонатан меня поймет.

Не оглядываясь по сторонам, я прошла к ярко выведенной на траве красной полосе. Шум голосов с трибун отвлекал, заставляя нервничать. В горле пересохло, а колени подрагивали.

— Рина Эйверли, — крикнул в рупор Ларкинз, стоявший на самом верху трибуны, — вы что, намерены бегать в плаще?

Я покосилась на палящее солнце, перевела взгляд на зрителей, но Джонатана не нашла, зато увидела Майкла. Тот сидел на лавочке в первом ряду. Наши глаза встретились, и он широко улыбнулся и отсалютовал мне фужером с шампанским. Открытая бутылка стояла у него под ногами. Вот уж кто получал наслаждение от происходящего... Его, в отличие от Оуэна, мой план привел в восторг. Нет, сначала была долгая пауза, затем истеричный хохот и только потом одобрение. Ну что ж, думаю, у Джонатана тоже хорошее чувство юмора.

— Нет, мэтр, — храбро ответила я и дернула за кожаные тесемки на шее.

Плащ тяжелой черной волной упал к ногам. Я осталась в тонкой рубашке, заправленной в... кожаные штаны. Одолженные у Оуэна, они были мне почти впору. Сзади, пожалуй, обтягивали даже слишком сильно, но, по моим меркам, смотрелись все равно прилично.

Судя по раздававшемуся дружному оханью зрителей, не все разделяли мою точку зрения.

— Рина Эйверли!!! — заорал Ларкинз. — Вы что себе позволяете?!

Я поморщилась. Он мог бы обойтись и без рупора — с громкостью у него и без того все нормально.

— В уставе академии не написано, что девушки обязаны сдавать полосу препятствий в юбке, — твердо сказала я.

— Конечно не написано! — вновь повысил голос Ларкинз и забегал глазами по толпе. — Это же... очевидно!

Мнение зрителей разделилось. Часть из них возмущенно поддержала мэтра, но остальные засомневались. По мне скользило множество взглядов: шокированных, веселых, изучающих, задумчивых и откровенно липких. Майкл беззаботно тянул шампанское, Оуэн сжимал кулаки и смотрел на меня с тревогой, Патрик в ужасе оглядывался. Джонатана я по-прежнему не видела. Спрятался он, что ли?

Спустя мгновение я все-таки нашла его. Он поднялся на верхние скамейки, где стоял Ларкинз, и что-то сказал, ненадолго склонившись к его уху.

Мэтр окончательно потерялся.

— Хорошо, рина. — Он откашлялся, и рупор разнес этот кашель по всему полю. Сидевшие на деревьях птицы испуганно взметнулись с веток. — Приступайте. Помните про время. На счет три.

Я кивнула и отвернулась от зрителей, пытаюсь сосредоточиться на полосе препятствий. В памяти всплыли наставления, которыми Майкл усиленно пичкал меня все эти дни. Так, сначала пробежать по кочкам через «болото», запрыгнуть на центрифугу, увернуться от шипастых мячей... Беречь силы, не выкладываться сразу. Терпение и спокойствие, терпение и спокойствие... Я на секунду прикрыла глаза и сделала глубокий вдох.

— ...Три!

Я бросилась вперед. Держа равновесие, преодолела зеленое, противно хлюпавшее «болото». Замерев ненадолго, подождала нужного момента и вскочила в вертевщуюся центрифугу. Чуть не упала, но устояла на ногах. Осторожно, следя за каждым шагом, я пробежала по хлипким скрипевшим половицам. Пятьдесят восемь, пятьдесят девять... Здесь!

Я вовремя отпрыгнула назад. Мимо лица пронеслась деревянная груша. Попадешь под такую — и костей не сосчитаешься. За спиной раздалось восторженное зрительское улюлюканье. Оно сбilo меня, поэтому следующую ловушку я все-таки пропустила, за что и поплатилась. Магический вихрь, вылетевший из-под половицы, толкнул меня в грудь и отбросил в сторону — к краю платформы. В последний момент я вцепилась в обрывки каната, валявшиеся на полу, и не улетела на землю. Ноги трепыхались за границей центрифуги. С трибун донеслось протяжное оханье. Краем уха я уловила подбадривающие крики. Кажется, благородные рины не на шутку увлеклись зрелищем. Надеюсь, они не начали делать ставки. Кодекс академии запрещал тотализатор.

Вихрь стих. Пора. Впившись ладонями в жесткие веревки каната и сдирая кожу, я сцепила зубы и поползла обратно. Оказавшись на ногах, облизнула губы. На языке остался привкус соли — пота. Его капли выступили на лбу, и я смахнула их рукавом, а затем, переведя дыхание, снова ринулась вперед. Сколько времени я потеряла? По ощущениям — вечность, но в реальности вряд ли больше тридцати секунд.

Спрыгнув с центрифуги, я понеслась по дорожке между невысокими каменными

столбами. Из них вырывались огненные струи. «Обстрел» был то коротким, то длинным, и мне пришлось сосредоточиться, чтобы не поджариться заживо. В этот момент крики за спиной перестали иметь значение. Я вдруг резко успокоилась, разум заработал холодно и практично. Все было как на тренировках: уйти в бок, подпрыгнуть, перекатиться, не забыв прикрыть нос рукой, чтобы не наглотаться пыли. Одна из огненных струй чиркнула рядом. Я чуть изменила траекторию и ускорила.

Осталось совсем немного.

Высокий забор — последний элемент полосы препятствий — уже маячил на горизонте. Рядом с ним вновь чавкало «болото», но среди него чернела спасительная кочка. Именно на нее следовало забежать и, подпрыгнув, забраться наверх. Вот с последним у меня всегда не складывалось. Не потому, что я не могла подтянуться, нет. Я просто редко допрыгивала до кочки: расстояние до нее было такое, будто через пропасть пытаешься перебраться.

Огненные струи, превратившиеся в желтых жалящих змей, устремились по земле. Времени на колебания не оставалось. Не притормозив, я издала полный отчаяния вопль Тарзана и сиганула с разбега. Я легко могла представить, как бы это выглядело в замедленной съемке: замершая в немом крике трибуна зрителей, потрясенный мэтр Ларкинз, прижавший к груди рупор, Майкл, оторвавшийся от дегустации элитного алкоголя, и я, перебирающая в воздухе ногами и размахивающая руками.

Столкновение с землей вышло жестким. Кажется, я отбила себе все, что только могла. Но до кочки я достала!

Зашипев от боли, я рывком подняла себя на ноги. Перед глазами вспыхнули цветные круги, и я потрясла головой, стараясь прийти в себя. В ушах шумело, в висках бесперебойно стучали молоточки. К черту! Я не сдамся!

Рвано выдохнув, я подскочила и подтянулась. Ладони обожгло: ну точно содрала кожу до крови! И почему этот забор стоит в конце полосы, когда сил уже нет?

На пару мгновений я замерла. Руки отказывались слушаться, тело тянуло вниз. Я болталась на заборе, как рыба на крючке. Громко выругавшись одним из тех слов, что подслушала у Майкла, я сцепила зубы так, что они скрипнули, а затем... последним усилием воли подтянулась.

Оказавшись наверху, я на секунду задержала дыхание и попросту рухнула в траву. К счастью, ничего не сломала. Лежа на земле, я откинула голову, уставилась в синее прозрачное небо и счастливо рассмеялась.

Я смогла! Я сделала это!

Из глаз хлынули слезы. Такого пьянящего коктейля чувств из страха, адреналина, гордости и восторга я не испытывала еще никогда.

Коленки дрожали, тело сотрясала дрожь, но я заставила себя подняться и, выпрямившись, посмотрела на трибуну. Она безмолвствовала. Плотнo сомкнутые губы, потрясенные лица. Даже мэтр Ларкинз взирал на меня с абсолютно непередаваемой смесью ужаса, неверия и... трепета.

А затем раздались одиночные аплодисменты. Сощурившись, я рассмотрела вставшую с лавочки Оливию. Она громко и с чувством ударяла в ладони. Мгновение, и к ней присоседились Майкл, Оуэн и Патрик. А затем вдруг все зрители вскочили с мест. Грохот оваций и восхищенные выкрики оглушили, едва не уложив обратно на траву.

— Рина Эйверли! — проговорил Ларкинз в рупор. — Вы сдали зачет.

Ко мне подлетел Оуэн.

— Ты как? — перекрикивая царивший на трибуне хаос, спросил он. — Не ранена?

— Не знаю, — потрясенно сказала я. — Все так быстро произошло...

— Я все-таки не зря захватил шампанское, — довольно сказал Майкл, тоже приближаясь

ко мне. — Не был уверен, чем закончится эта авантюра: победой или поражением — но решил поставить все на красное. И не прогадал!

— Наверное, нам лучше ретироваться, — неуверенно вставил Патрик, подошедший последним. Он сутулился, явно стесняясь всеобщего внимания. — Мы тут на виду.

— Да, везунчиков любят, — хмыкнул Майкл и, отмахнувшись от Патрика, снова повернулся ко мне. — Знаешь, а ты умеешь вдохновлять! Пожалуй, иногда нужно нарушать правила и посылать это общество в... — Он покосился на побледневшего Патрика и со вздохом закончил: — ...В философские путешествия по дебрям психологического самоанализа.

Прозвучало это столь грубо, что Майкл мог бы и не утруждать себя поиском эвфемизмов. Я хмыкнула и, скользнув взглядом по трибуне, увидела удалявшуюся спину Оливии и чуть дальше — еще одну, очень хорошо знакомую фигуру.

— Простите, — пробормотала я. — Сейчас вернусь.

— Ты куда? — удивился Майкл и выразительно потряс шампанским: — А праздновать?

— Я на минутку.

Джонатан стремительным шагом спустился с трибуны и, не глядя на меня, направился к дорожке, ведущей в основное здание академии.

— Подожди! — всполошился Оуэн. — Сначала нужно зайти в медблок!

— Попозже, — бросила я и громко позвала: — Джонатан!

Тот не остановился. Я заспешила еще сильнее, почти переходя на бег. Коленка тут же заныла.

— Но ты могла пораниться! — возмутился Оуэн.

До меня донесся голос Майкла:

— Нет, приятель, не сейчас. Пускай сначала с мужем разберется.

Не сбавляя шага, я обернулась. Майкл перегородил дорогу Оуэну. Патрик стоял в сторонке и жалобно смотрел на происходящее.

— Все в порядке, — заверила я. — Присмотри пока за Плющиком.

Оуэн неуверенно кивнул.

Я миновала трибуну и выскочила на дорожку.

— Джонатан! Подождите!

Его плечи чуть дрогнули. Медленно, словно неохотно, он повернулся ко мне. При виде его заледеневшего, ничего не выражающего лица стало не по себе. Меня будто отбросило в самое начало нашего знакомства. Помнится, тогда я тоже испытала страх и подсознательное желание убраться с дороги.

Черта с два!

Правнявшись с Джонатаном, я, задыхаясь от эмоций и быстрого шага, бросила:

— Все в порядке?

— Конечно, — тут же откликнулся он с раздражающей вежливостью. Будто с чужой разговаривает! — Вы прекрасно справились с полосой препятствий. Примите мои поздравления. А теперь простите, мне пора.

Мне бы отступить — дела у человека, зачем его отвлекать? Но что-то внутри горячо запротестовало. Интуиция буквально завопила, что если сейчас ретируюсь, то потеряю что-то важное.

— Прошу вас, уделите мне минутку, — попросила я и вцепилась в его локоть. — Нам нужно поговорить.

Джонатан замер, покосился на мою ладонь на своем локте, а затем скользнул оценивающим взглядом по полу. За спиной раздавался все нараставший шум голосов. Толпа постепенно расходилась. Мимо нас уже прошли двое парней, делавших вид, что совершенно не прислушиваются к нашему диалогу.

— Не здесь, — решительно сказал Джонатан и достал портал.

Артефакт привычно вспыхнул темнотой, заставив на мгновение зажмуриться. Когда я распахнула глаза, мы с Джонатаном стояли в центре нашей комнаты. Я по-прежнему держалась за него, и он не торопился освободиться.

— О чем вы хотели поговорить?

Я смущенно кашлянула, чтобы прочистить горло, отпустила его локоть и, отойдя на шаг, пробормотала:

— Я хотела извиниться. Если моя авантюра вас задела... мне очень жаль.

Боже, и почему голос так сильно дрогнул? Куда подевалась моя уверенность? Я не чувствовала себя обязанной просить прощения, ведь я не сделала ничего плохого. Но почему-то мысль, что Джонатана могло оскорбить мое поведение, вызывала страх и... острую тоску.

Я уставилась в пол и сжала кулаки. Секунды текли так медленно, что я успела в красках представить несколько вариантов его ответа. Но не угадала ни с одним.

— Вам не за что извиняться, Ариана, — негромко проговорил он.

Я вскинула голову. Джонатан спрятал руки в карманы брюк и напряженно застыл, чуть ссутулившись. Его глаза смотрели прямо на меня, но я никак не могла разобрать те эмоции, что плескались в их глубине.

— Вы такая, какая есть: сильная, смелая, непредсказуемая... — Его хриплый голос, упавший внезапно до горячего шепота, ласкал слух и посылал по спине мурашки. — Вы делаете то, что считаете нужным. Вы не боитесь осуждения. Я бы сильно удивился, поступи вы иначе.

Словно подведя черту, он резко отвернулся и отошел к окну. Стоя ко мне боком, он мрачно посмотрел на парк за окном сквозь полупрозрачный тюль.

Я несмело переступила с ноги на ногу, не понимая, как трактовать его слова. Это был комплимент? Тогда откуда в нем досада?

— М-м-м... Мне кажется, вы разочарованы.

Он горько усмехнулся:

— О нет, все с точностью до наоборот. Я восхищен.

Мозг работал так быстро, что я слышала скрип его шестеренок. Что происходит? Я явно не улавливаю что-то важное.

В комнате разлилось густое, физически ощутимое напряжение, от которого покалывало кончики пальцев.

— Вам что-то не нравится? — не выдержав, в лоб спросила я.

Получилось грубовато, но я понятия не имела, как смягчить формулировку. Словесные реверансы всегда сложно мне давались. Тактика «бей, а потом разбирайся» была ближе и проще.

Я надеялась получить в ответ ироничную перепалку (все лучше того холода, что сейчас исходил от Джонатана), но в очередной раз просчиталась.

Он вдруг одним плавным, текучим движением переместился к столу и склонился над ним, как готовившийся к прыжку хищник. На его тонких губах промелькнула улыбка, больше похожая на гримасу боли.

— Да, мне многое не нравится, — вдруг прорычал он и смахнул стопку книг, висевших на столе. Те улетели вниз и рассыпались на полу. Это должно было заставить меня отступить на пару шагов, но вместо этого я, открыв рот, безмолвно наблюдала за первой на моей памяти вспышкой эмоций у Джонатана. Кто бы мог подумать, что за этой ледяной глыбой кипит вулкан страстей! — Например, мне очень не понравились те пожирающие взгляды, которые благородные (и, полагаю, бессмертные!) рины позволили себе в ваш адрес.

Я моргнула, переваривая услышанное. Сердце пропустило удар, а затем забилось громче и быстрее.

— Вот как? — осторожно переспросила я и сделала шагочек вперед.

— Да, — раздосадованно рявкнул Джонатан. — В штанах вы выглядите несколько... — Он прошелся по мне торопливым, жадным взглядом и сжал ближайшую фарфоровую статуэтку, едва не раздавив ее. — ...Провокационно. Но это не повод смотреть на вас, как на кусок мяса.

Он скрипнул зубами и ненадолго прикрыл глаза, будто борясь с собой.

Еще один шаг вперед. И еще.

— Это злит, ужасно злит!

Я оказалась напротив него. Теперь нас разделяет лишь стол. Из-за того, что Джонатан склонился, опираясь на него кулаками, мне не приходится задирать голову, ловя его взгляд, — растерянный и раздраженный.

Сердце стучит уже где-то в горле. Это опасно, и лучше бы оставить все как есть, но... наверное, эйфория от победы дурманит голову. Мне уже не кажется, что идея прыгнуть в пропасть так уж плоха.

— Джонатан, — тихо позвала я, и он обреченно, не ожидая ничего хорошего, вопросительно посмотрел на меня. — Вы... ревнуете?

Мы можем отыграть все назад. Еще не поздно.

Он рассмеется и скажет что-то язвительное, я отвечу ему в тон. Завяжется наша обычная словесная дуэль, а затем мы разойдемся каждый по своим делам, как уже делали прежде. Наш привычный мирок не рухнет, мы не погибнем под его обломками. Никакого риска, никаких проблем.

Лишь глухая тоска и болезненное разочарование. Но с этим можно жить.

А вот с разбитым сердцем — не очень.

Господи, зачем я шагнула в неизвестность?

— Да, — после продолжительного молчания выдохнул Джонатан. — И это тоже та вещь, которая мне не нравится.

Я замерла. Вот и все, мне сделали ответный ход. Внутри все буквально затрепетало от огня, вспыхнувшего и осветившего даже темные закутки души. Паника в голове чуть притихла, но не исчезла окончательно. Ладони, которые я положила на стол, подрагивали.

— Во мне есть хоть что-то, что вам нравится? — мягко спросила я, сдерживая улыбку.

— Слишком много всего, — тихо проговорил он, не отрывая взгляда от моего лица. — Я не буду сейчас говорить о вашей красоте, потому что, очевидно, вы не считаете это важным.

— Пожалуй, — согласилась я с легкой досадой.

Комплименты я бы все равно послушала. Ох уж эти мужчины! Хочешь быть сильной и независимой? На тебе, дорогая, разговоры о высоком, но без цветов. И дверь сама себе придержи!

— Ариана?

— М-м-м?

— Вы очень красивы, — глухо сказал Джонатан, чем заставил меня вновь посмотреть на него. Такого потемневшего, жадного взгляда я еще не видела. — Но дело не в этом. Меня привлекают ваше отчаянное желание найти себя, безрассудство, любознательность, сострадание. То самое, что толкает взяться за меч и защищать слабых, а не оставляет лить слезы в темном уголке.

— Не имею ничего против темных уголков, — пробормотала я, невольно сползая в мыслях на совсем другую тему.

Губы Джонатана были близко, очень близко.

— Вы вызываете восхищение и... — Он ненадолго замолчал, а затем продолжил: — Я познакомил вас с самым родным своим человеком. Я пустил вас так далеко в душу, как никого прежде. Я постоянно ловлю себя на мыслях о вас. Это мешает, отвлекает от работы, но... я не хочу, чтобы это заканчивалось.

В окне плясали яркие лучи полуденного солнца. В пустом камине не горели дрова, не слышалось шипение огня, но у меня было чувство, будто мы с Джонатаном разговариваем в полумраке ночи, — настолько откровенной и интимной стала наша беседа.

Неуверенно, несмело я сделала то, о чем давно мечтала: обхватила ладонями его лицо.

— То, что еще не началось, не может закончиться, — возразила я.

В его глазах вспыхнула надежда и смешалась с недоумением.

— Если это намек, то я вынужден предупредить, что весьма плох в...

Я потянулась к нему и нашла его губы. Джонатан на мгновение застыл, а затем ответил с такой страстью и голодом, что у меня закружилась голова. Его язык ворвался в рот как захватчик, но, не встретив отпора, стал двигаться мягче. Будто извиняясь за жесткость, Джонатан ненадолго разорвал поцелуй, нежно прошелся губами по скуле и спустился к шее.

— Ты невероятная, — прошептал он.

Застонав, я прикрыла глаза. Джонатан, оторвавшись от меня, быстро обошел стол и подхватил меня на руки. Мгновение, и я уже оказалась на столе, прижатая лицом к крепкой мужской груди.

— Никогда не могу угадать твоих действий, — пробормотала я.

— В этот раз я буду ужасно предсказуем, — с усмешкой пообещал он и вновь склонился ко мне.

Поцелуй обжег, как открытое пламя. Краем сознания я уловила, как рука Джонатана пробралась под мою рубашку и двинулась в сторону груди. Мои пальцы лихорадочно заскользили по пуговицам его жилета. Я всегда любила костюмы-тройки на мужчинах, но сейчас мимолетно подумала, что на них уходит слишком много ткани. И раздражающее количество дурацких мелких пуговиц!

Кажется, я выругалась. Над головой раздался сдавленный смешок, и Джонатан одним рывком стащил с себя и жилет, и рубашку, оставшись лишь в брюках. Я с облегчением выдохнула и прошлась ладонями по обнаженной коже, изучая каждый миллиметр его тела. Когда мои пальцы дошли до пряжки ремня, Джонатан глухо застонал.

— Уверена?

— Давай рискнем.

Он кивнул и, притянув к себе, впился поцелуем. Моя рубашка полетела на пол, а за ней и остальная наша одежда. Вцепившись в Джонатана, как утопающий в обломки корабля, я прикрыла глаза и полностью отключилась от реальности. Оглушенная, ослепленная, я могла думать только о том жидком огне, что пульсировал внутри и с каждой секундой становился все сильнее.

Мои лодыжки скрестились на поясице Джонатана, а затем новый поцелуй окончательно лишил разума, оставляя лишь чувства, — острые и пьянящие, как горячий пряный глинтвейн.

Перед глазами замелькали черные мушки, и казалось, что жаркий день вдруг сменился прохладой ночи. Руки и губы Джонатана исступленно скользили по моему телу, заставляя зарываться пальцами в его волосы и тянуть за жесткие пряди.

И совсем скоро абсолютно все перестало иметь значение, кроме наших прерывистых вздохов и блаженной темноты, куда мы оба ухнули.

Глава 22

Лучи солнца скользили по векам, а нежный теплый ветер, раздувавший шторы, ласкал обнаженную кожу и доносил из приоткрытого окна щебет птиц и свежий аромат влажной травы — ночью неожиданно разразился ливень с грозой.

Признаться, никогда прежде не занималась любовью под раскаты грома и звук бьющего в оконное стекло дождя. Оказалось, что это довольно уютно и... символично.

Впрочем, с Джонатаном все приобретало скрытый смысл.

Щеки коснулись его теплые сухие губы. Я распахнула глаза и пробормотала:

— Уже утро?

Просыпаться категорически не хотелось. Я едва удержалась от желания натянуть на голову одеяло и спрятаться под ним еще на пару часов. Все, что вчера произошло между мной и Джонатаном, казалось чем-то нереальным. Наваждением. Как еще объяснить тот марафон страсти, что мы устроили? Подумать только, мы не вылезали из постели всю ночь и половину вчерашнего дня... Оуэну пришлось долго стучаться, чтобы вернуть мне Плющика!

— Да. — Джонатан ласково убрал с моего лба прядь волос и улыбнулся. — Мне нужно идти на работу. Думаю, они и так уже потеряли меня.

Я перекатилась на бок и, опершись на локоть, запустила пальцы в спутанные на макушке волосы. Заметив, как взгляд Джонатана потемнел и опустился ниже, специально не стала поправлять сползшую на груди простыню.

— Может быть, сошлешься на болезнь? Скажешь, что простудился.

Почему-то в глубине души разрастался страх. Казалось, только он скроется за дверью, и все изменится. Я понимала, как глупо это звучит. В конце концов все уже изменилось. И теперь было бы неплохо подумать о том, в какую сторону двигаться дальше.

Мы переспали, но ничего не обещали друг другу. Ни слов любви, ни пафосных заверений в верности до гроба. Что вообще это было? Вспышка страсти, которая ничего не изменит в нашем договоре, или что-то большее?

Отпустит ли меня Джонатан, как обещал? И хочу ли я, чтобы он отпускаял?

Слишком много вопросов, на которые не могу найти ответы.

— Не сегодня, — с сожалением сказал Джонатан. — Я нужен на работе. Но я постараюсь прийти пораньше и...

Не договорив, он притянул меня к себе и подарил долгий, полный сдерживаемого голода поцелуй. Я первой разорвала объятие: после его слов оно казалось медленной и сладкой пыткой.

— Ладно, — выдохнула я в губы Джонатана. — Тогда до вечера?

«Кстати, ты не хочешь ни о чем поговорить?»

Я буквально проглотила вопрос. Не уверена, что сама готова к этой беседе.

— До вечера, — согласился он и явно с неохотой отстранился.

Приподнявшись на подушках, я не без удовольствия полюбовалась на поджарую фигуру Джонатана. Он встал с постели и, повернувшись ко мне обнаженной спиной, натянул черные брюки. Глухо звякнула пряжка ремня. Подхватив с кресла рубашку, Джонатан искоса взглянул на меня.

— Пообещай одну вещь.

Я хитро улыбнулась:

— Если попросишь не тарашиться на тебя, не уверена, что смогу это гарантировать.

Он усмехнулся. В его глазах вспыхнул дьявольский огонек, но почти тут же пропал. Видно, ему понравились мои слова, но мысли быстро приняли другое, более деловое направление.

— Будь осторожной.

Я постаралась проигнорировать тревогу в его голосе и с иронией уточнила:

— Сегодня или вообще?

Он вздохнул и присел на край кровати. Его пальцы коснулись моей щеки, и я подалась вперед, млея от такой простой, казалось бы, ласки. По телу разлилось странное тепло.

Господи, я что, влюбляюсь?

Нет-нет-нет...

— Всегда, — тихо произнес Джонатан и я, задумавшись, не сразу поняла, о чем он. Сердце пропустило удар: слишком многозначительно повисло в воздухе последнее слово. — Но сегодня особенно.

Я насторожилась:

— Почему?

Он чуть помедлил с ответом.

— У меня есть предположение. Возможно, в ближайшее время украдут еще один артефакт.

Я подобралась. Тон мгновенно стал деловитым.

— Откуда такая информация?

Он хмыкнул и, поднявшись, принялся застегивать рубашку.

— Я не сдаю своих информаторов, — откликнулся он. Его пальцы быстро скользили по ряду мелких пуговиц. Я никак не могла отделаться от мысли, что с каждой секундой он все сильнее натягивает на себя броню. — Просто... Постарайся не угодить в неприятности.

Я нахмурилась и куснула изнутри щеку. Джонатан недоговаривал, но по собственному опыту я знала, что выпытывать у него что-то бесполезно. Ладно, придется набраться терпения. Либо я сама все узнаю, либо он расскажет мне позже.

— Есть, босс, — откликнулась я и шутливо отдала честь. — Мне забаррикадировать дверь и не высовываться наружу?

Если он скажет так и сделать, фигурки я последую его совету. Никогда не мечтала стать принцессой, заточенной в башню. Пусть даже к темнице прилагается дракон.

«Дракон» по имени Джонатан покачал головой:

— Напротив. Побудь у всех на виду.

Я удивленно вскинула бровь:

— Даже так...

Он кивнул и потянулся к пиджаку, лежавшему на кресле. Короткое заклинание, едва уловимое движение пальцев, и смятая ткань приобрела вполне приличный вид. Удобная вещь эта бытовая магия.

— Мне безумно хочется взять тебя с собой на работу, — вдруг негромко признался Джонатан. — Кажется, что стоит уйти, и что-то случится.

Я сглотнула. Его слова прозвучали почти как признание в любви или мне показалось? Ладно, не будем выдавать желание за действительность.

Стоп! Желание?

В горле застыл нервный смешок.

— Я большая девочка. Не волнуйся, мне по силам позаботиться о себе.

Джонатан ответил нечитаемым взглядом.

— Знаю. — Повисла небольшая пауза, а затем он достал из кармана портал и добавил: — Я не пытаюсь тебя контролировать. — На его губах мелькнула усмешка. — Это бесполезно и даже опасно.

— Для кого? — с интересом спросила я.

— Для глупца, который решит диктовать тебе свои правила.

Я замерла, пораженная гордостью, которая проскользнула в его интонации. Было странно осознавать, что Джонатан читал меня как открытую книгу. Еще более странным казалось, что его вполне устраивало то, что в ней написано.

— Я могу погулять по академии вместе с Оуэном, — наконец сказала я.

— Отличная идея, — немедленно отозвался он. — До вечера!

Портал вспыхнул чернотой, я прикрыла глаза. А когда открыла, Джонатана в комнате уже не было.

Заматавшись в простыню, я подошла к окну и отодвинула в сторону часть портьеры. За стеклом зеленели высокие, многовековые деревья парка. Романтические помыслы испарились без следа. Мозг лихорадочно обрабатывал новую информацию.

Значит, совсем скоро состоится новая кража? Интересно...

В памяти вновь всплыли те сухие факты, что я уже знала. Словно картинки в поломанном калейдоскопе, они вертелись, пытаясь собраться в единую картину.

Еще немного постояв у окна, я направилась в ванную комнату. Если Джонатан просит побыть на публике, я предпочту к нему прислушаться.

В конце концов я ему доверяю.

Я спустилась по лестнице и задумчиво замерла посреди холла, когда меня окликнули:

— Рина Эйверли!

Я обернулась. Ко мне неторопливо шагал Нортроп. Прижимая одной рукой к груди стопку чистого постельного белья, другой он потянулся к карману жилета.

— Вам просили передать письмо, — флегматично произнес он и, отдав конверт, свернул в один из коридоров академии.

Не ожидая ничего хорошего, я сломала печать и забегала глазами по витиеватым, изящным строчкам.

«Если у вас есть свободное время, я бы с удовольствием поговорила с вами. Наедине.

Оливия.

P.S. Речь пойдет о Гвен. Мне кажется, это важно».

Сердце подскочило и забилося где-то в горле. Неужели это то, о чем я думаю?

Смяв записку, я спрятала ее в карман платья и вскинула голову, всматриваясь в мраморные ступени, по которым только что спустилась. Наверное, в этот час Оливия занимается в своей комнате. Можно дойти, конечно, до расписания и узнать, есть ли у

нее сегодня пары, но логичнее сначала нанести визит в женскую часть общежития.

Я уже направилась в нужную сторону, когда снова услышала свое имя:

— Ариана!

С легким раздражением я покосилась на спешившего ко мне Патрика.

— Привет! — Он смущенно улыбнулся и переступил с ноги на ногу. — Ты занята? Я хотел поговорить...

— Давай попозже? — отмахнулась я. — Мне нужно найти Оливию. Она написала, что это важно.

Я не стала добавлять, что беседа касается Гвен.

Патрик едва уловимо изменился в лице, а затем снял и протер очки.

— Минут десять назад я столкнулся с Оливией в мастерской артефактов. Наверное, тебе лучше сначала зайти туда.

Я недовольно цокнула языком. Мастерская или башня артефактов находилась за полем для тренировок — далеко от основного здания академии. Учитывая, что я хотела быть на виду... С другой стороны, я же с Патриком. В случае чего он подтвердит, что был со мной.

— Хорошо, пойдем, — согласилась я и уже на ходу поинтересовалась: — Ты не видел Оуэна?

Тот покачал головой.

— А Гвен? — уже осторожнее спросила я.

Патрик снова чуть заметно напрягся, но, думая о своем, я не придавала этому особого значения.

— Тоже нет.

— Ну ладно, — пробормотала я.

В голове настойчиво вертелась фраза Джонатана о том, что полиция допросила всех одиннадцать свидетелей. Что-то в ней меня смущало...

Плющик, словно чувствуя мое волнение, приподнялся и встревоженно зашипел. Я успокаивающе погладила его по лепесткам.

— Все хорошо, милый.

Мы миновали тренировочное поле и вступили на дорожку, по обе стороны от которой зеленели густые высокие кустарники. Эта часть парка была почти заброшена и толком не ухожена. Не удивлюсь, если здесь по ночам бродят дикие животные.

«Одиннадцать свидетелей».

«Десять порций».

Наши с Патриком шаги одиноким эхом разносились между кронами деревьев и вторили моим лихорадочным мыслям.

— Разве мэтр Райли не собирался забрать твоего питомца, чтобы показать на конвенции магов?

— Она состоится на следующей неделе, — рассеянно ответила я.

«Десять... Одиннадцать...»

Ну конечно!

Озарение пришло так мгновенно, что я едва не споткнулась на ровном месте.

На выставке нас, посетителей, было одиннадцать, но в момент кражи Оуэн бросился за лекарем. То есть фактически нас осталось десять — ровно столько порций оказалось у зелья, что сварила Гвен. Совпадение или...

Я не успела додумать мысль до конца.

— Что ж, это не станет проблемой.

Я подняла глаза от вымощенной, плохо подметенной дорожки и взглянула на Патрика.

— Что ты имеешь в виду?

В следующее мгновение мне в лицо ударила струя горьковато-сладкого аромата. Голову мгновенно заволокло туманом, ноги сделались ватными. Уже падая на землю, я рассмотрела сверкнувший в руках Патрика стеклянный флакончик из-под духов. Он направил его на оскалившего зубы Плющика. Что было дальше, я уже не узнала — сознание окончательно растворилось в дымке дурмана.

Звук срывающихся с потолка капель доносился сквозь полудрему и вызывал ассоциации с текущим краном. За шиворот немного попало, и я, вздрогнув, сбросила сонное оцепенение. Морщась от боли, открыла глаза и подождала, пока неясные силуэты обретут более четкие очертания. Взгляд скользнул к ноющим запястьям, обмотанным тонкой жесткой веревкой.

На лбу выступила холодная испарина. Где я? И почему связана?

В горле пересохло, а голова просто раскалывалась, но это не давало ответы на вопросы. Стараясь вести себя тихо, я огляделась.

Справа влажная стена. Подо мной — большой камень, подозрительно похожий на алтарь. Слева кто-то копошился, но достаточно далеко. Лиц не рассмотреть. Зато голоса, которые разносились под сводами пещеры, казались знакомыми.

Я наострила уши. Их двое: мужчина и женщина.

— Тебя видели?

— Да, я позаботилась об этом.

— Моя девочка... — В голосе мужчины прорезались довольные нотки.

— Руки убрал! — огрызнулась в ответ собеседница. — Мы с тобой союзники, а не любовники.

— Хорошо-хорошо, — примирительно откликнулся тот. — Не заводись.

— Дали же боги напарника!

Наверное, именно эти экспрессивные, высокие интонации заставили в голове что-то щелкнуть. Ну конечно! И как я ее сразу не узнала?

Женщина нагнулась и подхватила что-то с пола. Мгновение, и пещеру озарило магическое пламя факела. Оно выхватило из темноты не только нахмуренное лицо Гвен, но и ее подельника. При виде долговязой нескладной фигуры в пиджаке на размер больше нужного с губ едва не сорвалось проклятие. С трудом подняв глаза повыше, я с ужасом столкнулась с внимательным взглядом, сверкнувшим насмешкой из-под толстых стекол круглых очков.

— Кто-то уже очнулся, — хмыкнул Патрик. — Рановато. Гвен, ты неправильно рассчитала дозу?

Та возмущенно передернула плечами:

— Скорее уж ты слишком слабо нажал на пульверизатор. Доброе утро, дорогая. Хотя скорее уж день.

Они, не обращая на меня внимания, снова занялись делом. Чуть приподнявшись, я рассмотрела сумку, рядом с которой Гвен опустилась на корточки.

Мысли метались, как запертые в клетке птицы.

— Что происходит? — спросила я.

Получилось скорее глухо, чем испуганно. Язык слушался плохо, видимо, сказывались отголоски дурмана.

— Тебя правда это интересует? — рассеянно бросила Гвен и вытащила из сумки тускло блеснувший золотом округлый предмет — чашу богов. Ту самую, что я видела в витрине на выставке. — Ты наверняка и сама все поняла.

Это правда, в голове уже складывалась более-менее ясная картина происходящего. И она мне совершенно точно не нравилась.

— Брось, — рассмеялся Патрик. Видеть его таким самодовольным и смелым было непривычно. — Она не так умна, как ты думаешь.

— Уверен? — огрызнулась я.

Не потому что и правда злилась. Если вы пришли в себя на алтаре и со связанными руками и ногами, лучшее, что можно сделать, — потянуть время, чтобы придумать план спасения.

Я покосилась на запястье и похолодела. Плющик исчез. Надеюсь, они его не обидели?

— Ну меня же она не раскусила, — снова хохотнул Патрик. — Для нее я был б-б-бедным и несчастным п-п-парнишкой, — передразнивая самого себя, прозаикался он.

Гвен ненадолго отвлеклась от чаши, которую рассматривала в неровном свете факела, и раздраженно фыркнула:

— Боги, все мужчины одинаковы... Ты не мог бы перестать любоваться собой? Мы еще не закончили, рано открывать бутылку с шампанским.

Патрик неохотно, но послушно замолчал. Что ж, сразу видно, кто в этой паре главный.

— Что вы намерены делать?

Вот так, пусть голос дрогнет. Хорошо, что руки связаны перед собой, а не за спиной. Узел вроде не тугой — если освободить большой палец...

Как-то я беседовала с бывшим вором, который рассказал, как именно нужно вывихнуть палец, чтобы освободиться от наручников. С веревками действует тот же принцип?

Не думала, что придется узнать это на практике.

— С тобой или вообще? — ехидно уточнил Патрик.

Я воспрянула духом и открыла рот, но раздался окрик Гвен:

— Хватит болтать! Лучше нарисуй пентаграмму для ритуала. Время не ждет. Ари могут начать искать.

Очень бы хотелось, чтобы слух подвел меня, но вряд ли.

— Пентаграмму? — уточнила я. — Для чего?

Черт, больно! Как же так вывихнуть палец?

Плясавший свет магического огня стал ближе. Патрик, не глядя на меня, встал в центр высокой, но тесной пещеры. Факел из его руки переключился в небольшое углубление в стене. Повернув голову, я рассмотрела стоявший на полу стеклянный купол, под которым лежал зеленый браслет. Кажется, Плющик еще не пришел в сознание. В прошлый раз дурман на него тоже подействовал сильнее, чем на меня.

— Я же говорил, что она глупа, — презрительно скривился Патрик.

Опустившись на колени, он принялся выводить на сыром каменном полу пентаграмму. Мел в его пальцах скользил быстро и уверенно. И этого парня я считала скромным и неловким? Вот ведь и правда дура!

— Она просто не знакома с местными обрядами, — почему-то вступилась за меня Гвен. — Сказывается нехватка информации, верно, Ари?

Я поразилась тому, как спокойно и дружелюбно прозвучал ее голос. Будто мы сидели за столом и пили чай, а не беседовали в полумраке пещеры при весьма щекотливых обстоятельствах.

«Оуэн солгал, — пронеслось вдруг в голове. — Он явно увидел не оргию...»

Вспомнив страх в глазах мальчишки, я сглотнула. Почему он не предупредил меня?

— Верно, — тихо откликнулась я, возвращаясь в реальность. — Просветишь?

В глазах кольнуло, и я быстро моргнула. Только злых слез сейчас и не хватало! Почему я не владею магией? Какой же бесполезный, глупый дар мне достался...

— Если ты настаиваешь... — все так же миролюбиво ответила Гвен. Она продолжала возиться с чашей. — У нас есть немного времени, и я не так жестока, чтобы отказать тебе в последней просьбе.

В последней просьбе? Меня прошиб холодный пот.

— А говорила не болтать, — недовольно протянул Патрик, отрываясь от наполовину законченной пентаграммы. — Вечно так: устанавливаешь правила и сама же их нарушаешь.

— Скажешь что-нибудь про женскую логику, и этот кинжал отправится тебе прямо в сердце, — прошипела Гвен. В ее руках мелькнул уже знакомый мне артефакт. Тот самый, что пропал прямо из-под носа Райли. — Видят боги, меня достали твои мужские шуточки!

Что ж, сексизм раздражал не только меня, но на этом, пожалуй, хорошие новости заканчивались. Вряд ли Гвен из женской солидарности не станет меня убивать.

Я едва сдержала болезненный вскрик. Я продолжала незаметно возиться с веревками, не оставляя надежды освободиться. Мысли о тщетности своих попыток отгоняла сразу. Меньше слов, больше дела!

Впрочем, молчать тоже нельзя.

— Зачем вам все это понадобилось?

Все-таки эти двое были не против поболтать, потому что ответ не заставил себя ждать.

— Власть, — довольно зажмурился Патрик.

— Свобода, — пожала плечами Гвен.

Они переглянулись и снова занялись своим делом. Гвен выводила какие-то руны на чаше. Цвет чернил был алым. Надеюсь, это не кровь...

— Я всегда мечтал о власти, — охотно продолжил Патрик. Ему осталось нарисовать последний угол пентаграммы. — Но как этого добиться без полезного дара? К сожалению, меня не назовешь сильным магом.

— У тебя хорошо выходят иллюзии, — вдруг вспомнила я.

На уроке мэтра Акрона он был одним из немногих, кто превратил перо в дирижерский смычок. Перед глазами как наяву встало лицо Патрика в тот момент. Теперь я могла поклясться, что гордость сменилась испугом, и именно тогда иллюзия рассеялась. Он сделал это специально!

— Это правда, — легко согласился он. — Но какой прок от такого таланта? Кто захочет работать в паре с фокусником? Да и где искать работу?

— В цирке, — негромко вставила Гвен.

Я покосилась в ее сторону. Ее лоб прорезала глубокая складка, а щеки будто впали. Не знаю, что за руны она нанесла на чашу, но это явно отняло немало сил.

— Если только так. — Патрик даже не обиделся. — Хотя у меня есть задатки боевого мага. Если бы ты, Ариана, приняла мое предложение и вступила со мной в брак... Возможно, осталась бы жива.

От его слов по спине побежали мурашки.

— Я не знала, что ты говорил серьезно.

— Не слушай его, — отмахнулась Гвен. — Он позвал тебя замуж уже после нашего с ним договора и кражи первого артефакта. Так что все это лишь грязная манипуляция. Ничего бы он уже не стал менять.

Патрик обиженно засопел, а затем поднялся с колен.

— Готово. Что у тебя?

— Возьми чашу и нож. Со свечой я сейчас закончу.

— Что за свеча? — спросила я.

Веревки не поддавались, и я едва не выругалась вслух. Сколько времени прошло с моего похищения? Какова вероятность, что меня уже ищут?

— Та, что я украла из храма Солнцеликого, — спокойно пояснила Гвен, пока Патрик забирал у нее артефакты. — Для ритуала необходимо три предмета.

Кажется, я не смогу вывихнуть палец и протиснуть его через веревки. Нужно срочно придумать что-то еще!

— Чувствую, не стоит спрашивать, что за ритуал? — мрачно поинтересовалась я.

Патрик лишь хохотнул:

— А ты не безнадеежна.

— Знание не всегда благо, — согласилась Гвен.

Ее голос прозвучал тихо и неразборчиво. Она снова наносила руны на третий, последний артефакт.

— Не бойся, — успокоил Патрик, — ты все равно умрешь, так что боли не почувствуешь.

Ну да, мне сразу стало легче!

— Других вариантов нет?

— Нет. Ты нужна нам, чтобы усилить ритуал. Ты же Проводник.

Я скрипнула зубами. Скоро стану ненавидеть свой дар.

— Умирать при этом обязательно?

— Это уже вторая часть плана, — откликнулась Гвен, отбрасывая упавшие на лицо волосы за спину. — Видишь ли, мы хотим увеличить свою силу с помощью древнего, запрещенного ритуала, но вовсе не горим желанием оказаться за решеткой. Поэтому нам нужен кто-то, на кого можно...

— Спихнуть всю вину, — вновь влез Патрик. И откуда в нем столько наглости? — Проводник, решивший обрести еще один магический дар, чтобы не быть беззащитным, — вполне подходящая кандидатура.

Что-то похожее я и предполагала. Правда, по-прежнему не хватало деталей. Не уверена, что они так уж мне понадобятся в загробной жизни, но...

Зеленый браслет под стеклянным колпаком едва заметно дрогнул. В душе вспыхнула надежда. Возможно, еще не все потеряно? Если освободить Плющика, шансы на победу резко возрастают.

— Вы это давно задумали, верно?

— Да, — не стал отпираться Патрик. — В тот день, когда Райли поставил нас с тобой в пару, я хорошо подготовился. Подсыпал соседу слабительное, чтобы он точно не явился на урок. Сотворил очень достоверную иллюзию кинжала. Я не ожидал, что мне дадут напарницу, но решил, что так даже будет лучше. Ведь это отведет от меня подозрение! Полиция наверняка заинтересуется именно твоей персоной.

— Тогда-то я и прикинула, что нам лучше очернить твоё имя, чем чье-либо еще, — равнодушно вставила Гвен, ненадолго поднимая голову. — Прости, ничего личного.

— Просто бизнес, — на автомате добавила я.

Гвен ненадолго растерялась, столкнувшись с незнакомым словом, а затем кивнула.

— Верно.

— Я чуть изменил руну, — продолжил Патрик, — оживил Драконию Зуб, а потом, когда Райли спустился в хранилище и вернулся с кинжалом Смерти, подменил артефакт на иллюзию. Райли был так увлечен амбициозными планами на конвенцию магов, что даже ничего не заметил! Про тебя и говорить не стоит. Ты в магии как свинья в апельсинах.

Гвен поморщилась, будто это её оскорбили, а не меня.

— А что насчет кражи на выставке? — вспомнила я. — Гвен, это твоих рук дело?

— Не совсем, — ответила она. — Чашу похитил Патрик. Я, как и все остальные, была под воздействием дурмана. Чуть в меньшей степени — дышала через раз, неглубоко, но все равно нахваталась.

— То зелье, что ты попросила усилить, — это и был дурман, так?

— Да, — рассеянно подтвердила она, вставая с колен. — Порций оказалось не так много. Я специально повела нас к закрытию выставки в надежде, что посетителей будет поменьше, но их все равно оказалось больше, чем нужно. Последние двое пришли на редкость не вовремя... Пришлось изобразить смущенную растяпу и отправить Оуэна за лекарем. Хороший мальчик, отзывчивый, — вдруг не к месту добавила она. — Ну а дальше дело техники: пока все суетились вокруг меня, я незаметно бросила шар с зельем на пол. Пару секунд, и мы отключились.

— Тогда-то я и вошел, — усмехнулся Патрик. — Намотал на лицо шарф, отключил охранную систему (у распорядителя был ключ) и, почти не дыша, вытащил из витрины чашу. Это было так просто, что даже скучно.

— Сочувствую, — мрачно бросила я и вновь посмотрела на Гвен. — Почему ты попросила помочь с зельем именно меня?

— Ты хороший Проводник. И, что самое главное, не разбираешься в магии. Кто-нибудь другой мог догадаться, что именно за «лекарство» я пытаюсь приготовить.

«Свинья в апельсинах», — припомнила я определение Патрика. Что ж, справедливо.

— Значит, зонтик ты не забывала, — поняла я. — А концерт с испачканным платьем зачем устроила?

Гвен с непониманием взглянула на меня.

— Чтобы вызвать жалость, — пояснила она. — Раве иначе ты бы согласилась?

— Вообще-то да. Я же считала тебя подругой.

— Ты и правда не очень умна, — со вздохом констатировала Гвен. — Пожалуй, в какой-то мере это нас оправдывает.

Она прошла в центр пещеры и, водрузив свечу с нанесенными на воск рунами, встала рядом с Патриком.

Судя по их торжественным лицам, жить мне осталось буквально пару минут. Что ж, надо подготовиться. Я заерзала. Атаковать имеет смысл только тогда, когда эти двое отвлекутся. Наверняка во время ритуала их внимание сместится с меня на последовательность действий, активизирующих магию.

Плющик под стеклянным куполом снова пошевелился. Он чуть привстал на стебле, как змея на хвосте, и, поймав мой взгляд, тут же свернулся браслетом. Отлично, он понял. Сообразительный мне достался питомец!

— А что с третьим артефактом? — негромко спросила я.

— Как ты, наверное, знаешь, на территории академии есть храм Солнцеликого. Большую часть года он закрыт, но в праздники его двери распахиваются. Мы специально ждали именно сегодняшнего дня.

— Свеча была в храме? — догадалась я.

— Да. — Гвен кивнула. — Мне оставалось лишь натянуть на себя твою личину — иллюзию, которую Патрик сотворил с помощью чаши Благодати Богов (без нее его бы сил не хватило на такой фокус!). Меня видели несколько человек. Как только свечи хватятся, они подтвердят, что в храме подозрительно долго крутилась Ариана Эйверли.

— Мой муж в это не поверит.

Я блефовала. Вообще-то я не была уверена, что Джонатан настолько мне доверяет, чтобы отрицать факты.

— Он не всесилен, — с удовольствием заметил Патрик. — У полиции будет слишком много улик: твое присутствие рядом с артефактами во время всех трех краж и наличие мотива явно не сыграют тебе на руку. Да и потом... мертвые не в силах постоять за свое доброе имя. Они молчат.

Гвен была сдержаннее. Пафоса в ее словах не чувствовалось.

— Полиция не станет особо усердствовать, — сказала она. — Артефакты найдут вместе с твоим телом. Ритуал — штука опасная, и Проводник, к тому же родом из другого мира, мог фатально ошибиться в рунах. Ну а мы, — Гвен взглянула на Патрика, — на некоторое время ляжем на дно. Мы не станем демонстрировать внезапно возросший магический потенциал. Нет, — по ее губам скользнула усмешка, — мы умны и терпеливы. Нам несложно подождать столько, сколько понадобится, чтобы об этом деле забыли.

— А потом мы наконец получим то, чего хотим. — Глаза Патрика сверкнули лихорадочным блеском золотоискателя. — Я обрету дар боевого мага, а Гвен подкрепит свой собственный. Вместе мы станем сильнейшей двойкой на факультете: воин и лекарь. Классическое, самое удачное сочетание.

— Тебе-то это зачем? — спросила я у Гвен, незаметно сдвигаясь на камне.

Главное — не упустить нужный момент. Тело напряглось в ожидании прыжка. Не зря меня столько времени натаскивал Майкл. Надеюсь, он будет мною гордиться.

Лишь бы не посмертно.

Гвен замерла, колеблясь.

— Брось, неужели я не заслуживаю узнать правду?

Она вздохнула.

— Пожалуй. В конце концов мне и правда жаль тебя убивать. Ты начала мне нравиться.

Я едва не рассмеялась. Определенно, это самый странный комплимент, что мне доводилось слышать.

— Я хороший лекарь, но яды мне не даются. После ритуала мои силы возрастут, и тогда я смогу отравить мужа так, чтобы это не вызвало подозрений. И стану наконец-то свободной!

В памяти всплыли слова Гвен о том, что муж может запереть ее в родовом поместье. Не надо обладать высоким айкью, чтобы сложить два плюс два.

— Он настолько плох?

Ее передернуло.

— О да! Он стар, прижимист и обладает дурным нравом. Ненавижу его!

Признание, сорвавшееся с ее губ, прозвучало так громко и искренне, что даже Патрику стало неловко. Ненадолго отведя взгляд, он кашлянул:

— Ну что, может, уже начнем?

Гвен, будто очнувшись, кивнула.

— Да, пора. Еще раз, Ари, скажу, что мне жаль. Я втерлась к тебе в доверие, чтобы подставить, но, будь у меня выбор...

Она не закончила и отвернулась.

Я бы растрогалась до слез, но связанные руки и ожидание неминуемой смерти немного отвлекали. Ничего, всплакну как-нибудь потом. Например, когда это все закончится.

Если выживу.

Воздух стал тяжелым и запах озоном, будто перед грозой. Гвен и Патрик, замерев рядом со свечой в чаше Благодати, взяли в руки кинжал Смерти. Острие покоилось в ладони Патрика, рукоятка — у Гвен. Свободными пальцами они чертили в воздухе руны так быстро, что я не поспевала за ними. Впрочем, и не особо стремилась.

Перекатившись на бок, я попыталась ногами достать до стеклянного купола, где уже оживился Плющик. Еще немного, и еще. Черт, ну лодыжки-то зачем было связывать? Изверги, честное слово!

В пещере прокатились раскаты грома, и я инстинктивно втянула голову в плечи. Взгляд метнулся к моим палачам, но те с просветленными лицами смотрели на пламя, вспыхнувшее в чаше. Они одновременно протянули в него кинжал. Ладно, некогда любоваться смертельным ритуалом. Каждая секунда на счету!

Я толкнула ногой стеклянный купол, и тот отлетел в сторону. Мгновение, и Плющик оказался на свободе. Патрик оглянулся. При виде нас он закричал:

— Смотри!

— Не сейчас! — рявкнула Гвен. — Нельзя разрывать связь, идиот!

Понятия не имею, о чем они, но, возможно, это к лучшему. Плющик вцепился зубами сначала в путы на моих ногах, а затем и на руках. Веревки мгновенно превратились в ошметки.

— Она уйдет!

— Нас убьет ритуал, если ты еще хоть раз собьешься!

Я вскочила с земли и понеслась к выходу. Плющик последовал за мной стремительной зеленой змеей. Впереди уже маячил яркий дневной свет, когда за спиной полыхнуло. Не оборачиваясь, я побежала еще быстрее и с размаха влетела... в объятия Джонатана.

Глава 23

Его ладони легли мне на спину, заключая в кольцо рук, и сжали так, что не удивлюсь, если останутся синяки. Прижав к себе, он ненадолго уткнулся носом мне в шею и тихо выдохнул:

— Жива?

Я вцепилась в него так крепко, как только смогла. Глаза вдруг зашипало, а горло сдавил спазм.

— Да, все в порядке.

Пещеру озарил свет десятка факелов. Мимо нас пронеслась пятерка полицейских, за ними еще двое... Среди последних я узнала детектива Хопера.

— Оставайтесь на своих местах! — закричал он. — Вы арестованы!

Гвен послушно замерла с занесенным в руке кинжалом, а Патрик вдруг испуганно дернулся и выскочил из пентаграммы. Где-то под потолком полыхнуло молнией, над сжавшейся Гвен медленно сомкнулся купол — наподобие того, что защищал тренировочное поле.

Вот только его магическое плетение никогда не искрило так сильно. Гвен в панике забила ладонями по прозрачным стенам, но до меня не долетел звук глухих ударов. Патрик, не глядя на напарницу, ринулся прочь. Видимо, незавершенный ритуал все-таки оказал на него воздействие: от небрежно брошенных им заклинаний полицейских буквально расшвыряло в разные стороны. Часть из них отлетела за купол: им выход из пещеры теперь и вовсе отрезан.

Джонатан глухо выругался и отпустил меня.

— Только не вмешивайся, — не то попросил, не то приказал он и шагнул наперерез Патрику.

Тот при виде нового препятствия притормозил, но ненадолго. С его пальцев уже сорвалось новое заклинание, которое Джонатан тут же парировал.

— Ты же понимаешь, что уже не сбежать, — спокойно сказал он. — Сдавайся, не усложняй жизнь ни себе, ни полиции.

Обычно смущенное, открытое лицо Патрика исказилось яростью. Возможно, в нем говорили отголоски темного ритуала, а может быть, он рассчитывал убить нас всех и выйти сухим из воды. Я не знаю. Но интуиция говорила, что дело не закончится миром.

С громким рыком раненого животного Патрик метнул в Джонатана еще одно плетение. Моргнув, я заворуженно, словно в замедленной съемке, увидела, как поток чистой, незамутненной магии летит прямо в моего мужа. Не нужно обладать семью пядями во лбу, чтобы понимать, к чему это приведет. Размеры пещеры не позволяли увернуться — не в этот раз. Я стояла позади Джонатана, поэтому могла выскочить на улицу и спастись, а вот он уже вряд ли — всего пара шагов, доли секунды иногда имели решающее значение.

Исчезли все звуки. Я видела, как безмолвно шевелятся губы Хопера, как округляются в крике рты полицейских. Никто из них не мог помешать Патрику. Взгляд метнулся к Гвен. Купол над ее головой переливался всеми оттенками алого и медленно, но верно сжимался. Кажется, ритуал все-таки следовало довести до конца. Высвобожденная, но никуда не направленная энергия стремилась уничтожить тех, кто ее потревожил.

Когда грани купола сомкнутся, мы все окажемся в эпицентре взрыва.

Не колеблясь, я шагнула к Джонатану и положила руку ему на плечо. Он вздрогнул, но не обернулся — секунда внимания могла стоить жизни. Его глаза не сходили с заклинания, ледяной иглой летевшего в нашу сторону. Я зажмурилась.

Один. Делаю глубокий вдох и нащупываю магию. Ее много, очень много. Воздух

буквально искрит от ее переизбытка, но чутье подсказывает, что нельзя забирать излишки с купола, — опасно!

Два. Задерживаю дыхание и мысленно тянусь дальше, туда, где за чернеющим провалом выхода пещеры сияет солнце, переливается на свету зелень деревьев, едва слышно шумит вода в ручье...

Три. Выдох. В ладонь ударяет тугой порыв магии. Он проходит сквозь меня, чтобы вылететь из кончиков пальцев Джонатана, поспешно выводящих руну защиты.

Свод пещеры содрогнулся от столкновения мощных заклинаний. Они сцепились на полпути, как два шипастых шара на цепи, и улетели в стену, откуда срикошетили прямо... в спину Патрика.

Тот вскрикнул, побледнел, а затем рухнул как подкошенный. Мгновение, и его безжизненное худое тело вспыхнуло пламенем, оставившим после себя лишь черный зловонный пепел.

Купол над головой Гвен треснул и осыпался острыми сапфировыми осколками. Вся неиспользованная магия хлынула наружу, к солнечному свету. Гвен рухнула на колени и, дрожа, обняла себя за плечи. Ее взгляд, полный ужаса, смятения и облегчения, скользнул к моему лицу, а затем сместился в сторону Хопера.

— Рина, вы арестованы, — уверенно сказал он, подходя к ней.

Она молча кивнула.

Раскиданные заклинанием Патрика полицейские тоже принялись подниматься.

— Ариана, все хорошо? Ариана!

Я слепо смотрела на Джонатана. Перед глазами танцевали разноцветные круги, а ноги вдруг сделались ватными. Пожалуй, не стоило пропускать через себя столько магии сразу: у меня тоже есть границы, переступать которые опасно.

Плющик пробрался по подолу юбки наверх и обвил мое запястье. Его листья лихорадочно гладили кожу, а из бутона доносилось что-то, напоминающее скулеж собаки. Коленки дрогнули, и я упала прямо на руки Джонатана. Хорошо знакомый аромат туалетной воды и мыла коснулся носа и заставил слабо улыбнуться. Во рту появился железный привкус крови.

— Ариана! Лекаря!!!

Я закрыла глаза. Сознание тут же заволочла пахнущая Джонатаном, теплая и ласковая темнота.

Интересно, умирать больно?

Мне не довелось узнать ответа на этот вопрос. Не знаю, сколько времени прошло, когда я очнулась, но по ощущениям — вечность.

По стене комнаты, подозрительно напоминавшей палату (слишком много белого цвета, слишком!), ползли оранжевые лучи заходящего солнца. В приоткрытое окно теплый ветер доносил шелест ветра и редкие реплики прохожих — такие тихие, что и не разобрать.

Я отметила узкую кровать и пахшее лекарством одеяло, которым меня заботливо прикрыли, затем скользнула взглядом по безликой прикроватной тумбочке и перевела его чуть левее — на два стула, где посапывали Оуэн и Майкл.

Я попыталась встать и тут же скривилась. Пожалуй, лучше бы мне полежать тихо. Видимо, моя возня разбудила парней, потому что сначала глаза открыл Оуэн, а затем — Майкл.

— Ты пришла в себя! — произнесли они почти в унисон.

— Да, а что...

— Как ты себя чувствуешь? — Оуэн вцепился в мою руку.

— Так, смотри сюда, — потребовал Майкл, перетягивая внимание на себя. — Сколько пальцев я показываю?

Он действительно растопырил пятерню, и я усмехнулась:

— Десять?

— Неудачный эксперимент, — резюмировал Майкл. — Либо у тебя плохо с арифметикой, либо со зрением.

— Даже не знаю, что и выбрать, — хмыкнула я и, оглянувшись, похолодела. — А где Джонатан? С ним все в порядке? А с Плющиком?

За те доли секунды, что ждала ответа, в голове пронеслись сотни вариантов. Ни один меня не устраивал. В сердце скользкой змеей пробрался страх.

— Плющик в лаборатории Райли, отходит от дурмана. А Эйверли вышел за лекарем, — успокоил Оуэн. — Позвать его?

— Я...

— Конечно, — вмешался Майкл. — Ее должны осмотреть еще раз.

Оуэн сорвался с места. Я едва успела его окликнуть:

— Это ты подсказал Джонатану, где меня искать?

Парнишка притормозил уже у самого порога. Только сейчас я заметила, что его светлая грива, собранная в хвост, растрепалась, а глаза опухли и покраснели. Он плакал?

В горле появился ком.

— Тогда... на уроке мэтра Фоула...

— Ты видел пещеру, — помогла я.

Он закивал:

— Я не разобрал лиц, но хорошо запомнил место. Если бы я только знал, что во всем виноваты Патрик и Гвен!

В его голосе прорезалось столько гнева, что я лишь покачала головой. Я не ощущала в себе подобного праведного негодования, лишь досаду, что не догадалась раньше, и... усталость.

А еще отголоски жалости к Гвен. Она заслуживала лучшей участи, чем гнить за решеткой.

— Почему ты не предупредил меня?

Оуэн пожал плечами. Казалось, вопрос его удивил.

— Если озвучить пророчество тому, о ком оно, будущее может измениться.

Я поперхнулась.

— А ты очень хотел увидеть меня связанной на каменном алтаре?

Он обиженно засопел:

— Я хотел это предотвратить, поэтому и рассказал твоему мужу. Но мы знали только место: ни времени, ни лиц. Как только поняли, что ты пропала, сразу устремились туда.

На душе потеплело. Подумать только, они и правда меня спасли!

— Спасибо, — тихо поблагодарила я. — Ты настоящий друг.

Он совершенно по-детски шмыгнул носом и исчез за дверью. В коридоре раздался топот его ног.

— Ну что ж, раз все в порядке, я тоже пойду. Не думаю, что твоего мужа обрадует мое присутствие. По-моему, он относится ко мне с легким предубеждением.

Майкл поднялся на ноги. Сощурившись, я наблюдала, как его тщательно начищенные, блестящие ботинки шагают к выходу.

— Я бы не стала болтать в бреду о твоих... секретах.

Он обернулся и серьезно сказал:

— Знаю.

Мгновение мы смотрели друг на друга, а затем, не сговариваясь, улыбнулись — так хитро и заговорщицки, как это умеют делать люди, посвященные в общую тайну.

— Ты мог бы не волноваться обо мне.

— Это верно, — легко согласился он. — Понятия не имею, зачем вообще явился сюда.

Я усмехнулась. Жизнь — штука забавная. Можно много лет знать человека, но так и не сблизиться с ним, а иногда достаточно пары недель, чтобы обрести друга.

Но я скорее язык проглочу, чем произнесу это вслух.

Майкл, словно подслушав мои мысли, кивнул и потянулся к ручке двери.

— Я тут подумала... — медленно начала я. — Ты мог бы заключить фиктивный брак с девушкой, чей дар уже запечатали. За возможность быть свободной она прикроет тебя перед родными. А отсутствие детей никого не смутит: спишут на последствия применения магии. Нужно лишь найти ту, в ком будешь уверен.

Его рука дрогнула. Он обернулся.

— Интересная идея. — На его лице застыло задумчивое выражение. — Родители, конечно, не одобряют такого союза — им нужен наследник, — но... — Он вновь улыбнулся обаятельной улыбкой шалопая и баловня судьбы. — ...Всегда можно обвенчаться тайно. Все влюбленные так и делают! Спасибо, буду иметь в виду этот вариант.

Он вышел за дверь, а я устало прикрыла глаза. Пожалуй, мне и правда сильно досталось.

Отдохнуть не дали. Минутой спустя в палате появился незнакомый мужчина в белом халате, а следом — Джонатан. При виде его мрачного, осунувшегося лица сердце сжалось и пропустило удар.

— Рина Эйверли, вы уже пришли в себя? Я был уверен, что вы проспите до утра.

Я облизнула сухие губы, смотря на молчавшего Джонатана.

— Нет, мне уже лучше.

— А вот об этом позвольте судить мне, — мягко возразил лекарь. — Давайте осмотрим вас.

Я не протестовала. Дала послушать дыхание, измерить частоту пульса и послушно положила руку на магический шар, когда об этом попросили.

— Неплохо, — прокомментировал лекарь, всматриваясь в грани шара. — Сильное истощение, но, учитывая, какой поток магии вы через себя пропустили, вам повезло. Травяные отвары, постельный режим, крепкий сон — и через неделю вы будете твердо стоять на ногах. Но не прибегайте к дару хотя бы дней десять. Вам нужно прийти в себя.

— Хорошо, — рассеянно согласилась я. — Мне можно уйти домой или...

— Побудьте до утра в больнице, а затем, если не возникнет проблем, мы вас отпустим.

Лекарь коротко попрощался. Мы с Джонатаном остались одни.

Я сплела пальцы в замок, искоса рассматривая Джонатана. Он так и остался стоять возле окна, не делая попыток подойти ближе. Теперь я могла разглядеть и искусанные в кровь губы, и залегшие тени под его глазами. Мне до боли хотелось обнять его, но, чувствуя исходящий от него холод, я не была уверена, что это уместно.

— Ладно, — я вздохнула и решила спросить «в лоб», — кто-то умер?

— Только Патрик, — равнодушно сказал он. — Не волнуйся, его смерть тебя не заденет. Это была самооборона.

Я припомнила безжизненное тело, объятые пламенем, затем смущенное лицо мальчика-очкарика и глухо пробормотала:

— Она уже задела...

Словно не слыша меня, Джонатан продолжил:

— Гвен выдвинуто обвинение в краже артефактов и проведении запрещенного ритуала. Она призналась, что пыталась подставить тебя.

Я до боли закусила губу. Гвен...

— Понятно. Оливия что-то хотела мне рассказать, перед тем как...

— Ее допросят. Возможно, она о чем-то догадывалась.

Я обхватила себя руками. Разговор — слишком сухой, слишком официальный — нравился мне все меньше. Джонатан по-прежнему избегал моего взгляда.

— Чувствую себя душой, — тихо призналась я. — Теперь кажется, что все очевидно. Ты знал?

— Был почти уверен.

В памяти всплыла сцена в полицейском участке, когда Джонатан бросил Гвен что-то резкое. Он подозревал ее уже тогда? Злился, что из-за нее у меня проблемы?

Я убрала упавшую на лоб прядку волос и искоса посмотрела на Джонатана. Не похоже, чтобы он вообще волновался о моей судьбе. Но я же помню, как он сжимал меня в объятиях в пещере! Как будто я его самый родной человек... Ничего не понимаю!

— Ты... — Я замолкла и предприняла еще одну попытку: — Злишься на меня?

— Нет.

— Если я тебя обидела...

— Нет. — Джонатан оторвался от окна и, спрятав руки в карманы брюк, подошел ближе. Он немного сутулился, от чего казался ниже обычного. — Я хочу развестись.

— Оу-у-у! — потрясенно вырвалось у меня. — Конечно.

В сердце словно вогнали и провернули несколько раз кинжал. Стараясь взять себя в руки, я до боли прикусила щеку изнутри.

Дыши, глупая, дыши.

В конце концов этим все и должно было закончиться. И только полная дура могла влюбиться в Джонатана Эйверли, главу Тайной Канцелярии. Такие, как он, всегда живут одни.

А уж иномирянка его и вовсе не могла заинтересовать. Даже если она Проводник.

— Почему сейчас? — тихо спросила я. В голове вспышкой пронеслось озарение. — Подожди, это потому что дело закрыто и у тебя нет причин быть рядом?

Эта мысль обожгла, заставила едва ли не задохнуться.

Его резкие шаги прозвучали совсем рядом, и я вскинула голову. Не реветь, только не реветь...

Джонатан вдруг опустился на кровать рядом со мной — матрас прогнулся под его весом. Его ладони сжались в кулаки, костяшки побледнели, а заледеневшее лицо напугало даже меня.

— Потому что я люблю тебя, — равнодушно сказал он. — Думаю, я догадывался об этом и раньше, но осознал, только держа тебя на руках в пещере, — хрупкую и едва живую.

Я застыла, не в силах отвести от него растерянный взгляд. У меня слуховые галлюцинации или он и правда все это говорит?

— У нас был уговор, я его выполнил. Сроки не обсуждались.

— Но...

— Я не тот человек, который станет рубить хвост собаки по кускам, — спокойно продолжил Джонатан. — Очевидно, что ты не испытываешь тех же чувств. Я же свои скрыть не смогу. Наш фиктивный брак перестанет быть уютным и удобным. Просто физическая близость меня тоже не устроит. Прости.

Он так быстро встал, что я едва успела ухватить его за руку. Меня душил нервный смех, и я сдерживалась из последних сил. Если сейчас рассмеюсь, Джонатан точно истолкует это неправильно.

— Знаешь, с таким пафосом меня еще никто не бросал, — кусая губы, серьезно заметила я.

Он промолчал. Не вырвал ладонь из моей, а наоборот, сжал так крепко, будто не хотел отпускать.

— Джонатан Эйверли, — торжественно произнесла я, и он вскинул голову, встречаясь со мной глазами, — ты что, правда решил избавиться от меня таким оригинальным способом? Да еще в момент, когда я собралась признаваться тебе в любви!

Он вздрогнул, замер на мгновение, а затем жадно заглянул мне в лицо, словно ища в нем намек на ложь.

— Ты...

Я с трудом приподнялась на подушках и потянула Джонатана за рукав. Ему пришлось склониться ко мне.

— Я люблю тебя, Джонатан, но если ты еще раз заикнешься о разводе...

Он воззрился на меня с удивлением и недоверием. Через мгновение растерянность сменилась на широкую, заразительную улыбку.

— Значит, все по-настоящему? — уточнил он, обжигая мои губы горячим дыханием.

— Уже давно, — подтвердила я.

Последовавший за этим поцелуй скрепил наши слова, так похожие на клятву.

Я столкнулась с Оливией у дверей полицейского участка. При виде меня она ступсевалась, а затем расправила плечи. Из плетеной корзины, покачивающейся на ее локте, доносился аромат свежего хлеба. Плющик на моем запястье оживился, но быстро скис: он предпочитал мясо.

— Ты к Гвен? — скорее утвердительно, чем вопросительно сказала я.

С Оливией мы не виделись неделю. С того дня, когда я заметила ее на трибуне. На записку я так и не успела ответить, а потом в этом и вовсе отпала необходимость. Джонатан сказал, что полиция поговорила с Оливией и я могу с ней не встречаться.

— Да, — с легким вызовом ответила она. — Знаю, ты злишься на нее, но мне ее жаль. Ее муж был порождением Темных! Я нередко видела синяки на ее руках. Она носила перчатки и платья с рукавом даже в жару.

Я не знала, как объяснить, что не испытываю к Гвен ненависти. Учítывая, что она хотела со мной сделать, это было странно, но... Она, как и я, стремилась к свободе. Вот только расклад у нее оказался менее удачный, чем у меня.

— Все в порядке, — перебила я. — Я тоже пришла ее навестить.

Оливия закусила губу и с непониманием посмотрела на меня.

— Она едва не убила тебя, — напомнила она с короткой заминкой, будто сомневаясь в моем душевном здравии.

Я усмехнулась:

— Угу, это сложно забыть. Идем?

В конце концов основная разница между мною и Гвен, заключалась лишь в том, что мне повезло с мужем, а ей — нет.

Я ухвати́лась за ручку двери и потянула ее на себя. Оливия замешкалась.

— Знаешь, — несмело проговорила она, — я никогда не верила в женскую дружбу, но, когда увидела, как вы с Гвен общаетесь... Словом...

Я окинула ее долгим взглядом и жестом пропустила вперед.

— Мы с Оуэном занимаемся вечером в библиотеке. Приходи, если хочешь.

Она обернулась и, улыбнувшись, кивнула.

Что ж, как выяснилось, я умела не только терять друзей, но и заводить их.

Эпилог

— Я получила стипендию!

С этим криком я ворвалась в спальню. Джонатан оторвался от книги и чуть приподнял бровь.

— Тебя сильно обидит, если я скажу, что не сомневался в этом?

Я фыркнула и, скинув туфли, забралась в постель. Джонатан подвинулся, и я устроилась у него под боком.

— Мог бы и восхититься.

Он поцеловал меня в висок.

— Я всегда тобой восхищаюсь.

Крыть было нечем. Он и правда постоянно говорил мне об этом. Если бы не его поддержка, мне бы пришлось сложнее.

— А еще Абрамс утвердил первый экземпляр студенческой газеты!

Джонатан, перевернув страницу, хмыкнул:

— Удивлен, что он сопротивлялся так долго. Тебя за это время могли сто раз переманить столичные журналисты.

Мне и правда неоднократно поступали предложения поделить сенсационным материалом сначала о сдаче зачета у Ларкинза, затем — о событиях того страшного ритуала, унесшего жизнь Патрика.

На него, в отличие от Гвен, я злилась, но с каждым днем все меньше.

— Я хочу собственную газету, — сморщив нос, напомнила я, — где могла бы играть по своим правилам. А они лишь желали получить интервью. Не более.

Женщина-журналистка — и правда все еще слишком радикально для этого мира. Но я это исправлю.

Я сняла с запястья сонного, довольно урчащего Плющика и спустила его в горшок с песком. Вчера Райли вернулся с конвенции магов абсолютно счастливым. Общество признало результат эксперимента крайне интересным. Кажется, академия даже получит премию в новейших разработках.

— Томас прислал приглашение, — отложив книгу в сторону, сказал Джонатан. — Навестим старика?

— Завтра? — с радостью уточнила я.

Я очень соскучилась по учителю Джонатана, но еще хотела повидаться с Ионом. «Брат» уже месяц работал у Томаса. Оба были безумно довольны друг другом.

— Завтра, — легко согласился Джонатан.

Я перекатилась на бок и, опершись на локоть, игриво спросила:

— А чем займемся сегодня?

Он усмехнулся. Мгновение, и я оказалась прижата к его груди. Горячий шепот обжег мочку уха и заставил зажмуриться от предвкушения.

— Есть у меня одна идея...